ПСИХОПАТОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

Д-ръ Зигмундъ Фрейдъ.

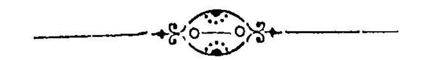
Книгоиздательство „Современныя проблемы“.

Д-ръ ЗИГМУНДЪ ФРЕЙДЪ.
Профессоръ Вѣнскаго университета.

ПСИХОПАТОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.

Разрѣшенный авторомъ, переводъ со 2-ого нѣмецк. изданія.

В. МЕДЕМА.

МОСКВА.
Типографія М. В. Балдинъ и К°. Москва. Арбатъ, домъ № 7.
1910

ГЛАВА I.

Забываніе собственныхъ именъ.

Въ 1898 г., я помѣстилъ въ „Monatschrift für Psychiatrie und Neurologie“ небольшую статью „Къ вопросу о психическомъ механизмѣ забывчивости“; содержаніе этой статьи послужитъ исходной точкой настоящаго изложенія. Въ ней я подвергъ на примѣрѣ, взятомъ изъ моей собственной жизни, психологическому анализу чрезвычайно распространенное явленіе временнаго забыванія собственныхъ именъ и пришелъ къ тому выводу, что этотъ весьма обыкновенный и практически не особенно важный видъ разстройства одной изъ психическихъ функцій — способности припоминанія—допускаетъ объясненіе, выходящее далеко за предѣлы обычныхъ взглядовъ.

Психологъ, которому будетъ поставленъ вопросъ, чѣмъ объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое, по существу, имя, ограничится скорѣе всего простымъ указаніемъ на то, что собственныя имена вообще способны легче ускользать изъ памяти, нежели всякій другой элементъ нашего психическаго содержанія. Онъ приведетъ рядъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеній, обосновывающихъ это своеобразное преимущество собственныхъ именъ. Но мысль о существованіи иной причинной зависимости будетъ ему чужда.

Для меня лично поводомъ для болѣе внимательнаго изученія даннаго феномена послужили нѣкоторыя частности, встрѣчавшіяся если и не всегда, то все же въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживавшіяся съ достаточной ясностью. Это было именно въ тѣхъ случаяхъ, когда наряду съ *позабываніемъ* наблюдалось и *невѣрное припоминаніе*. Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее

изъ его памяти имя, приходятъ въ голову иныя, *подставныя* имена, и если эти имена и опознаются сразу же, какъ невѣрныя, то они все же упорно возвращаются вновь съ величайшей навязчивостью. Весь процессъ, который долженъ вести къ воспроизведенію искомаго имени, потерпѣлъ какъ бы извѣстный сдвигъ и приводитъ къ своего рода подмѣну.

Наблюдая это явленіе, я исхожу изъ того, что сдвигъ этотъ отнюдь не является актомъ психическаго произвола, что онъ, напротивъ, совершается въ рамкахъ закономѣрныхъ и поддающихся научному учету. Иными словами, я предполагаю, что „подставное" имя или имена стоятъ въ извѣстной, могущей быть вскрытой, связи съ искомымъ словомъ, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этимъ самымъ былъ бы пролитъ свѣтъ и на самый феноменъ забыванія именъ.

Въ томъ примѣрѣ, на которомъ я построилъ свой анализъ въ указанной выше статьѣ, забыто было имя художника, написавшаго извѣстныя фрески въ соборѣ итальянскаго городка Орвіето. Вмѣсто искомаго имени—Синьорелли—мнѣ упорно приходили въ голову два другихъ—Ботичелли и Больтраффіо; эти два подставныхъ имени я тотчасъ же отбросилъ, какъ невѣрныя, и когда мнѣ было названо настоящее имя, я не задумываясь призналъ его. Я попытался установить, благодаря какимъ вліяніямъ и путемъ какихъ ассоціацій воспроизведеніе этого имени потерпѣло подобнаго рода сдвигъ (вмѣсто Синьорелли—Ботичелли и Больтраффіо), и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло изъ моей памяти, не слѣдуетъ искать ни въ особенностяхъ этого имени, самого по себѣ, ни въ психологическомъ характерѣ той комбинаціи, въ которой оно должно было фигурировать. Само по себѣ имя это было мнѣ извѣстно не хуже, чѣмъ одно изъ подставныхъ именъ (Ботичелли) и несравненно лучше, нежели второе подставное имя—Больтраффіо; объ этомъ послѣднемъ я не зналъ почти ничего, развѣ лишь, что этотъ художникъ принадлежалъ къ миланской школѣ. Что же касается до комбинаціи, въ которой находилось данное имя, то она носила ничего не значащій характеръ и не давала никакихъ нитей для выясненія вопроса: я ѣхалъ лошадьми съ однимъ чу-

жимъ для меня господиномъ изъ Рагузы (въ Далмаціи) въ Герцоговину; мы заговорили о путешествіяхъ по Италіи, и я спросилъ моего спутника, былъ ли онъ уже въ Орвіето и видѣлъ ли знаменитыя фрески... NN.

б) Объяснить исчезновеніе изъ моей памяти этого имени мнѣ удалось лишь послѣ того, какъ я возстановилъ тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феноменъ предсталъ предо мной, какъ процессъ *вторженія* этой предшествовавшей темы въ тему дальнѣйшаго разговора и *нарушенія* этой послѣдней. Непосредственно передъ тѣмъ, какъ спросить моего спутника, былъ ли онъ уже въ Орвіето, я бесѣдовалъ съ нимъ о нравахъ и обычаяхъ турокъ, живущихъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Я разсказалъ, со словъ одного моего коллеги, практиковавшаго въ ихъ средѣ, о томъ, съ какимъ глубокимъ довѣріемъ они относятся къ врачу, и съ какой покорностью преклоняются предъ судьбой. Когда сообщаешь имъ, что больной безнадеженъ, они отвѣчаютъ: „*Господинъ* (Herr), о чемъ тутъ говорить? Я знаю, если бы его можно было спасти, ты бы спасъ его.“—Здѣсь, въ этомъ разговорѣ мы уже встрѣчаемъ такія слова и имена—Боснія, Герцеговина (*Herzegowina*), *Herr* (господинъ),—которыя поддаются включенію въ ассоціативную цѣпь, связывающую между собою имена Signorelli (signor—господинъ), Ботичелли и Больтраффіо.

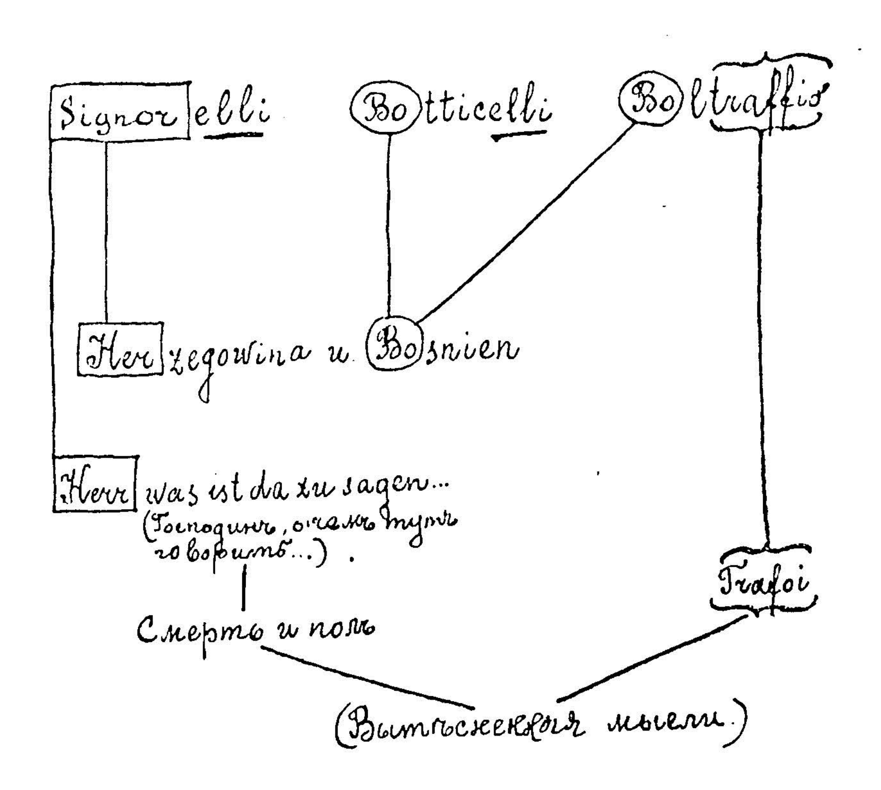
в) Я полагаю, что мысль о правахъ боснійскихъ турокъ оказалась способной нарушить теченіе слѣдующей мысли благодаря тому, что я отвлекъ отъ нея свое вниманіе прежде, чѣмъ додумалъ ее до конца. Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ было разсказать моему собесѣднику еще одинъ случай, связанный въ моей памяти съ первымъ. Боснійскіе турки цѣнятъ выше всего на свѣтѣ половое наслажденіе и въ случаяхъ заболѣваній, дѣлающихъ его невозможнымъ, впадаютъ въ отчаяніе, рѣзко контрастирующее съ ихъ фаталистическимъ равнодушіемъ къ смерти. Одинъ изъ паціентовъ моего коллеги сказалъ ему разъ: „Ты знаешь, *господинъ* (Herr), если лишиться этого, то жизнь теряетъ всякую цѣну“. Я воздержался отъ сообщенія объ этой характерной чертѣ, не желая касаться въ разговорѣ съ чужимъ человѣкомъ нѣсколько щекотливой темы. Но я сдѣлалъ при этомъ еще нѣчто большее; я отклонилъ

свое вниманіе и отъ дальнѣйшаго развитія тѣхъ мыслей, которыя готовы были у меня возникнуть въ связи съ темой „смерть и полъ“. Я находился въ то время подъ впечатлѣніемъ извѣстія, полученнаго нѣсколькими недѣлями раньше, во время моего пребыванія въ *Trafoi*: одинъ изъ моихъ паціентовъ, на лѣченіе котораго я потратилъ много труда, покончилъ съ собой вслѣдствіе неисцѣлимой половой болѣзни. Я точно знаю, что во время моей поѣздки въ Герцеговину это печальное извѣстіе и все то, что было съ нимъ связано, не всплывало въ моемъ сознаніи. Но совпаденіе звуковъ Trafoi—Boltraffio заставляетъ меня предположить, что въ этотъ моментъ, несмотря на то, что я намѣренно направилъ свое вниманіе въ другую сторону, данное воспоминаніе все же оказало свое дѣйствіе.

г) Послѣ всего сказаннаго я уже не могу разсматривать исчезновеніе изъ моей памяти имени Синьорелли, какъ простую случайность. Я долженъ признать здѣсь наличность извѣстнаго *мотива*. Имѣлись извѣстные мотивы, побудившіе меня прервать разсказъ о правахъ турокъ; они же побудили меня отгородить отъ моего сознанія связанныя съ этимъ разсказомъ мысли, ассоціировавшіяся въ свою очередь съ извѣстіемъ, полученнымъ мною въ Trafoi. Я хотѣлъ такимъ образомъ нѣчто позабыть и вытѣснилъ это нѣчто изъ памяти. Конечно, позабыть я хотѣлъ не имя художника изъ Орвіето, а нѣчто другое, но этому другому удалось ассоціативно связаться съ этимъ именемъ; такъ что мой волевой актъ попалъ мимо цѣли, и въ то время, какъ намѣренно я хотѣлъ забыть одну вещь, я забылъ—противъ своей воли—другую. Нежеланіе вспомнить направлялось противъ одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другомъ. Конечно проще было бы, если бы и нежеланіе, и неспособность сказались на одномъ и томъ же объектѣ.—Съ этой точки зрѣнія подставныя имена представляются мнѣ уже не столь произвольными. Они создаютъ извѣстнаго рода компромиссъ: напоминаютъ и о томъ, что я хотѣлъ вспомнить, и о томъ, что я позабылъ; они показываютъ, такимъ образомъ, что мое намѣреніе позабыть нѣчто не увѣнчалось ни полнымъ успѣхомъ, ни полнымъ неуспѣхомъ.

g) Весьма очевидна та связь, которая установилась между

искомымъ именемъ и вытѣсненной темой („смерть и полъ“; къ ней же относятся имена: Боснія, Герцеговина и Trafoi). Предлагаемая схема пояснить эту связь.

Имя Signorelli разложилось при этомъ на двѣ части. Послѣдніе два слога (elli) воспроизведены въ одномъ изъ подставныхъ имен безъ измѣненій (Boticelli), первые же два подверглись переводу съ итальянскаго языка на нѣмецкій (signor-Herr), вступили въ этомъ видѣ въ цѣлый рядъ сочетаній съ тѣмъ словомъ, которое фигурировало въ вытѣсненной темѣ (Herr, Herzegowina) и благодаря этому оказались также вытѣсненными изъ памяти. Замѣна ихъ произошла такъ, какъ будто было сдѣлано передвиженіе вдоль по словочетанію „Герцеговина и Боснія“, причемъ передвиженіе это

совершилось независимо отъ смысла этихъ словъ и отъ звукового разграниченія отдѣльныхъ слоговъ. Отдѣльныя части фразы механически разсѣкались подобно тому, какъ это дѣлается при построеніи ребуса. Весь этотъ процессъ, въ результатѣ котораго имя Синьорелли замѣнилось двумя другими, протекалъ всецѣло внѣ сознанія. За вычетомъ совпаденія однихъ и тѣхъ же слоговъ (или точнѣе сочетаній буквъ) никакой иной связи, которая объединяла бы обѣ темы —вытѣсненную и слѣдующую—установить на первыхъ порахъ не удается.

Быть можетъ, нелишне будетъ замѣтить, что приведенное выше объясненіе не противорѣчитъ обычному у психологовъ взгляду на актъ воспроизведенія и позабыванія, какъ обусловленный извѣстнымъ соотношеніемъ и расположеніемъ психическихъ элементовъ. Мы лишь присоединили къ этимъ обычнымъ, давно признаннымъ моментамъ, для нѣкоторыхъ случаевъ еще одинъ моментъ—*мотивъ*; и кромѣ того выяснили механизмъ неправильнаго припоминанія. Что же касается до того „расположенія", о которомъ говорится обычно, то оно необходимо и въ нашемъ случаѣ, ибо иначе вытѣсненный элементъ вообще не могъ бы вступить въ ассоціативную связь съ искомымъ именемъ и тѣмъ самымъ вовлечь его въ кругъ вытѣсняемаго. Быть можетъ, если бы дѣло шло о какомъ-либо другомъ имени, болѣе приспособленномъ для воспроизведенія, это явленіе и не имѣло бы мѣсто. Ибо вполнѣ вѣроятно, что подавленный элементъ постоянно стремится какимъ-либо инымъ путемъ пробиться наружу, но удается это ему лишь тамъ, гдѣ имѣются соотвѣтствующія благопріятныя условія. Съ другой стороны, подавленіе можетъ произойти и безъ функціональнаго разстройства или, какъ мы могли бы съ полнымъ правомъ сказать, безъ *симптомовъ*.

Сводя воедино всѣ тѣ условія, при которыхъ забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получаемъ: 1) извѣстное расположеніе, благопріятное для позабыванія, 2) незадолго передъ тѣмъ происшедшее подавленіе и 3) возможность установить внѣшнюю ассоціативную связь между соотвѣтствующимъ именемъ и подавленнымъ элементомъ. Впрочемъ, этому послѣднему условію врядъ ли приходится приписывать особое значеніе, ибо требованія, предъявляемыя къ ассоціативной связи, столь невелики, что установить ее

въ большинствѣ случаевъ можно. Другой вопросъ—и вопросъ болѣе глубокій—это, дѣйствительно ли достаточно одной внѣшней ассоціаціи для того, чтобы вытѣсненный элементъ могъ помѣшать воспроизведенію искомаго имени, и не требуется ли иной, болѣе интимной связи между обѣими темами. При поверхностномъ наблюденіи это послѣднее требованіе кажется излишнимъ, и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при болѣе внимательномъ изученіи все чаще оказывается, что связанные внѣшней ассоціаціей элементы обладаютъ кромѣ того извѣстной связью и по своему содержанію, и въ нашемъ примѣрѣ съ именемъ Синьорелли также можно вскрыть подобную связь.

Цѣнность тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли въ результатѣ нашего анализа, зависитъ, конечно, отъ того, является ли данный примѣръ (Синьорелли) типическимъ или единичнымъ. Я съ своей стороны утверждаю, что процессъ позабыванія и неправильнаго воспроизведенія именъ совершается сплошь да рядомъ именно такъ, какъ въ данномъ случаѣ. Почти каждый разъ, какъ мнѣ случалось наблюдать это явленіе на себѣ самомъ, я имѣлъ возможность объяснить его именно указаннымъ образомъ: какъ актъ, мотивированный вытѣсненіемъ. Долженъ указать и еще на одно соображеніе, подтверждающее типическій характеръ нашего наблюденія. Я думаю, что нѣтъ основанія дѣлать принципіальное различіе между тѣми случаями позабыванія, когда оно связано съ неправильнымъ воспроизведеніемъ именъ, и простымъ позабываніемъ, не сопровождающимся подставными именами. Въ рядѣ случаевъ эти подставныя имена всплываютъ самопроизвольно; въ другихъ случаяхъ ихъ можно вызвать напряженіемъ вниманія, и тогда они обнаруживаютъ такую же связь съ вытѣсненнымъ элементомъ и искомымъ именемъ, какъ и при самопроизвольномъ появленіи. Рѣшающее значеніе въ этомъ процессѣ всплыванія имѣютъ, повидимому, два момента: напряженіе вниманія съ одной стороны, а съ другой—нѣкоторое внутреннее условіе, относящееся уже къ свойствамъ самаго психическаго матеріала: это, быть можетъ, та степень легкости, съ какой создается между обоими элементами необходимая внѣшняя ассоціація. Такимъ образомъ, немалое количество случаевъ простого позабыванія безъ под-

ставныхъ именъ, можно отнести къ тому же разряду, для котораго типиченъ примѣръ Синьорелли. Я не рѣшусь утверждать, что къ этому разряду могутъ быть отнесены всѣ случаи забыванія именъ. Но думаю, что буду достаточно остороженъ, если, резюмируя свои наблюденія, скажу: *наряду съ обыкновеннымъ забываніемъ собственныхъ именъ встрѣчаются и случаи забыванія мотивированнаго, причемъ мотивомъ служитъ вытѣсненіе.*

II.

Забываніе иностранныхъ словъ.

Слова, обычно употребляемыя въ нашемъ родномъ языкѣ, повидимому, защищены отъ забыванія въ предѣлахъ нормально функціонирующей памяти. Иначе обстоитъ дѣло, какъ извѣстно, со словами иностранными. Предрасположеніе къ позабыванію ихъ существуетъ по отношенію ко всѣмъ частямъ рѣчи, и первая ступень функціональнаго разстройства сказывается въ той неравномѣрности, съ какой мы располагаемъ запасомъ иностранныхъ словъ въ зависимости отъ нашего общаго состоянія и отъ степени усталости. Позабываніе это происходитъ въ рядѣ случаевъ путемъ того же механизма, который былъ раскрытъ передъ нами въ примѣрѣ „Синьорелли". Чтобы доказать это, я приведу анализъ всего только одного, но имѣющаго цѣнныя особенности, случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) изъ латинской цитаты. Позволю себѣ изложить этотъ небольшой эпизодъ подробно и наглядно.

Прошлымъ лѣтомъ я возобновилъ—опять-таки во время вакаціоннаго путешествія—знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ, университетски образованнымъ, который, какъ я вскорѣ замѣтилъ, читалъ нѣкоторыя мои психологическія работы. Въ разговорѣ мы коснулись—не помню уже почему—соціальнаго положенія той народности, къ которой мы оба принадлежимъ, и онъ, какъ человѣкъ честолюбивый, сталъ жаловаться на то, что его поколѣніе обречено какъ онъ выразился, на захирѣніе, не можетъ развивать своихъ талантовъ и удовлетворять свои потребности. Онъ закончилъ свою нестрастную рѣчь извѣстнымъ стихомъ изъ Виргилія, въ которомъ несчастная Дидона завѣщаетъ грядущимъ поколѣніямъ отмщеніе Энею:

„Exoriare"... и т. д. Вѣрнѣе,—онъ *хотѣлъ* такъ закончить; ибо возстановить цитату ему не удалось, и онъ попытался замаскировать явный пропускъ при помощи перестановки словъ: „exoriar(e) ex nostris ossibus ultor!" Въ концѣ-концовъ онъ съ досадой сказалъ мнѣ: „Пожалуйста, не стройте такого насмѣшливаго лица, словно бы Вы наслаждались моимъ смущеніемъ; лучше помогите мнѣ. Въ стихѣ чего-то не хватаетъ. Какъ онъ собственно гласитъ въ полномъ видѣ?"

— Охотно, отвѣтилъ я, и процитировалъ подлинный текстъ: „Exoriar(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!"

„Какъ глупо позабыть такое слово! Впрочемъ, Вы вѣдь утверждаете, что ничто не забывается безъ основанія. Въ высшей степени интересно было бы знать, какимъ образомъ я умудрился забыть это неопредѣленное мѣстоимѣніе aliquis".

Я охотно принялъ вызовъ, надѣясь получить новый вкладъ въ свою коллекцію. „Сейчасъ мы это узнаемъ,— сказалъ я ему,— я долженъ Васъ только просить сообщить мнѣ *откровенно* и *не критикуя* все, что вамъ придетъ въ голову, лишь только Вы безъ какого-либо опредѣленнаго намѣренія сосредоточите свое вниманіе на позабытомъ словѣ *).

„Хорошо. Мнѣ приходитъ въ голову курьезная мысль: расчленить слово слѣдующимъ образомъ: *a* и *liquis*".

Зачѣмъ? — „Не знаю". — Что Вамъ приходитъ дальше на мысль?—„Дальше идетъ такъ: *реликвіи, ликвидиція. жидкость, флюидъ*. Дознались Вы уже до чего-нибудь?"

„Нѣтъ, далеко еще нѣтъ. Но продолжайте".

„Я думаю—продолжалъ онъ съ ироническимъ смѣхомъ—о *Симонѣ Тріентскомъ*, реликвіи котораго я видѣлъ два года тому назадъ въ одной церкви въ Тріентѣ. Я думаю объ обвиненіи въ употребленіи христіанской крови, выдвигаемомъ какъ разъ теперь противъ евреевъ, и о книгѣ Kleinpaul'а, который во всѣхъ этихъ якобы жертвахъ видитъ новыявоплощенія, такъ сказать новыя изданія Христа".

---

*) Это обычный путь, чтобы довести до сознанія скрытые отъ него элементы представленій. Ср. мою „Traumdeutung".

„Эта мысль не совсѣмъ чужда той темѣ, о которой мы съ Вами бесѣдовали, когда вы позабыли латинское слово.“

„Вѣрно. Я думаю, далѣе, о статьѣ въ итальянскомъ журналѣ, который я недавно читалъ. Помнится, она была озаглавлена:

Что говоритъ св. Августинъ о женщинахъ? Что Вы съ этимъ сдѣлаете?“

— Я жду.

„Ну теперь идетъ нѣчто такое, что уже навѣрное не имѣетъ никакого отношенія къ нашей темѣ“.

„Пожалуйста воздержитесь отъ критики и—.“

„Знаю. Мнѣ вспоминается чудесный старый господинъ, съ корымъ я встрѣтился въ пути на прошлой недѣлѣ. Настоящій *оригиналъ*. Имѣетъ видъ большой хищной птицы. Его зовутъ, если хотите знать, *Бенедиктъ*“.

„Получаемъ, по крайней мѣрѣ, сопоставленіе святыхъ и отцовъ церкви—св. *Симонъ*, *св. Августинъ*, *св. Бенедиктъ*. Одинъ изъ отцовъ церкви назывался, кажется, *Оригинъ*. Три имени изъ перечисленныхъ встрѣчаются и въ наше время, равно какъ и имя *Paul* (Павелъ) изъ *Kleinpaul*.“

„Теперь мнѣ вспоминается святой *Януарій* и его чудо съ кровью—но мнѣ кажется, что это идетъ дальше уже чисто механически!“

„Оставьте; и святой Януарій, и святой Августинъ имѣютъ оба отношеніе къ календарю. Не напомните ли Вы мнѣ, въ чемъ состояло чудо съ кровью св. Януарія?“

„Вы, навѣрное, знаете это. Въ одной церкви въ Неаполѣ хранится въ склянкѣ кровь св. Януарія, которая въ опредѣленный праздникъ чудеснымъ образомъ становится вновь *жидкой*. Народъ чрезвычайно дорожитъ этимъ чудомъ и приходитъ въ сильное возбужденіе, если оно почему-либо медлитъ случиться, какъ это и было разъ во время французской оккупаціи. Тогда командующій генералъ—или, можетъ быть, это былъ Гарибальди?—отвелъ въ сторону священника и, весьма выразительнымъ жестомъ указывая на выстроенныхъ на улицѣ солдатъ, сказалъ, что онъ *надѣется*, что чудо вскорѣ совершится...“

„Ну, дальше? Почему Вы запнулись?“

„Теперь мнѣ дѣйствительно пришло нѣчто въ голову... Но это слишкомъ интимно для того, чтобы я могъ разсказать... Къ тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности разсказывать объ этомъ“.

„О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить Васъ разсказывать мнѣ непріятныя для Васъ вещи; но тогда уже и Вы не требуйте отъ меня, чтобы я Вамъ объяснилъ, какимъ образомъ Вы забыли слово aliquis“.

„Въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ думаете? Ну такъ я внезапно подумалъ объ одной дамѣ, отъ которой я могу получить извѣстіе, очень непріятное для насъ обоихъ“.

— О томъ, что у нея не наступило мѣсячное нездоровье?

„Какъ вы могли это отгадать“?

„Теперь это уже не трудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарныхъ святыхъ, о переходѣ крови въ жидкое состояніе въ опредѣленный день, о возмущеніи, которое вспыхиваетъ, если событіе не происходитъ, и недвусмысленной угрозѣ, что чудо должно совершиться, не то...“

„Вы, сдѣлали изъ чуда св. Януарія прекрасный намекъ на нездоровье Вашей знакомой“.

„Самъ того не зная. И Вы думаете дѣйствительно, что изъ-за этого тревожнаго ожиданія я былъ не въ состояніи воспроизвести словечко aliquis?“

„Мнѣ представляется это совершенно несомнѣннымъ. Вспомните только Ваше расчлененіе a—liquis и дальнѣйшія ассоціаціи: реликвіи, ликвидація, жидкость... Я могъ бы еще включить въ комбинацію принесеннаго въ жертву *ребенкомъ* св. Симона, о которомъ Вы подумали въ связи со словомъ религіи.“

„Нѣтъ уже, не надо. Я надѣюсь, что Вы не примете въ серьезъ этихъ мыслей, если даже онѣ и появились у меня дѣйствительно. Зато я долженъ Вамъ признаться, что дама, о которой идетъ рѣчь,—итальянка, и что въ ея обществѣ я посѣтилъ Неаполь. Но развѣ все это не можетъ быть чистой случайностью?“

„Можно ли это объяснить случайностью, — я предоставляю судить Вамъ самимъ. Долженъ только Вамъ сказать, что всякій аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведетъ Васъ къ столь же замѣчательнымъ „случайностямъ“.

Цѣлый рядъ причинъ заставляетъ меня высоко цѣнить этотъ маленькій анализъ, за который я долженъ быть благодаренъ моему тогдашнему спутнику. Во-первыхъ, я имѣлъ возможность въ данномъ случаѣ пользоваться такимъ источникомъ, къ которому обычно не имѣю доступа. По большей части мнѣ приходится добывать примѣры нарушенія психическихъ функцій въ обыденной жизни путемъ собственнаго самонаблюденія. Несравненно болѣе богатый матеріалъ, доставляемый мнѣ многими паціентами нервно-больными, я стараюсь оставлять въ сторонѣ во избѣжаніе возраженій, что данные феномены происходятъ въ результатѣ и служатъ проявленіями невроза. Вотъ почему для моихъ цѣлей особенно цѣнны тѣ случаи, когда нервно-здоровый чужой человѣкъ соглашается быть объектомъ изслѣдованія. Приведенный анализъ имѣетъ для меня еще и другое значеніе: онъ освѣщаетъ случай забвенія, не сопровождающагося появленіемъ подставныхъ словъ, и подтверждаетъ установленный мной выше тезисъ, что фактъ появленія или отсутствія подставныхъ словъ не можетъ обусловливать существеннаго различія *).

---

*) Болѣе тщательное наблюденіе нѣсколько суживаетъ различіе между случаями Signorelli и aliquis, поскольку дѣло касается подставныхъ воспоминаній. Повидимому и во второмъ примѣрѣ забвеніе также сопровождалось нѣкоторымъ процессомъ замѣщенія. Когда я впослѣдствіи спросилъ своего собесѣдника, не пришло ли ему на мысль, въ то время какъ онъ силился вспомнить недостающее слово, что-либо другое въ замѣну его, онъ сообщилъ мнѣ, что сперва испытывалъ поползновеніе вставить въ стихъ слово *ab*: nostris ab ossibus (быть можетъ это оставшаяся свободной часть a—liquis), а затѣмъ, что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exoriare*. Оставаясь скептикомъ, онъ добавилъ: „Это объясняется, очевидно тѣмъ, что то было первое слово стиха.—„Когда я попросилъ его обратить вниманіе на слова, ассоціирующіяся у него съ exoriare, онъ назвалъ: экзорцизмъ. Легко себѣ представить, что усиленіе слова exoriare при репродукціи и было въ сущности равносильно образованію подставного слова. Оно могло исходить отъ имени *святыхъ* чрезъ ассоціацію „экзорцизмъ". Впрочемъ, это тонкости, которымъ нѣтъ надобности придавать значенія.— Но весьма возможно, что всплываніе того или иного подставного воспоминанія служитъ постояннымъ, а можетъ быть только ха-

Но главная цѣнность примѣра aliquis заключается въ другой особенности, отличающей его отъ случая Синьорелли. Въ послѣднемъ примѣрѣ воспроизведеніе имени было нарушено воздѣйствіемъ нѣкоего хода мыслей, начавшагося и оборваннаго непосредственно передъ тѣмъ, но по своему содержанію не стоявшаго ни въ какой замѣтной связи съ новой темой, заключавшей въ себѣ имя Синьорелли. Между вытѣсненнымъ элементомъ и темой забытаго имени существовала лишь смежность по времени; и ея было достаточно для того, чтобы оба эти элемента связались одинъ съ другимъ путемъ внѣшней ассоціаціи *). Напротивъ, въ примѣрѣ aliquis нѣтъ и слѣда подобной независимой, вытѣсненной темы, которая занимала бы непосредственно передъ этимъ сознательное мышленіе и затѣмъ продолжала бы оказывать свое дѣйствіе качествѣ въ разстраивающаго фактора. Разстройство репродукціи исходитъ здѣсь извнутри изъ самой же темы въ силу того, что противъ выраженнаго въ ци-

рактернымъ и предательскимъ признакомъ того, что данное позабываніе тенденціозно и мотивируется вытѣсненіемъ. Процессъ образованія подставныхъ именъ могъ бы имѣться на лицо даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда всплываніе невѣрныхъ именъ и не совершается, и сказывался бы тогда въ усиленіи какого-либо элемента, смежнаго съ позабытымъ. Такъ въ примѣрѣ Signorreli у меня все то время, что я не могъ вспомнить его фамиліи, было *необычайно* ярко зрительное воспоминаніе о циклѣ фресокъ и о помѣщенномъ въ углу одной изъ картинъ портретѣ художника,— во всякомъ случаѣ оно было у меня гораздо интенсивнѣе, чѣмъ у меня бываютъ обычно зрительныя воспоминанія. Въ другомъ случаѣ—также сообщенномъ въ моей статьѣ 1898 г.—Я безнадежно позабылъ названіе одной улицы въ чужомъ городѣ, на которую мнѣ предстояло пойти съ непріятнымъ визитомъ; но померъ дома запомнился мнѣ съ необычной яркостью, въ то время какъ обыкновенно я запоминаю числа лишь съ величайшимъ трудомъ.

*) Я не рѣшился бы съ полной увѣренностью утверждать объ отсутствіи всякой внутренней связи между обоими кругами мыслей въ примѣрѣ Синьорелли. При тщательномъ разсмотрѣніи вытѣсненныхъ мыслей на тему „смерть и половая жизнь“ все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся съ темой фресокъ въ Орвіето.

татѣ пожеланія безсознательно заявляется протестъ. Процессъ этотъ слѣдуетъ представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Говорившій выразилъ сожалѣніе по поводу того, что нынѣшнее поколѣніе его народа ограничено въ правахъ; новое поколѣніе—предсказываетъ онъ вслѣдъ за Дидоной—отомститъ притѣснителямъ. Онъ высказываетъ такимъ образомъ пожеланіе о потомствѣ. Въ этотъ моментъ сюда врѣзывается противорѣчащая этому мысль. „Дѣйствительно ли ты такъ горячо желаешь себѣ потомства? Это неправда. Въ какомъ затруднительномъ положеніи ты бы оказался, если бы получилъ теперь извѣстіе, что ты долженъ ожидать потомства отъ извѣстной тебѣ женщины? Нѣтъ, не надо потомства,—какъ ни нужно оно намъ для отомщенія“. Этотъ протестъ производитъ свое дѣйствіе тѣмъ же путемъ, что и въ примѣрѣ Синьорелли: образуется внѣшняя ассоціація между однимъ какимъ-либо изъ числа заключающихся въ немъ представленій и какимъ-нибудь элементомъ опротестованнаго пожеланія; притомъ на сей разъ ассоціація устанавливается обходнымъ путемъ, имѣющимъ видъ въ высшей степени искусственный. Второй существенный пунктъ схожденія съ примѣромъ Синьорелли заключается въ томъ, что протестъ беретъ свое начало изъ вытѣсненныхъ элементовъ и исходитъ отъ мыслей, которыя могли бы отвлечь вниманіе.—На этомъ мы покончимъ съ различіями и внутреннимъ сходствомъ обоихъ примѣровъ забыванія именъ. Мы познакомились еще съ однимъ механизмомъ забыванія—это: нарушеніе хода мысли силою внутренняго протеста, исходящаго отъ чего-то вытѣсненнаго. Съ этимъ процессомъ, который представляется намъ болѣе удобопамятнымъ, мы еще неоднократно встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

III.

Забываніе именъ и словосочетаній.

Въ связи съ тѣмъ, что мы сообщили выше о процессѣ позабыванія отдѣльныхъ частей той или иной комбинаціи иностранныхъ словъ, можетъ возникнуть вопросъ, нуждается ли позабываніе словосочетаній на родномъ языкѣ въ существенно иномъ объясненіи. Правда, мы обычно не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотвореніе спустя нѣкоторое время воспроизводится неточно, съ измѣненіями и пропусками. Но такъ какъ позабываніе это затрагиваетъ неравномѣрно заученныя въ общей связи вещи и опять таки какъ бы выламываетъ изъ нихъ отдѣльные куски, то не мѣшаетъ подвергнуть анализу отдѣльные случаи подобнаго рода ошибочнаго воспроизведенія.

Одинъ молодой коллега въ разговорѣ со мной высказалъ предположеніе, что забываніе стихотвореній, писанныхъ па родномъ языкѣ, быть можетъ, мотивируется такъ же, какъ и забываніе отдѣльныхъ элементовъ иностраннаго словосочетанія, и предложилъ себя въ качествѣ объекта изслѣдованія. Я спросилъ его, на какомъ стихотвореніи онъ хотѣлъ бы произвести опытъ, и онъ выбралъ „Коринѳскую невѣсту", стихотвореніе, которое онъ очень любитъ и изъ котораго помнитъ наизусть по меньшей мѣрѣ цѣлыя строфы. Съ самаго же начала у него обнаружилась странная неувѣренность. „Какъ оно начинается: „Von Korinthos nach Athen gezogen"—спросилъ онъ—или Nach Korinthos von Athen gezogen?" *) Я тоже на минуту заколебался было, но затѣмъ замѣтилъ со смѣхомъ, что уже самое заглавіе стихотворенія „Коринѳская не-

*) „Придя изъ Коринѳа въ Аѳины" или „изъ Аѳинъ въ Коринѳъ."

вѣста“ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, куда лежалъ путь юноши. Воспроизведеніе первой строфы прошло затѣмъ гладко, или по крайней мѣрѣ безъ замѣтнаго искаженія. Послѣ первой строки второй строфы мой коллега на минуту запнулся; вслѣдъ затѣмъ онъ продолжалъ такъ:

„Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und—getauft“ *).

Мнѣ уже раньше что-то рѣзнуло ухо; по окончаніи послѣдней строки мы оба были согласны, что здѣсь произошло искаженіе. И такъ какъ намъ не удавалось его исправить, то мы отправились въ библіотеку, взяли стихотворенія Гёте и къ нашему удивленію нашли, что вторая строка этой строфы имѣетъ совершенно иное содержаніе, которое было какъ бы выкинуто изъ памяти моего коллеги и замѣнено другимъ, повидимому совершенно постороннимъ. У Гёте стихъ гласитъ:

„Aber wird er auch willkommen scheinen,
Wenn er teuer nicht die Gunst erkauft“ **).

Слово „verkauft“ рифмовало съ „getauft“, и мнѣ показалось страннымъ, что сочетаніе словъ „язычникъ“, и христіане“ и „крещенъ“ такъ мало помогло возстановленію текста.

— Можете Вы себѣ объяснить,—спросилъ я коллегу—какимъ образомъ въ этомъ столь хорошо знакомомъ Вамъ, по Вашему, стихотвореніи, Вы такъ рѣшительно вытравили эту строку? И нѣтъ ли у Васъ какихъ-либо догадокъ насчетъ той комбинаціи, изъ которой возникла замѣстившая эту строку фраза?

Оказалось, что онъ можетъ дать мнѣ объясненія, хотя и сдѣлалъ онъ это съ явной неохотой: „Строка: Jetzt, wo jeder Tad

*) „Не будетъ ли онъ желаннымъ гостемъ.
Теперь, когда каждый день приноситъ что-либо новое?
Ибо онъ язычникъ со своими родными,
А они—христіане и крещены.“

**) „Не будетъ ли онъ желаннымъ гостемъ,
Если не купитъ милости дорогой цѣной“.

was neues bringt представляется мнѣ знакомой; по всей вѣроятности я употребилъ ее недавно, говоря о моей практикѣ, которая, какъ Вамъ извѣстно, все улучшается, чѣмъ я очень доволенъ. Но какимъ образомъ попала эта фраза сюда? Мнѣ кажется, я могу найти связь. Строка „wenn teuer nicht die Gunst erkauft“ мнѣ была явно непріятна. Она находится въ связи со сватовствомъ, въ которомъ я въ первый разъ потерпѣлъ неудачу и которое теперь, въ виду улучшившагося матеріальнаго положенія, я хочу возобновить. Больше я Вамъ не могу сказать, но ясно, что если я теперь получу утвердительный отвѣтъ, мнѣ не можетъ быть пріятна мысль о томъ, что теперь, какъ и тогда, рѣшающую роль сыгралъ извѣстный разсчетъ.“

Это было для меня достаточно ясно даже и безъ ближайшаго знакомства съ обстоятельствами дѣла. Но я поставилъ дальнѣйшій вопросъ: „Какимъ образомъ вообще случилось, что Вы связали Ваши частныя дѣла съ текстомъ „Коринеской невѣсты“? Быть можетъ въ Вашемъ случаѣ тоже имѣются различія вѣроисповѣднаго характера, какъ и въ этомъ стихотвореніи?.“

„(Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb'und Treu
Wie ein böses Unkraut ausgerauft“ *).

Я не угадалъ; но интересно было видѣть, какъ удачно поставленный вопросъ сразу раскрылъ глаза моему собесѣднику и далъ ему возможность сообщить мнѣ въ отвѣтъ такую вещь, которая до того времени навѣрное не приходила ему въ голову. Онъ бросилъ на меня взглядъ, изъ котораго видно было, что его что-то мучитъ и что онъ недоволенъ, и пробормоталъ дальнѣйшее мѣсто стихотворенія—

„Sieh' sie an genau! **)

*) „Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь и дружба сметены.“ (Пер. Вейнберга).

**) Впрочемъ, мой коллега нѣсколько видоизмѣнилъ это прекрасное мѣсто стихотворенія и по содержанію, и по смыслу, въ которомъ онъ употребилъ его. У Гете дѣвушка — привидѣніе говоритъ своему жениху:

Morgen ist sie grau“—(„взгляни на нее! завтра она будетъ сѣдой“).

и добавилъ лаконически: Она нѣсколько старше меня.

Чтобы не мучить его дольше, я прекратилъ разспросы. Объясненіе казалось мнѣ достаточнымъ. Но удивительно, что попытка вскрыть основу безобидной ошибки памяти должна была затронуть столь отдаленныя, интимныя и связанныя съ мучительнымъ аффектомъ обстоятельства.

Другой примѣръ забвенія части извѣстнаго стихотворенія я заимствую у C. G. Jung'а *) и излагаю его словами автора:

„Одинъ господинъ хочетъ продекламировать извѣстное стихотвореніе: „На сѣверѣ дикомъ“. На строкѣ „и дремлетъ качаясь...“ онъ безнадежно запинается; слова „и снѣгомъ сыпучимъ покрыта, какъ ризой, она“ онъ совершенно позабылъ. Это забвеніе столь извѣстнаго стиха показалось мнѣ страннымъ, и я попросилъ его воспроизвести, что приходитъ ему въ голову въ связи съ „снѣгомъ сыпучимъ покрыта какъ ризой“ („mit weisser Decke“). Получился слѣдующій рядъ: „При словахъ о бѣлой ризѣ я думаю о саванѣ, которымъ покрываютъ покойниковъ—(пауза)—теперь мнѣ вспоминается мой близкій другъ—его братъ недавно скоропостижноумеръ—кажется отъ удара—онъ былъ *тоже* полнаго тѣлосложенія—мой другъ *тоже* полнаго тѣлосложенія, и я уже думалъ, что съ нимъ можетъ *то же* случиться—онъ вѣроятно дѣлаетъ слишкомъ мало движенія—когда я услышалъ объ этой смерти, я вдругъ испугался, что

„Meine Locke hab'ich Dir gegeben.
Deine Locke nehm'ich mit mir fort.
Sieh'sie an genau!
Morgen bist du grau,
Und nur braun erscheinst Du wieder dort“.
(„Мою прядь тебѣ дала я,
Прядь твою беру съ собой,
Взгляни на нее
Завтра будешь ты сѣдъ,
Но лишь темноволосымъ явишься ты вновь туда“).

*) C. G. Jung. Über die Psychologie der Dementia praecox, 1907, S. 64.

и со мной можетъ случиться *то же*, потому что у насъ въ семействѣ и такъ существуетъ склонность къ ожиренію, и мой дѣдушка *тоже* умеръ отъ удара; я считаю себя *тоже* слишкомъ полнымъ и потому началъ на этихъ дняхъ курсъ лѣченія.“

„Этотъ господинъ такимъ образомъ сразу же отождествилъ себя безсознательно съ сосной, окутанной бѣлымъ саваномъ“—замѣчаетъ Юнгъ.

Съ тѣхъ поръ я продѣлалъ множество анализовъ подобныхъ же случаевъ позабыванія или неправильной репродукціи, и аналогичные результаты изслѣдованій склоняютъ меня къ допущенію, что обнаруженный въ примѣрахъ „aliquis“ и „Коринѳская невѣста“ механизмъ распространяетъ свое дѣйствіе почти на всѣ случаи забыванія. Обыкновенно сообщеніе такихъ анализовъ не особенно удобно, такъ какъ они затрагиваютъ—какъ мы видѣли выше—весьма интимныя и тягостныя для даннаго субъекта вещи, и я ограничусь поэтому приведенными выше примѣрами. Общимъ для всѣхъ этихъ случаевъ, безъ различія матеріала, остается то, что позабытое или искаженное слово или словосочетаніе соединяется путемъ той или иной ассоціаціи съ извѣстнымъ безсознательнымъ представленіемъ, отъ котораго и исходитъ дѣйствіе, выражающееся въ формѣ забвенія.

Я возвращаюсь опять къ забыванію именъ, котораго мы еще не исчерпали ни со стороны его конкретныхъ формъ, ни со стороны мотивировки. Такъ какъ я имѣлъ въ свое время случай наблюдать въ изобиліи на себѣ самомъ какъ разъ этотъ видъ дефектной работы памяти, то примѣровъ у меня имѣется достаточно. Легкія мигрени, которыми я понынѣ страдаю, вызываютъ у меня, еще за нѣсколько часовъ до своего появленія—и этимъ онѣ предупреждаютъ меня о себѣ—забываніе именъ; а въ разгаръ мигрени я, не теряя способности работать, сплошь да рядомъ забываю всѣ собственныя имена. Правда, какъ разъ такого рода случаи могутъ дать поводъ къ принципіальнымъ возраженіямъ противъ всѣхъ нашихъ попытокъ въ области анализа. Ибо не слѣдуетъ ли изъ такихъ наблюденій тотъ выводъ, что причина забывчивости и спеціально позабыванія собственныхъ именъ лежитъ въ нарушеніи циркуляціи и общемъ функціональномъ разстройствѣ большого мозга, и что поэтому всякія попытки психологическаго объясненія этихъ феноменовъ излишни?

По моему мнѣнію—ни въ коемъ случаѣ. Ибо это значило бы смѣшивать единообразный для всѣхъ случаевъ механизмъ процесса съ благопріятствующими ему условіями—перемѣнными и не необходимыми. Не вдаваясь въ обстоятельный разборъ, ограничусь для устраненія этого довода одной лишь аналогіей.

Допустимъ, что я былъ настолько неостороженъ, чтобы совершить ночью прогулку по отдаленнымъ пустыннымъ улицамъ большого города; на меня напали и отняли часы и кошелекъ. Въ ближайшемъ полицейскомъ участкѣ я сообщаю о случившемся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: я былъ на такой-то улицѣ, и тамъ *одиночество* и *темнота* отняли у меня часы и кошелекъ. Хотя этими словами я и не выразилъ ничего такого, что не соотвѣтствовало бы истинѣ, все же весьма вѣроятно, что меня приняли бы за человѣка, находящагося не въ своемъ умѣ. Чтобы правильно изложить обстоятельства дѣла, я долженъ былъ бы сказать, что, *пользуясь* уединенностью мѣста иподъ *покрытіемъ* темноты, *неизвѣстные люди* ограбили меня. Я и полагаю, что при забываніи именъ положеніе дѣла тоже самое: благопріятствуемая усталостью, разстройствомъ циркуляцій, интоксикаціей, неизвѣстная психическая сила понижаетъ у меня способность располагать имѣющимися въ моихъ воспоминаніяхъ собственными именами,—та же самая сила, которая въ другихъ случаяхъ можетъ совершить это же обезсиленіе памяти и при полномъ здоровьи и свѣжести.

Анализируя наблюдаемые на себѣ самомъ случаи позабыванія именъ, я почти регулярно нахожу, что недостающее имя имѣетъ то или иное отношеніе къ какой-либо темѣ, близко касающейся меня лично и способной вызвать во мнѣ сильные, нерѣдко мучительные аффекты. Въ согласіи съ весьма цѣлесообразной практикой цюрихской школы (Bleuler, Jung, Riklin) я могу это выразить въ такой формѣ: ускользнувшее изъ моей памяти имя затронуло во мнѣ „личный комплексъ“. Отношеніе этого имени къ моей личности бываетъ неожиданнымъ, часто устанавливается путемъ поверхностной ассоціаціи (двусмысленное слово, созвучіе); его можно вообще обозначить, какъ стороннее отношеніе. Нѣсколько простыхъ примѣровъ лучше всего выяснятъ его природу.

a) Паціентъ проситъ меня рекомендовать ему какой-либо курортъ

на Ривьерѣ. Я знаю одно такое мѣсто въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Генуей, помню фамилію нѣмецкаго врача, практикующаго тамъ, на самой мѣстности назвать не могу, хотя, казалось бы, знаю ее прекрасно. Приходится попросить паціента обождать; спѣшу къ моимъ домашнимъ и спрашиваю нашихъ дамъ: „Какъ называется эта мѣстность близь Генуи тамъ, гдѣ лѣчебница д-ра N. въ которой такъ долго лѣчилась такая-то дама?“—„Разумѣется, какъ разъ ты долженъ былъ забыть это названіе.—Нерви“. И въ самомъ дѣлѣ съ *нервами* мнѣ приходится имѣть достаточно дѣла.

б) Другой паціентъ говоритъ о близлежащей дачной мѣстности и утверждаетъ, что кромѣ двухъ извѣстныхъ ресторановъ тамъ есть еще и третій, съ которымъ у него связано извѣстное воспоминаніе; названіе онъ мнѣ скажетъ сейчасъ. Я отрицаю существованіе третьяго ресторана и ссылаюсь на то, что семь лѣтнихъ сезоновъ подрядъ жилъ въ этой мѣстности и, стало быть, знаю ее лучше, чѣмъ мой собесѣдникъ. Раздраженный противорѣчіемъ, онъ, однако, уже вспомнилъ названіе; ресторанъ называется Hochwarner. Мнѣ приходится уступить и признаться къ тому же, что всѣ эти семь лѣтъ я жилъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ самымъ рестораномъ, существованіе котораго я отрицалъ. Почему я позабылъ въ данномъ случаѣ и названіе и самый фактъ? Я думаю, потому, что это названіе слишкомъ отчетливо напоминаетъ мнѣ фамилію одного вѣнскаго коллеги и затрагиваетъ во мнѣ опять-таки „профессіональный комплексъ“.

в) Однажды на вокзалѣ въ Рейхенгаллѣ я собираюсь взять билетъ и не могу вспомнить, какъ называется прекрасно извѣстная мнѣ ближайшая большая станція, чрезъ которую я такъ часто проѣзжалъ. Приходится самымъ серьезнымъ образомъ искать ее въ расписаніи поѣздовъ. Станція называется R o s e n h e i m. Тотчасъ же я соображаю, въ силу какой ассоціаціи названіе это у меня ускользнуло. Часомъ раньше я посѣтилъ свою сестру, живущую близь Рейхенгалля; имя сестры *Роза*, стало быть, это тоже былъ „R o s e n h e i m“ („жилище Розы“). Названіе было у меня похищено „семейнымъ комплексомъ“.

г) Прямо-таки грабительское дѣйствіе семейнаго комплекса я могу прослѣдить еще на цѣломъ рядѣ примѣровъ.

Однажды пришелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, младшій братъ одной моей паціентки; я видѣлъ его безчисленное множество разъ и привыкъ, говоря о немъ, называть его по имени. Когда я затѣмъ захотѣлъ разсказать о его посѣщеніи, оказалось, что я позабылъ его имя—вполнѣ обыкновенное, это я зналъ—и не могъ ни за что возстановить его въ своей памяти. Тогда я пошелъ на улицу читать вывѣски, и какъ только его имя встрѣтилось мнѣ, я съ перваго же разу узналъ его. Анализъ показалъ мнѣ, что я провелъ параллель между этимъ посѣтителемъ и моимъ собственнымъ братомъ, параллель, которая вела къ вытѣсненному вопросу: сдѣлалъ ли бы мой братъ въ подобномъ случаѣ то же, или же поступилъ бы какъ разъ наоборотъ? Внѣшняя связь между мыслями о чужой и моей семьѣ установилась благодаря той случайности, что и здѣсь и тамъ имя матери было одно и то же—Амалія. Я понялъ затѣмъ и подставныя имена, которыя навязались мнѣ, не выясняя дѣла: Даніилъ и Францъ. Эти имена—такъ же какъ и имя Амалія—встрѣчаются въ шиллеровскихъ „Разбойникахъ", съ которыми связывается шутка вѣнскаго фланера Daniel Spitzer'a.

д) Въ другой разъ я не могу припомнить имени моего паціента, съ которымъ я знакомъ еще съ юныхъ лѣтъ. Анализъ пришлось вести длиннымъ обходнымъ путемъ, прежде чѣмъ удалось получить искомое имя. Паціентъ сказалъ разъ, что боится потерять зрѣніе; это вызвало во мнѣ воспоминаніе объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который ослѣпъ вслѣдствіе пораненія выстрѣломъ; съ этимъ соединилось въ свою очередь представленіе о другомъ молодомъ человѣкѣ, который стрѣлялъ въ себя — фамилія его та же, что и перваго паціента, хотя они не были въ родствѣ. Но нашелъ я искомое имя лишь тогда, когда установилъ, что мои опасенія были перенесены съ этихъ двухъ юношей на человѣка, принадлежащаго къ моему семейству.

Непрерывный токъ „самоотношенія" (Eigenbezehung") идетъ такимъ образомъ, черезъ мое мышленіе, токъ, о которомъ я обычно ничего не знаю, но который даетъ о себѣ знать подобнаго рода забываніемъ именъ. Я словно принужденъ сравнивать все, что слышу о другихъ людяхъ, съ собой самимъ; словно при всякомъ извѣстіи о другихъ приходятъ въ дѣйствіе мои личные комплексы. Это ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть моей индивидуальной особен-

ностью; въ этомъ заключается скорѣе общее указаніе на то, какимъ образомъ мы вообще понимаемъ „другихъ“. Я имѣю основаніе полагать, что у другихъ людей происходитъ совершенно то же, что и у меня. Лучшій примѣръ въ этой области сообщилъ мнѣ нѣкій господинъ Ледереръ изъ своихъ личныхъ переживаній. Во время своего свадебнаго путешествія онъ встрѣтился въ Венеціи съ однимъ мало-знакомымъ господиномъ и хотѣлъ его представить своей женѣ. Фамилію его онъ позабылъ, и на первый разъ пришлось ограничиться неразборчивымъ бормотаніемъ. Встрѣтившись съ этимъ господиномъ вторично (въ Венеціи это неизбѣжно) онъ отвелъ его въ сторону и, разсказалъ, что забылъ его фамилію и попросилъ вывести его изъ неловкаго положенія и назвать себя. Отвѣтъ собесѣдника свидѣтельствовалъ о прекрасномъ знаніи людей: Охотно вѣрю, что Вы не запомнили моей фамиліи. Я зовусъ такъ же, какъ Вы: Ледереръ!—Нельзя отдѣлаться отъ довольно непріятнаго ощущенія, когда встрѣчаешь чужого человѣка, носящаго твою фамилію. Я недавно почувствовалъ это съ достаточной отчетливостью, когда на пріемъ ко мнѣ явился нѣкій S. Freud. Впрочемъ, одинъ изъ моихъ критиковъ увѣряетъ, что онъ въ подобныхъ случаяхъ испытываетъ какъ разъ обратное.

е) Дѣйствіе „самоотношенія“ обнаруживается также въ слѣдующемъ примѣрѣ, сообщенномъ *Юнгомъ**):

„Y. безнадежно влюбился въ одну даму, вскорѣ затѣмъ вышедшую замужъ за X. Несмотря на то, что Y. издавна знаетъ X. и даже находится съ нимъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, онъ все же постоянно забываетъ его фамилію, такъ что не разъ случалось, что когда надо было написать X. письмо, ему приходилось справляться о его фамиліи у другихъ.“

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ забвеніе мотивируется прозрачнѣе, нежели въ предыдущихъ примѣрахъ „самоотношенія“. Забываніе представляется здѣсь прямымъ результатомъ нерасположенія г. Y. къ своему счастливому сопернику; онъ не хочетъ о немъ знать; „думать о немъ не хочу“.

ж) Иначе—и тоньше—мотивируется забвеніе имени въ другомъ примѣрѣ, разъясненномъ самимъ же дѣйствующимъ лицомъ.

*) Dementia praecox, стр. 52.

„На экзаменѣ по философіи (которую я сдавалъ въ качествѣ одного изъ побочныхъ предметовъ) экзаменаторъ задалъ мнѣ вопросъ объ ученіи Эпикура, и затѣмъ спросилъ, не знаю ли я, кто былъ возобновителемъ его ученія въ позднѣйшее время. Я назвалъ Пьера Гассенди—имя, которое я слышалъ какъ разъ двумя днями раньше въ кафе, гдѣ о немъ говорили, какъ объ ученикѣ Эпикура. На вопросъ удивленнаго экзаменатора, откуда я это знаю, я смѣло отвѣтилъ, что давно интересуюсь Гассенди. Результатомъ этого была высшая отмѣтка въ дипломѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упорная склонность забывать имя Гассенди. Думаю, что это моя нечистая совѣсть виной тому, что несмотря на всѣ усилія я теперь ни за что не могу удержать это имя въ памяти. Я и тогда не долженъ былъ его знать“.

Чтобы получить правильное представленіе о той интенсивности, съ какой данное лицо отклоняетъ отъ себя воспоминаніе объ этомъ экзаменаціонномъ эпизодѣ, надо знать, какъ высоко оно цѣнитъ докторскій дипломъ, и сколь многое онъ долженъ ему замѣнить собой.

Я могъ бы еще умножить число примѣровъ забыванія именъ и пойти значительно дальше въ ихъ разборѣ, если бы мнѣ не пришлось для этого уже здѣсь изложить едва ли не всѣ тѣ общія соображенія, которыя относятся къ дальнѣйшимъ темамъ; а этого я хотѣлъ бы избѣжать. Позволю себѣ все же въ нѣсколькихъ положеніяхъ подвести итоги выводамъ, вытекающимъ изъ сообщенныхъ выше анализовъ.

Механизмъ забыванія именъ (точнѣе: ускользанія, временнаго забвенія) состоитъ въ разстройствѣ предположеннаго воспроизведенія имени посторонпимъ и въ данный моментъ несознаваемымъ рядомъ мыслей.

Между именемъ, терпящимъ такимъ образомъ помѣху, и комплексомъ, создающимъ эту помѣху, существуетъ либо съ самаго же начала извѣстная связь, либо эта связь устанавливается часто путемъ искусственныхъ на видъ комбинацій при помощи поверхностныхъ (внѣшнихъ) ассоціацій.

Среди разстраивающихъ комплексовъ наибольшую силу обнаруживаютъ комплексы „самоотношенія“ (личные, семейные, профессіональные).

Имя, которое, имѣя нѣсколько значеній, принадлежитъ въ силу этого къ нѣсколькимъ кругамъ мыслей (комплексомъ), нерѣдко, будучи въ связи одного ряда мыслей, подвергается разстройству въ силу принадлежности къ другому, болѣе сильному комплексу.

Среди мотивовъ подобнаго разстройства ясно видно намѣреніе избѣжать то непріятное, что вызывается даннымъ воспоминаніямъ.

Въ общемъ можно различить два основныхъ вида забыванія именъ: когда данное имя само затрагиваетъ что-либо непріятное, или же оно связывается съ другимъ, могущимъ оказать подобное дѣйствіе; такъ что разстройство репродукціи какого-либо имени можетъ обусловливаться либо самимъ же этимъ именемъ, либо его ассоціаціями—близкими и отдаленными.

Изъ этихъ общихъ положеній мы можемъ понять, что въ ряду случаевъ дефектнаго функціонированія временное забываніе именъ чаще всего.

Мы отмѣтимъ, однако, далеко не всѣ особенности этого феномена. Хочу указать еще, что забываніе именъ въ высокой степени заразительно. Въ разговорѣ между двумя людьми иной разъ достаточно одному сказать, что онъ забылъ то или иное имя, чтобы его позабылъ и второй собесѣдникъ. Однако, тамъ, гдѣ имя позабыто подъ такого рода индуцирующимъ вліяніемъ, оно легко возстановляется.

Наблюдаются также и случаи, когда изъ памяти ускользаетъ цѣлая цѣпь именъ. Чтобы найти забытое имя, хватаешься за другое, находящееся въ тѣсной связи съ первымъ, и нерѣдко это второе имя, къ которому обращаешься какъ къ опорной точкѣ, ускользаетъ тогда въ свою очередь. Забвеніе перескакиваетъ такимъ образомъ съ одного имени на другое, какъ бы для того, чтобы доказать наличность трудно-преодолимаго препятствія.

IV.

О воспоминаніяхъ дѣтства и воспоминаніяхъ, служащихъ прикрытіемъ.

Въ другой статьѣ (опубликованной въ Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie за 1899 г.) я имѣлъ возможность прослѣдить тенденціозность нашихъ воспоминаній въ совершенно неожиданной сферѣ. Я исходилъ изъ того поразительнаго факта, что въ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ дѣтства обыкновенно сохраняются безразличныя и второстепенныя вещи, въ то время какъ важныя, богатыя аффектами впечатлѣнія того времени не оставляютъ (не всегда конечно, но очень часто!) въ памяти взрослыхъ никакого слѣда. Такъ какъ извѣстно, что память производитъ извѣстный выборъ среди тѣхъ впечатлѣній, которыми она располагаетъ, то слѣдовало бы предположить, что этотъ выборъ слѣдуетъ въ дѣтскомъ возрастѣ совершенно инымъ принципамъ, нежели въ пору интеллектуальной зрѣлости.

Однако тщательное изслѣдованіе показываетъ, что такое предположеніе является излишнимъ. Безразличныя воспоминанія дѣтства обязаны своимъ существованіемъ извѣстному сдвиганію, они замѣщаютъ въ репродукціи другія, дѣйствительно вѣрныя впечатлѣнія, воспоминанія о которыхъ можно развить изъ нихъ путемъ психическаго анализа, но которыя не могутъ быть воспроизведены непосредственно изъ-за сопротивленія, которое они встрѣчаютъ. Такъ какъ они обязаны своимъ сохраненіемъ не своему собственному содержанію, а ассоціативной связи этого содержанія съ другими—вытѣсненными,—то ихъ можно съ полнымъ основаніемъ назвать „воспоминаніеми прикрывающими“. („Deckerinnerungen“).

Въ указанной статьѣ я только намѣтилъ, но отнюдь не ис-

черпалъ всего разнообразія отношеній и значеній этихъ „воспоминаній-прикрытій“. Въ одномъ подробно проанализированномъ тамъ примѣрѣ я показалъ и подчеркнулъ обыкновенный характеръ отношеній во *времени* между прикрывающимъ воспоминаніемъ и прикрытымъ содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что содержаніе прикрывающаго воспоминанія относилось тамъ къ самому раннему дѣтству, въ то время какъ тѣ интеллектуальныя переживанія, которыя данное воспоминаніе заступало въ памяти и которыя остались почти всецѣло несознанными, имѣли мѣсто въ болѣе позднее время. Я назвалъ этотъ видъ сдвиганія *возвратнымъ, идущимъ назадъ*. Быть можетъ еще чаще наблюдается обратное отношеніе, когда въ памяти закрѣпляется въ качествѣ прикрытія какое-либо безразличное впечатлѣніе недавняго времени, причемъ этимъ отличіемъ оно обязано лишь своей связи съ какимъ-либо прежнимъ переживаніемъ, не могущимъ изъ-за противодѣйствія быть воспроизведено непосредственно. Такія воспоминанія—прикрытія я назвалъ бы *предваряющими, забѣгающими впередъ*. То существенное, что тревожитъ память, лежитъ здѣсь по времени *позади* прикрывающаго воспоминанія. Наконецъ, возможенъ—и встрѣчается на дѣлѣ—и третій случай, когда прикрывающее воспоминаніе связано съ покрытымъ имъ впечатлѣніемъ не только по своему содержанію, но и въ силу смежности въ времени,—это будутъ воспоминанія *одновременныя* или *примыкающія*.

Какъ велика та часть нашего запаса воспоминаній, которая относится къ категоріи воспоминаній прикрывающихъ, и какую роль они играютъ во всякаго рода невротическихъ интеллектуальныхъ процессахъ,—это проблемы, въ разсмотрѣніе которыхъ я не вдавался тамъ, не буду вдаваться и здѣсь. Мнѣ важно только подчеркнуть, что забываніе собственныхъ именъ съ ошибочными припоминаніями и образованіе воспоминаній-прикрытій—процессы однородные.

На первый взглядъ различія между этими двумя феноменами несравненно больше бросаются въ глаза, нежели сходство. Тамъ дѣло идетъ о собственныхъ именахъ, здѣсь—о цѣльныхъ впечатлѣніяхъ, о чемъ-то пережитомъ въ дѣйствительности ли или мысленно; въ первомъ случаѣ—память явно отказывается служить, здѣсь же—совершаетъ кажущуюся намъ странной работу; тамъ—минутное раз-

стройство (ибо забытое нами только что имя могло воспроизводиться нами до того сотни разъ правильно и завтра будетъ воспроизводиться вновь), здѣсь—длительное, безпрерывное обладаніе, ибо безразличныя воспоминанія дѣтства, повидимому, способны сопутствовать намъ на протяженіи долгаго періода жизни. Загадки, стоящія передъ нами въ обоихъ этихъ случаяхъ, повидимому, совершенно различны. Тамъ нашу научную любознательность возбуждаетъ забвеніе, здѣсь—сохраненіе въ памяти. Болѣе глубокое изслѣдованіе показываетъ, однако, что, несмотря на различіе психическаго матеріала и разницу въ длительности явленія, точки схожденія все же далеко преобладаютъ. И здѣсь, и тамъ дѣло идетъ о дефектѣ въ ходѣ припоминанія; воспроизводится не то, что должно было быть воспроизведено, а нѣчто иное, въ замѣну его. Въ случаѣ забыванія именъ тоже имѣется на лицо извѣстное дѣйствіе памяти въ формѣ подставныхъ именъ. Феноменъ прикрывающихъ воспоминаній въ свою очередь тоже основывается на забываніи другихъ, существенныхъ впечатлѣній. Въ обоихъ случаяхъ извѣстное интеллектуальное ощущеніе даетъ намъ знать о вмѣшательствѣ нѣкоего препятствія; но только это происходитъ въ иной формѣ. При забываніи именъ мы *знаемъ*, что подставныя имена *невѣрны*; при покрывающихъ воспоминаніяхъ мы *удивляемся* тому, что они еще у насъ вообще сохранились. И если затѣмъ психологическій анализъ показываетъ, что въ обоихъ случаяхъ замѣщающія образованія сложились одинаковымъ образомъ—путемъ сдвиганія вдоль звеньевъ какой-либо поверхностной ассоціаціи, то именно различія въ матеріалѣ, въ длительности и въ центрированіи обоихъ феноменовъ заставляютъ насъ въ еще большей степени ожидать, что мы нашли нѣчто существенно важное и имѣющее общее значеніе. Это общее положеніе гласило бы, что пріостановка и дефектный ходъ репродуцирующей функціи указываетъ намъ гораздо чаще, нежели мы предполагаемъ, на вмѣшательство пристрастнаго фактора, на *тенденцію*, благопріятствующую одному воспоминанію и стремящуюся поставить преграду другому.

Вопросъ о воспоминаніяхъ дѣтства представляется мнѣ настолько важнымъ и интереснымъ, что я хотѣлъ бы посвятить ему нѣ-

сколько замѣчаній, которыя поведутъ насъ за предѣлы сказаннаго выше.

Какъ далеко вглубь дѣтства простираются наши воспоминанія? Мнѣ извѣстно нѣсколько изслѣдованій по этому вопросу, въ томъ числѣ работы V. и C. Henri *) и Potwin'a **); изъ нихъ видно существованіе значительныхъ индивидуальныхъ различій; нѣкоторые изъ подвергавшихся наблюденіямъ относятъ свои первыя воспоминанія къ 6-му мѣсяцу жизни, въ то время какъ другіе ничего не помнятъ изъ своей жизни до конца 6-го и даже 8-го года. Съ чѣмъ же связаны эти различія въ воспоминаніяхъ дѣтства и какое значеніе они имѣютъ? Очевидно, что для рѣшенія этого вопроса мало добыть матеріалъ путемъ коллекціонированія справокъ; необходима обработка его, въ которой должно участвовать то лицо, отъ коего данныя сообщенія исходятъ

На мой взглядъ, мы слишкомъ равнодушно относимся къ фактамъ младенческой амнезіи—утратѣ воспоминаній о первыхъ годахъ нашей жизни,—и благодаря этому проходимъ мимо своеобразной загадки. Мы забываемъ о томъ, какого высокаго уровня интеллектуальнаго развитія достигаетъ ребенокъ уже на четвертомъ году жизни, на какія сложныя эмоціи онъ способенъ; мы должны были бы поразиться, какъ мало сохраняется обычно изъ этихъ душевныхъ событій въ памяти въ позднѣйшіе годы; тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что эти забытыя переживанія дѣтства отнюдь не проскользнули безслѣдно въ развитіи даннаго лица; напротивъ, они оказали вліяніе, оставшееся рѣшающимъ на всѣ времена. И вотъ несмотря на это несравненное вліяніе они забываются! Это свидѣтельствуетъ о совершенно своеобразныхъ условіяхъ припоминанія (въ смыслѣ сознательной репродукціи), до сихъ поръ ускользавшимъ отъ нашего познанія. Весьма возможно, что именно позабываніе дѣтскихъ переживаній и дастъ намъ ключъ къ пониманію тѣхъ амнезій, которыя, какъ показываютъ новѣйшія данныя, лежатъ въ основѣ образованія всѣхъ невротическихъ симптомовъ.

---

*) Enquête sur les premiers souveniers de l'enfance. L'année psychologique III, 1897.

**) Study of early memories. Psycholog. Review 1901.

Среди сохранившихся воспоминаній дѣтства нѣкоторыя представляются намъ вполнѣ понятными, другія—странными или непонятными. Нетрудно исправить нѣкоторыя ошибки по отношенію къ этимъ обоимъ видамъ. Стоитъ подвергнуть уцѣлѣвшія воспоминанія какого-либо лица аналитическому испытанію и нетрудно установить, что поручиться за ихъ правильность невозможно. Нѣкоторыя воспоминанія несомнѣнно искажены, неполны, либо передвинуты во времени или въ пространствѣ. Сообщенія опрашиваемыхъ лицъ о томъ, напримѣръ, что ихъ первыя воспоминанія относятся, скажемъ, ко второму году жизни, явно недостовѣрны. Скоро удастся найти тѣ мотивы, которые объясняютъ намъ искаженіе и сдвиганіе пережитаго, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, что причиной этихъ ошибокъ является не простая погрѣшность памяти. Могучія силы позднѣйшей жизни оказали свое воздѣйствіе на способность припоминать переживанія дѣтства, вѣроятно, тѣ же силы, благодаря которымъ мы вообще такъ чужды пониманію этихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Процессъ припоминанія у взрослыхъ оперируетъ, какъ извѣстно, различнаго рода психическимъ матеріаломъ. Одни вспоминаютъ въ формѣ зрительныхъ образовъ, ихъ воспоминанія носятъ зрительный характеръ; другіе способны воспроизвести въ памяти развѣ лишь самыя скудныя очертанія пережитаго; ихъ называютъ—по терминологіи *Шарко*—„auditifs" и „moteurs" въ противоположность „visuels". Во снѣ эти различія исчезаютъ; сны снятся намъ всѣмъ по преимуществу въ формѣ зрительныхъ образовъ. Но то же самое происходитъ и по отношенію къ воспоминаніямъ дѣтства; они носятъ пластическій зрительный характеръ даже у тѣхъ людей, чьи позднѣйшія воспоминанія лишены зрительнаго элемента. Зрительное воспоминаніе сохраняетъ такимъ образомъ типъ воспоминанія младенческаго. У меня лично единственныя зрительныя воспоминанія это воспоминанія самаго ранняго дѣтства: прямо-таки пластически выпуклыя сцены, сравнимыя лишь съ театральными представленіями. Въ этихъ сценахъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, вѣрны ли онѣ или искажены, обычно и самъ фигурируешь со своимъ дѣтскимъ обликомъ и платьемъ. Это обстоятельство представляется весьма страннымъ; взрослые люди съ зрительной памятью не видятъ самихъ себя въ воспоминаніяхъ о позднѣйшихъ

событіяхъ *). Предположеніе, что ребенокъ, переживая что-либо, сосредоточиваетъ вниманіе на себѣ, и не направляетъ его исключительно на внѣшнія впечатлѣнія,—шло бы вразрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ на этотъ счетъ.

Такимъ образомъ, самыя различныя соображенія заставляютъ насъ предполагать, что такъ называемыя раннія дѣтскія воспоминанія представляютъ собой не настоящій слѣдъ давнишнихъ впечатлѣній, а его позднѣйшую обработку, подвергшуюся воздѣйствію различныхъ психическихъ силъ болѣе поздняго времени. „Дѣтскія воспоминанія“ индивидовъ пріобрѣтаютъ—какъ общее правило—значеніе „воспоминаній покрывающихъ“ и пріобрѣтаютъ при этомъ замѣчательную аналогію съ воспоминаніями дѣтства народовъ, закрѣпленными въ сказаніяхъ и миѳахъ.

Кто подвергалъ изслѣдованію по методу психическаго анализа цѣлый рядъ лицъ, тотъ накопляетъ въ результатѣ этой работы богатый запасъ примѣровъ „покрывающихъ воспоминаній“ всякаго рода. Однако, сообщеніе этихъ примѣровъ въ высшей степени затрудняется указаннымъ выше характеромъ отношеній, существующихъ между воспоминаніями дѣтства и позднѣйшей жизнью; чтобы уяснить значеніе того или иного воспоминанія дѣтства въ качествѣ воспоминанія покрывающаго, нужно было бы нерѣдко изобразить всю позднѣйшую жизнь даннаго лица. Лишь рѣдко бываетъ возможно, какъ въ слѣдующемъ прекрасномъ примѣрѣ, выдѣлить изъ общей связи одно отдѣльное воспоминаніе.

Молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ сохранилъ слѣдующій образъ изъ 5-го года своей жизни. Онъ сидитъ въ саду дачнаго дома на своемъ стульчикѣ рядомъ съ теткой, старающейся научить его распознавать буквы.

Различіе между 𝔱 и 𝔫 не дается ему, и онъ проситъ тетку объяснить ему, чѣмъ отличаются эти двѣ буквы одна отъ другой. Тетка обращаетъ его вниманіе на то, что у буквы 𝔱 цѣлой частью больше, чѣмъ у 𝔫—лишняя третья черточка.—Не было никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности этого воспоминанія; но свое

*) Утверждаю это на основаніи нѣкоторыхъ справокъ, собранныхъ мною.

значеніе оно пріобрѣло лишь впослѣдствіи, когда обнаружилось, что оно способно взять на себя символическое представительство иного рода любознательности мальчика. Ибо подобно тому, какъ ему тогда хотѣлось узнать разницу между буквами t и n, такъ впослѣдствіи онъ старался узнать разницу между мальчикомъ и дѣвочкой, и навѣрно согласился бы, чтобы его учительницей была именно эта тетка. И дѣйствительно онъ нашелъ тогда, что разница нѣсколько аналогична, что у мальчика тоже одной частью больше, чѣмъ у дѣвочки, и къ тому времени, когда онъ узналъ это, у него и пробудилось воспоминаніе о соотвѣтствующемъ дѣтскомъ вопросѣ.

На одномъ только примѣрѣ я хотѣлъ бы показать, какой смыслъ можетъ получить благодаря аналогичной обработкѣ дѣтское воспоминаніе, до того не имѣвшее, казалось бы, никакого смысла. Когда я на 43 году жизни началъ удѣлять вниманіе остаткамъ воспоминаній моего дѣтства, мнѣ вспомнилась сцена, которая давно уже (мнѣ казалось—съ самыхъ раннихъ лѣтъ) отъ времени до времени приходила мнѣ на мысль и которую надо было отнести, на основаніи вполнѣ достаточныхъ признаковъ, къ исходу третьяго года моей жизни. Мнѣ видѣлось, какъ я стою, плача и требуя чего-то, передъ ящикомъ, дверцу котораго держалъ открытой мой старшій (на 20 лѣтъ) сводный братъ; затѣмъ вдругъ вошла въ комнату моя мать, красивая, стройная, какъ бы возвращаясь съ улицы.

Этими словами я выразилъ видѣнную мною пластическую сцену, о которой я больше ничего не могъ бы сказать. Собирался ли братъ открыть или закрыть ящикъ (когда я первый разъ сформулировалъ это воспоминаніе, я употребилъ слово „шкафъ“), почему я при этомъ плакалъ, какое отношеніе имѣлъ къ этому приходъ матери,—все это было для меня темно; я склоненъ былъ объяснить эту сцену тѣмъ, что старшій братъ чѣмъ-нибудь дразнилъ меня, и это было прервано приходомъ матери.

Такія недоразумѣнія въ сохранившейся въ памяти сценѣ изъ дѣтства, нерѣдки: помнишь ситуацію, но въ ней нѣтъ надлежащаго центра: не знаешь, на какой изъ ея элементовъ должно пасть психическое удареніе. Аналитическій разборъ вскрылъ предо мной совершенно неожиданный смыслъ картины. Я не находилъ матери, ощутилъ подозрѣніе, что она заперта въ этомъ ящикѣ или шкафу,

и потому потребовалъ отъ брата, чтобы онъ открылъ его. Когда онъ это сдѣлалъ, и я убѣдился, что матери въ ящикѣ нѣтъ, я началъ кричать; это тотъ моментъ, который закрѣпленъ въ воспоминаніи и за которымъ послѣдовало успокоившее мою тревогу или тоску появленіе матери. Но какимъ образомъ пришла ребенку мысль искать мать въ ящикѣ? Снившіеся мнѣ въ то же время сны смутно напоминали мнѣ о нянькѣ, о которой у меня сохранились еще и другія воспоминанія, о томъ, напримѣръ, какъ она неукоснительно требовала, чтобы я отдавалъ ей мелкія деньги, которыя я получалъ въ подарокъ,—деталь, которая въ свою очередь можетъ претендовать на роль воспоминанія, „прикрывающаго" нѣчто позднѣйшее. Я рѣшилъ облегчить себѣ на этотъ разъ задачу истолкованія и разспросить мою мать—теперь уже старуху—объ этой нянькѣ. Я узналъ многое, въ томъ числѣ, что она, умная, но нечестная особа, во время родовъ моей матери совершила у насъ въ домѣ большія покражи и по настоянію моего брата была предана суду. Это указаніе выяснило мнѣ сразу, словно какимъ-то озареніемъ, смыслъ разсказанной выше сцены. Внезапное исчезновеніе няньки не было для меня безразличнымъ; я обратился какъ разъ къ этому брату съ вопросомъ о томъ, гдѣ она, вѣроятно замѣтивъ, что въ ея исчезновеніи онъ сыгралъ какую-то роль; онъ отвѣтилъ мнѣ уклончиво, играя словами, какъ это онъ любитъ дѣлать и сейчасъ: „ее заперли въ ящикъ". Отвѣтъ этотъ я понялъ по дѣтски, буквально, но прекратилъ разспросы, потому что ничего больше добиться не могъ. Когда немного времени спустя, я хватился матери, и ея не было, я заподозрилъ брата въ томъ, что онъ сдѣлалъ съ ней то же, что и съ нянькой, и заставилъ его открыть мнѣ ящикъ. Я понимаю теперь, почему въ передачѣ этого зрительнаго воспоминанія дѣтства подчеркнута худоба матери: мнѣ долженъ былъ броситься въ глаза ея видъ только что выздоровѣвшаго человѣка. Я $2^1/_2$ годами старше родившейся тогда сестры, а когда я достигъ трехлѣтняго возраста, прекратилась наша совмѣстная жизнь со своднымъ братомъ.

V.

Обмолвки,

Если обычный матеріалъ нашей разговорной рѣчи на родномъ языкѣ представляется огражденнымъ отъ забыванія, то тѣмъ болѣе подверженъ онъ другому разстройству, извѣстному подъ названіемъ „обмолвокъ“. Явленіе это, наблюдаемое у здороваго человѣка, производитъ впечатлѣніе подготовительной ступени для т. наз. „парафазіи“, наступающей уже при патологическихъ условіяхъ.

Въ данномъ случаѣ я имѣю возможность въ видѣ исключенія пользоваться (и воздать должное) подготовительной работой: въ 1895 году Meringer и C. Mayer опубликовали работу подъ заглавіемъ „Versprechen und Verlesen“ („Обмолвки и ошибки въ чтеніи“); точка зрѣнія, съ которой они разбираютъ вопросъ, выходитъ за предѣлы моего разсмотрѣнія. Ибо одинъ изъ авторовъ, отъ имени котораго и ведется изложеніе,—языковѣдъ и взялся за изслѣдованіе съ точки зрѣнія лингвиста, желая найти правила, по которымъ совершаются обмолвки. Онъ надѣялся, что на основаніи этихъ правилъ можно будетъ заключить о существованіи „извѣстнаго духовнаго механизма“, „въ которомъ звуки одного слова, одного предложенія и даже отдѣльныя слова связаны и сплетены между собою совершенно особеннымъ образомъ“.

Авторъ группируетъ собранные имъ примѣры „обмолвокъ“ сперва съ точки зрѣнія чисто описательной, раздѣляя ихъ на: случаи *обмѣна* (напр.: Milo von Venus вмѣсто Venus von Milo); *предвосхищенія* или *антиципаціи* (напр.: es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer); *отзвуки* или

постпозиціи (напр.: „Jch fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustossen вмѣсто anzustossen“); *контаминаціи* („Er setzt sich auf den Hinterkopf“ составленное изъ „Er setzt sich einen Kopf auf“ и “Er stellt sich auf die Hinterbeine“); *подстановки* („Ich gebe die Präparate in den Briefkasten“ вмѣсто „Brütkasten“); къ этимъ главнымъ категоріямъ надо добавить еще нѣкоторыя, менѣе существенныя или менѣе важныя для нашихъ цѣлей. Для этой группировки безразлично, подвергаются ли перестановкѣ, искаженію, сліянію и т. п. отдѣльные звуки слова, слоги или цѣлыя слова задуманной фразы.

Для объясненія наблюдавшихся имъ обмолвокъ Мерингеръ устанавливаетъ различіе психической интенсивности произносимыхъ звуковъ. Когда мы иннервируемъ первый звукъ слова, первое слово фразы, тогда процессъ возбужденія уже обращается къ слѣдующимъ звукамъ и слѣдующимъ словамъ, и поскольку эти иннерваціи совпадаютъ по времени, онѣ могутъ взаимно вліять и видоизмѣнять одна другую. Возбужденіе болѣе интенсивнаго психически звука предваряетъ прочіе или напротивъ отзывается впослѣдствіи, и разстраиваетъ такимъ образомъ болѣе слабый иннерваціонный процессъ. Вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы установить, какіе именно звуки являются въ томъ или иномъ словѣ наиболѣе интенсивными. Мерингеръ говоритъ по этому поводу: „Для того, чтобы установить, какой изъ звуковъ, составляющихъ слово, обладаетъ наибольшей интенсивностью, достаточно наблюдать свои собственныя переживанія при отыскиваніи какого-либо забытаго слова, скажемъ—имени. То, что воскресаетъ въ памяти прежде всего, обладало во всякомъ случаѣ наибольшей интенсивностью до утраты“ (стр. 160). „Высокой интенсивностью отличаются такимъ образомъ начальный звукъ кореннаго слова и начальный звукъ слова и, наконецъ, та или тѣ гласныя, на которыхъ находится удареніе“.

Я не могу здѣсь воздержаться отъ одного возраженія. Принадлежитъ ли начальный звукъ имени къ наиболѣе интенсивнымъ элементамъ слова или нѣтъ, во всякомъ случаѣ невѣрно, что въ случаяхъ забыванія словъ онъ возстановляется въ сознаніи первымъ; указанное выше правило такимъ образомъ непримѣнимо. Когда на-

блюдаешь себя въ поискахъ за позабытымъ именемъ, довольно часто случается выразить увѣренность, что это имя начинается съ такой-то буквы. Увѣренность эта оказывается ошибочной столь же часто, какъ и основательной. Я рѣшился бы даже утверждать, что въ большинствѣ случаевъ буква указывается неправильно. Въ нашемъ примѣрѣ съ Синьорелли начальный звукъ и существенные слоги исчезли въ подставныхъ именахъ; и въ имени Ботичелли воскресли въ сознаніи какъ разъ менѣе существенные слоги „elli“. Какъ мало считаются подставныя имена съ начальнымъ звукомъ исчезнувшаго имени, можетъ показать хотя бы слѣдующій примѣръ. Какъ-то разъ я тщетно старался вспомнить названіе той маленькой страны, гдѣ столица— *Монте-Карло*. Подставныя имена гласили: *Пьемонтъ, Албанія, Монтевидео, Колико.*

Албанія была скоро замѣнена Черногоріей (Montenegro), и тогда мнѣ бросилось въ глаза, что слогъ *монт* (читается *мон*) имѣется во всѣхъ подставныхъ именахъ, кромѣ одного лишь послѣдняго. Это облегчило мнѣ задачу, отправляясь отъ имени князя Альберта найти забытое *Монако*. *Колико* приблизительно воспроизводитъ послѣдовательность слоговъ и ритмъ забытаго слова.

Если допустить, что психическій механизмъ, подобный тому, какой мы показали въ случаяхъ забыванія именъ, играетъ роль и въ случаяхъ обмолвокъ, то мы будемъ на пути къ болѣе глубокому пониманію этого послѣдняго явленія.

Разстройство рѣчи, обнаруживающееся въ формѣ обмолвки, можетъ быть вызвано, во-первыхъ, вліяніемъ другой составной части той же рѣчи—предвосхищеніемъ того, что слѣдуетъ впереди, или отзвуковъ сказаннаго,—или другой формулировкой въ предѣлахъ той же фразы или той же мысли, которую собираешься высказать; сюда относятся всѣ заимствованные у Мерингера и Майера примѣры; но разстройство можетъ произойти и путемъ, аналогичнымъ тому процессу, какой наблюдается въ примѣрѣ Синьорелли: въ силу вліяній, постороннихъ данному слову, предложенію данной связи, вліяній, идущихъ отъ элементовъ, которыя высказывать не предполагалось, и о возбужденіи которыхъ узнаешь только по вызванному ими разстройству. Одновременность возбужденія—вотъ то общее, что объединяетъ оба вида обмолвокъ,—нахожденіе внутри или внѣ даннаго

предложенія или данной связи составляетъ пунктъ расхожденія. На первый взглядъ различіе представляется не столь большимъ, какимъ оно оказывается затѣмъ съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ выводовъ изъ симптоматологіи даннаго явленія. Но совершенно ясно, что лишь въ первомъ случаѣ есть надежда на то, чтобы изъ феномена обмолвокъ можно было сдѣлать выводы о существованіи механизма, связывающаго отдѣльные звуки и слова такъ, что они взаимно вліяютъ на способъ ихъ произношенія, т. е. выводы, на которые разсчитывалъ при изученіи обмолвокъ лингвистъ. Въ случаяхъ разстройства, вызваннаго вліяніями, стоящими внѣ данной фразы или связи рѣчи, необходимо было бы прежде всего найти разстраивающіе элементы, а затѣмъ всталъ бы вопросъ, не можетъ ли механизмъ этого разстройства также обнаружить предполагаемые законы образованія рѣчи.

Нельзя сказать, чтобы Мерингеръ и Мейеръ не замѣтили возможности разстройства рѣчи силою „сложныхъ психическихъ вліяній", элементами, находящимися внѣ даннаго слова, предложенія или связи рѣчи. Они не могли не замѣтить, что теорія психической неравноцѣнности звуковъ, строго говоря, можетъ удовлетворительно объяснить лишь случаи нарушенія отдѣльныхъ звуковъ, равно какъ „предвосхищенія" и „отзвуки". Тамъ гдѣ резстройство не ограничивается отдѣльными звуками, а простирается на цѣлыя слова, какъ это бываетъ при „подстановкахъ" и „контаминаціяхъ" словъ, тамъ и они, не колеблясь, искали причину обмолвокъ *внѣ* задуманной связи рѣчи и подтвердили это прекрасными примѣрами. Приведу слѣдующія мѣста.

(Стр. 62) „Р. разсказываетъ о вещахъ, которыя онъ въ глубинѣ души считаетъ свинствомъ (Schweinerei). Онъ старается, однако, найти мягкую форму выраженія и начинаетъ: „Dann aber sind Thetsachen sum V o r s c h w e i n gekommen *)". Мы съ Майеромъ были при этомъ и Р. подтвердилъ, что онъ думалъ

*) Непереводимая игра словъ: вмѣсто „zum V o r s c h e i n gekommen", что значитъ „обнаружились", слогъ „schein" замѣненъ словомъ „schwein"—свинья. *Прим. перев.*

„Schweinereien“ (свинство). То обстоятельство, что слово, о которомъ онъ подумалъ, выдало себя и вдругъ прорвалось при произнесеніи Vorschein, достаточно объясняется сходствомъ обоихъ словъ“.

(Стр. 73) „При „подстановкахъ“ также какъ и при контаминаціяхъ, но только вѣроятно въ гораздо большей степени играютъ важную роль „летучіе“ или „блуждающіе“ словесные образы. Если они и находятся за порогомъ сознанія, то все же въ дѣйственной близости къ нему, могутъ съ легкостью вызываться какимъ-либо сходствомъ комплекса, подлежащаго высказыванію, и тогда порождаютъ „схожденіе съ рельсовъ“ или врѣзываются въ связь рѣчи. „Летучіе“ или „блуждающіе“ словесные образы часто являются, какъ уже сказано, запоздалыми спутниками недавно протекшихъ словесныхъ процессовъ (отзвуки).“

(Стр. 97). „Схожденіе съ рельсовъ“ возможно также и благодаря сходству: когда другое, схожее слово лежитъ близко къ порогу сознанія, *но не предназначается къ произнесенію.* Это бываетъ при подстановкахъ.—Я надѣюсь, что при провѣркѣ мои правила должны будутъ подтвердиться. Но для этого необходимо (если наблюденіе производится надъ другимъ человѣкомъ), *уяснить себѣ все, что только передумалъ говорящій* *). Приведу поучительный примѣръ. Директоръ училища Л. сказалъ въ нашемъ обществѣ: „Die Frau würde mir Furcht einlagen“ **). Я удивился, такъ какъ 1 показалось мнѣ здѣсь непонятнымъ. Я позволилъ себѣ обратить вниманіе говорившаго на его ошибку: „einlagen“ вмѣсто „einjagen“, на что онъ тотчасъ же отвѣтилъ: „Да, это произошло потому, что я думалъ: „ich wäre nicht in der Lage“ и т. д. ***).

„Другой случай. Я спрашиваю Р. ф. Ш., въ какомъ положеніи его больная лошадь. Онъ отвѣчаетъ: „Ia, das draut... dauert vielleicht

---

*) Курсивъ мой.

**) Вмѣсто: „Die Frau würde mir Furcht einjagen“ („эта женщина внушила бы мнѣ страхъ)“. *Прим. перев.*

***) „Я не былъ бы въ состояніи“.

noch einen Monat*)". Откуда взялось „draut" съ его r для меня было непонятно, ибо звукъ r изъ dauert не могъ оказать такого дѣйствія. Я обратилъ на это вниманіе Р. ф. Ш., и онъ объяснилъ, что думалъ при этомъ: „es ist eine traurige Geschichte"**). Говорившій имѣлъ такимъ образомъ въ виду два отвѣта и они смѣшались воедино".

Нельзя не замѣтить, какъ близко подходитъ къ условіямъ нашихъ анализовъ и то обстоятельство, что принимаются въ разсчетъ „блуждающіе" словесные образы, лежащіе за порогомъ сознанія и не предназначенные къ произношенію, и предписаніе освѣдомляться обо всемъ томъ, что думалъ говорящій. Мы тоже отыскиваемъ безсознательный матеріалъ и дѣлаемъ это тѣмъ же путемъ, съ той лишь разницей, что путь, которымъ мы идемъ отъ того, что приходитъ въ голову опрашиваемаго, къ отысканію разстраивающаго элемента,—болѣе длинный и ведетъ чрезъ комплексный рядъ ассоціацій.

Остановлюсь еще на другомъ интересномъ обстоятельствѣ, о которомъ свидѣтельствуютъ примѣры, приведенные у Мерингера. По мнѣнію самого автора сходство какого-либо слова въ задуманномъ предложеніи съ другимъ, не предполагавшимся къ произнесенію, даетъ этому послѣднему возможность путемъ искаженія, смѣшенія, компромисса (контаминаціи) дойти до сознанія даннаго субъекта.

Lagen, Vorschein dauert,
jogen... schwein freurig.

Въ моей книгѣ „О толкованіи сновъ"***) я показалъ, какую роль играетъ процессъ *„сгущенія"* въ образованіи такъ называемаго явнаго содержанія сна изъ скрытыхъ (latent) мыслей его. Какое-либо сходство вещественное или словесное между двумя элементами безсознательнаго матеріала служитъ поводомъ для созданія третьяго—смѣшаннаго или компромиснаго представленія, которое въ содержаніи сна представляетъ оба слагаемыхъ и которое въ силу этого своего происхожденія и отличается такъ часто противорѣчивостью отдѣльныхъ своихъ чертъ.

---

*) „Да, это будетъ *тянуться*, быть можетъ, еще мѣсяцъ".

**) „Это *печальная* исторія".

***) „Die Traumdeutung". Leipzig und Wien, 1900.

Образованіе подстановокъ и контаминацій при обмолвкахъ и есть такимъ образомъ начало той „сгустительной“ работы, которую мы находимъ въ полномъ ходу при построеніи сна.

Въ небольшой статьѣ, предназначенной для широкаго круга читателей (Neue Freie Presse 23 авг. 1900) Мерингеръ устанавливаетъ особое практическое значеніе за нѣкоторыми случаями обмолвокъ,—тѣми именно, когда какое-либо слово замѣняется противоположнымъ ему по смыслу.

„Вѣроятно, всѣ помнятъ еще, какъ нѣсколько времени тому назадъ предсѣдатель австрійской палаты депутатовъ *открылъ* засѣданіе словами: „Уважаемое собраніе! Я констатирую наличность столькихъ-то депутатовъ и объявляю засѣданіе *закрытымъ*!“ Общій смѣхъ обратилъ его вниманіе на ошибку, и онъ исправилъ ее. Въ данномъ случаѣ это можно скорѣе всего объяснить тѣмъ, что предсѣдателю хотѣлось имѣть уже возможность дѣйствительно закрыть засѣданіе, отъ котораго можно было ожидать мало хорошаго; эта сторонняя мысль—что бываетъ часто—прорвалась хотя бы частично, и въ результатѣ получилось „закрытый“ вмѣсто „открытый“—прямая противоположность тому, что предполагалось сказать. Впрочемъ многочисленныя наблюденія показали мнѣ, что противоположныя слова вообще очень часто подставляются одно вмѣсто другого; они вообще тѣсно сплетены другъ съ другомъ въ нашемъ сознаніи, лежатъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ одно съ другимъ и легко произносятся по ошибкѣ“.

Не во всѣхъ случаяхъ обмолвокъ по контрасту такъ легко показать, какъ въ примѣрѣ съ предсѣдателемъ, вѣроятность того, что обмолвка произошла вслѣдствіе своего рода протеста, который заявляется въ глубинѣ души противъ высказывавшаго предложенія. Аналогичный механизмъ мы нашли, анализируя примѣръ: aliquis; тамъ внутреннее противодѣйствіе выразилось въ забвеніи слова—вмѣсто замѣны его противоположнымъ. Для устраненія этого различія замѣтимъ, однако, что словечко aliquis не обладаетъ такимъ антиподомъ, какимъ являются по отношенію другъ къ другу слова „закрывать“ и „открывать“, и далѣе, что слово „открывать“, какъ весьма общеупотребительное, не можетъ быть позабыто.

Если послѣдніе примѣры Мерингера и Майера показываютъ намъ, что разстройство рѣчи можетъ происходить какъ подъ вліяніемъ звуковъ и словъ той же фразы, предназначаемыхъ къ произнесенію, такъ и подъ воздѣйствіемъ словъ, которыя находятся за предѣлами задуманной фразы *и инымъ способомъ не обнаружили бы себя*,—то предъ нами возникаетъ прежде всего вопросъ, возможно ли рѣзко разграничить оба эти вида обмолвокъ и какъ отличить случаи одной категоріи отъ другой. Здѣсь умѣстно вспомнить о словахъ Вундта, который въ своей только что вышедшей въ свѣтъ работѣ о законахъ развитія языка („Völkerpsychologie", T. I, часть I, стр. 34 и дальше; 1900 г.) разсматриваетъ также и феноменъ обмолвокъ. Что, по мнѣнію Вундта, никогда не отсутствуетъ въ этихъ явленіяхъ и другихъ, имъ родственныхъ, — это извѣстныя психическія вліянія. „Сюда относится прежде всего, какъ положительное условіе, ничѣмъ не стѣсняемое теченіе *звуковыхъ и словесныхъ ассоціацій*, вызванныхъ произнесенными звуками. Въ качествѣ отрицательнаго момента къ нему присоединяется отпаденіе или ослабленіе воздѣйствій воли, стѣсняющихъ это теченіе, и вниманія, также выступающаго здѣсь о качествѣ волевой функціи. Проявляется ли эта игра ассоціацій въ томъ, что предвосхищается предстоящій еще звукъ, или же репродуцируется произнесенный, или между другими какой-либо посторонній, но привычный, или въ томъ, наконецъ, что на произносимые звуки оказываютъ свое дѣйствіе совершенно иныя слова, находящіяся съ ними въ ассоціативной связи,— все это означаетъ лишь различія въ направленіи и конечно различія въ томъ, какимъ просторомъ пользуются происходящія ассоціаціи, но не въ ихъ общей природѣ. И во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, къ какой формѣ причислить данное разстройство и не слѣдуетъ ли съ большимъ основаніемъ, слѣдуя *принципу сочетанія причинъ* *) поставить его на счетъ совпаденія нѣсколькихъ мотивовъ". (стр. 380, 381).

Я считаю замѣчанія Вундта вполнѣ основательными и чрезвычайно поучительными. Быть можетъ, можно было бы съ большой рѣшительностью, чѣмъ это дѣлаетъ Вундтъ, подчеркнуть, что пози-

*) Курсивъ мой.

тивно благопріятствующій моментъ въ словесныхъ ошибкахъ — безпрепятственное теченіе ассоціацій—и негативный моментъ—ослабленіе стѣсняющаго его вниманія—дѣйствуютъ всегда совмѣстно, такъ что оба момента оказываются лишь различными сторонами одного и того же процесса. Съ ослабленіемъ стѣснительнаго вниманія и приходитъ въ дѣйствіе безпрепятственное теченіе ассоціацій,—или, выражаясь еще категоричнѣе: *чрезъ* это ослабленіе.

Среди примѣровъ обмолвокъ, собранныхъ мною, я почти не нахожу такихъ, гдѣ разстройство рѣчи сводилось бы исключительно къ тому, что Вундтъ называетъ „дѣйствіемъ контакта звуковъ". Почти въ каждомъ случаѣ я нахожу еще и разстраивающее вліяніе чего-либо, находящагося *внѣ предѣловъ* задуманной рѣчи, и это „что-то" есть либо отдѣльная, оставшаяся несознанной мысль, дающая о себѣ знать чрезъ посредство обмолвки и нерѣдко лишь при помощи тщательнаго анализа могущая быть доведенной до сознанія, или же это болѣе общій психическій мотивъ, направленный противъ всей рѣчи въ цѣломъ.

Примѣръ а): я хочу процитировать моей дочери, которая, кусая яблоко, состроила гримасу:

„Der Affe gar possierlich ist,
Zumal wenn er vom Apfel frisst"*).

Но начинаю: der Apfe...

Повидимому, это можно разсматривать какъ контаминацію, компромиссъ между словами, Affe (обезьяна) и Apfel (яблоко) или же какъ антиципацію послѣдующаго Apfel. Въ дѣйствительности же положеніе дѣла таково. Я уже разъ началъ эту цитату и при этомъ не обмолвился. Обмолвка произошла лишь при повтореніи цитаты; повторить же пришлось потому, это дочь моя, занятая другимъ, не слушала. Это-то повтореніе и связанное съ нимъ нетерпѣніе, желаніе отдѣлаться отъ этой фразы и надо также засчитать въ число мотивовъ моей обмолвки, выступающей въ формѣ процесса „сгущенія".

б) Моя дочь говоритъ: „Ich schreibe der Frau Schre-

---

*) „Обезьяна очень смѣшна,
Особенно, когда она ѣстъ яблоко".

singer" (я пишу г-жѣ *Шрезингеръ*). Фамилія этой дамы на самомъ дѣлѣ *Шле*зингеръ. Эта ошибка конечно находится въ связи съ тенденціей къ облегченію произношенія, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ звуковъ *р* трудно произнести *л*. Однако, я долженъ прибавить, что эта обмолвка случилась у моей дочери черезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ я сказалъ „Apfe" вмѣсто „Affe". Обмолвки же въ высокой мѣрѣ заразительны, также какъ и забываніе именъ, по отношенію къ которому эта особенность отмѣчена у Мерингера и Мейера. Причину этой психической прилипчивости я затрудняюсь указать.

в) Паціентка говоритъ мнѣ въ самомъ началѣ визита: „Jch klappe zusammen, wie ein Tassenmescher—Taschenmesser"; *) звуки перепутаны и это можетъ быть опять-таки оправдано трудностью произношенія. Но когда ей была указана ошибка, она не задумываясь отвѣтила: „Это потому что вы сегодня сказали „Ernscht "(вмѣсто „ernst"—„серьезно"). Я дѣйствительно встрѣтилъ ее фразой, въ которой въ шутку исказилъ это слово. Во все время пріема она постоянно обмолвивается, и я замѣчаю, конечно, что она не только имитируетъ меня, но имѣетъ еще и особое основаніе безсознательно останавливаться на имени „Эрнстъ" **).

г) Та же паціентка другой разъ совершаетъ такую обмолвку „Jch bin so verschnupft, ich kann nicht durch die Ase natmen ***). Она тотчасъ же отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, откуда эта ошибка. „Я каждый день сажусь въ трамвай па Hasenauergasse и сегодня утромъ, когда я ждала трамвая, мнѣ

---

*) „Я складываюсь, какъ перочинный ножикъ".

**) Она находилась, какъ это выяснилось, подъ вліяніемъ безсознательной мысли о беременности и предупрежденіи родовъ. Словами о перочинномъ ножѣ, которыми она сознательно выразила жалобу, она хотѣла описать положеніе ребенка въ утробѣ матери. Слово „ernst" въ моемъ обращеніи напомнило ей фамилію (S. Ernst) извѣстной вѣнской фирмы, анонсирующей продажу предохранительныхъ средствъ противъ беременности.

***) Вмѣсто Nase atmen— „у меня такой насморкъ, что я не могу *дышать носомъ*".

пришло въ голову, что если бы я была француженкой, я выговаривала бы названіе улицы „Asenauer“, потому что французы пропускаютъ звукъ *h* въ началѣ слова“. Далѣе она сообщаетъ цѣлый рядъ воспоминаній о французахъ, съ которыми она была знакома, и въ результатѣ длиннаго обходнаго движенія приходитъ къ воспоминанію о томъ, что 14-тилѣтней дѣвочкой она играла въ пьесѣ „Kurmärker und Picarde“ роль Пикарды и говорила тогда на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ тотъ домъ, гдѣ она жила, пріѣхалъ теперь гость изъ Парижа, случайность, которая и вызвала весь этотъ рядъ воспоминаній. Перестановка звуковъ была такимъ образомъ вызвана вмѣшательствомъ безсознательной мысли, совершенно не связанной съ тѣмъ, о чемъ шла рѣчь.

д) Аналогиченъ механизмъ обмолвки у другой паціентки, которой вдругъ измѣняетъ память въ то время, какъ она разсказываетъ давно забытое воспоминаніе дѣтства. Она не можетъ припомнить, за какое мѣсто схватила ее рука нѣкоего человѣка. Непосредственно вслѣдъ за этимъ она приходитъ въ гости къ своей подругѣ и разговариваетъ съ ней о дачныхъ квартирахъ. Ее спрашиваютъ, гдѣ находится ея домикъ въ М., и она отвѣчаетъ: „An der Berglende“ вмѣсто „Berglehne“ *).

е) Другая паціентка, которую я спрашиваю по окончаніи пріема, какъ здоровье ея дяди, отвѣчаетъ: „Не знаю, я вижу его теперь только in flagranti“. На слѣдующій день она начинаетъ: „Мнѣ было очень стыдно, что я Вамъ такъ глупо отвѣтила. Вы конечно должны были счесть меня совершенно необразованнымъ человѣкомъ, постоянно путающимъ иностранныя слова. Я хотѣла сказать „en passant“. Тогда мы еще не знали, откуда она взяла неправильно употребленное иностранное слово. Но въ тотъ же день она сообщила, продолжая разговоръ, о вчерашнемъ воспоминаніи, въ которомъ главную роль играла поимка съ поличными — in flagranti. Ошибка прошлаго дня такимъ образомъ предвосхитила несознанное еще въ то время воспоминаніе.

ж) Относительно другой паціентки мнѣ пришлось въ ходѣ анализа высказать предположеніе, что въ то время, о которомъ у насъ

*) Lende—бедро; Berglehne—склонъ горы.

шелъ разговоръ, она стыдилась своей семьи и сдѣлала своему отцу упрекъ, намъ еще неизвѣстный. Она ничего такого не помнитъ и считаетъ это вообще неправдоподобнымъ. Разговоръ о ея семьѣ, однако, продолжается, и она дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Одно нужно за ними признать: это все-таки необычные люди, sie haben alle Geiz („скупость“—вмѣсто Geist —„духъ“, „умъ“). И таковъ былъ дѣйствительно тотъ упрекъ, который она вытѣснила изъ своей памяти. Что при обмолвкѣ прорывается какъ разъ та идея, которую хотѣлось бы подавить,—явленіе общее (ср. случай Мерингера: Vorschwein). Разница лишь въ томъ, что у Мерингера говорившій субъектъ хотѣлъ подавить нѣчто извѣстное ему, въ то время какъ моя паціентка не сознаетъ подавляемаго или, выражаясь иначе, не знаетъ, что она нѣчто подавляетъ и что́ именно она подавляетъ.

з) „Если вы хотите купить ковры, идите къ Кауфману въ Mathäusgasse. Я думаю, что смогу васъ тамъ отрекомендовать“—говоритъ мнѣ одна дама. Я повторяю: „Стало быть у Матеуса... Я хотѣлъ сказать, у Кауфмана“. На первый взглядъ это простая разсѣянность: я поставилъ одно имя на мѣсто другого. Подъ вліяніемъ того, что мнѣ говорила дама, я дѣйствительно проявилъ нѣкоторую разсѣянность, такъ какъ она направила мое вниманіе на нѣчто другое, что было для меня несравненно важнѣе, чѣмъ ковры. Въ Mathäusgasse находится домъ, въ которомъ жила моя жена, когда она еще была моей невѣстой. Входъ въ домъ былъ съ другой улицы, и теперь я замѣтилъ, что названіе этой послѣдней я забылъ; возстановить его приходится окольнымъ путемъ. Имя Матеуса, на которомъ я остановился, послужило мнѣ замѣстителемъ позабытаго названія улицы. Оно болѣе пригодно для этого, чѣмъ имя Кауфмана, такъ какъ употребляется только для обозначенія лица—въ противоположность слову Кауфмана (Kaufmann — купецъ); забытая же улица названа также по имени лица — *Радецкаго.*

и) Слѣдующій случай я могъ бы отнести къ рубрикѣ „ошибокъ“, о которой будетъ рѣчь ниже; привожу его, однако, здѣсь, потому что звуковыя соотношенія, на основѣ которыхъ произошла замѣна словъ, выступаютъ въ немъ съ особенной наглядностью. Паціентка разсказываетъ мнѣ свой сонъ. Ребенокъ рѣшился покончить съ со-

бою посредствомъ укуса змѣи; онъ приводитъ это въ исполненіе, она видитъ, какъ онъ бьется въ судорогахъ и т. д. Предлагаю ей найти поводъ для этого сна въ томъ, что она пережила наканунѣ. Она тотчасъ же вспоминаетъ, что вчера вечеромъ слушала популярную лекцію объ оказаніи первой помощи при змѣвномъ укусѣ. Если укушены одновременно ребенокъ и взрослый, то прежде всего надо оказать помощь ребенку. Она вспоминаетъ также, какія указанія далъ лекторъ о мѣрахъ, которыя надо принять. Многое зависитъ отъ того, сказалъ онъ, какой породы укусившая змѣя. Я перебиваю ее и спрашиваю: не говорилъ ли онъ о томъ, что въ нашихъ краяхъ очень мало ядовитыхъ породъ и какихъ именно слѣдуетъ опасаться? „Да, онъ назвалъ гремучую змѣю (Klapperschlange)". Я улыбаюсь, и она замѣчаетъ, что сказала что-то не такъ. Однако она исправляетъ не названіе, а беретъ все свое заявленіе обратно: „Да, такой вѣдь у насъ нѣтъ; онъ говорилъ о гадюкѣ. Какимъ образомъ пришла мнѣ на умъ гремучая змѣя?" Я подозрѣвалъ, что это произошло вслѣдствіе примѣшавшихся сюда мыслей, скрытыхъ за ея сномъ. Самоубійство посредствомъ змѣинаго укуса можетъ врядъ ли имѣть другой смыслъ, какъ указаніе на *Клеопатру*. Значительное звуковое сходство обоихъ словъ (Kleopatra и Klapperschlange), совпаденіе буквъ kl...p...r, слѣдующихъ въ одномъ и томъ же порядкѣ и повтореніе той же буквы *a* съ падающимъ на нее удареніемъ было совершенно очевидно. Связь между именами Klapperschlange и Kleopatra ограничиваетъ на минуту способность сужденія моей паціентки, и благодаря этому утвержденіе, будто лекторъ поучалъ вѣнскую публику, о томъ, какія мѣры принимать при укусѣ гремучей змѣи, не показалось ей страннымъ. Вообще же она знаетъ столь же хорошо, какъ и я, что гремучія змѣи у насъ не водятся. Если она и перенесла, не задумываясь, гремучую змѣю въ Египетъ, то это вполнѣ простительно, ибо мы привыкли сваливать все внѣ-европейское, экзотическое въ одну кучу, и я самъ тоже долженъ былъ на минуту призадуматься, прежде чѣмъ установить, что гремучая змѣя встрѣчается только въ Новомъ Свѣтѣ.

Дальнѣйшія подтвержденія мы встрѣчаемъ при продолженіи анализа. Моя паціентка всего лишь наканунѣ осмотрѣла выставленную

недалеко отъ ея квартиры скульптуру Штрассера—*„Антоній“*. Это былъ второй поводъ для ея сновидѣнія (первый—лекція о змѣиныхъ укусахъ). Въ дальнѣйшемъ теченіи сна она укачивала ребенка, и по поводу этой сцены ей вспомнилась Маргарита изъ „Фауста“. Далѣе у нея возникли воспоминанія объ *„Арріасъ* и *Мессалинѣ“*. Это обиліе именъ изъ драматическихъ произведеній заставляетъ предполагать, что паціентка въ прежніе годы тайно мечтала объ артистической карьерѣ. И начало сна, будто ребенокъ рѣшилъ покончить съ собой посредствомъ укуса змѣи, поистинѣ должно означать: ребенкомъ она собиралась стать знаменитой артисткой. Наконецъ, отъ имени Мессалины отвѣтвляется ходъ мыслей, ведущій къ основному содержанію сна. Нѣкоторыя происшествія послѣдняго времени породили въ ней безпокойство, что ея единственный братъ вступитъ въ неподходящій для него бракъ съ не-аріійкой, т. е. допуститъ mesalliance.

i) Хочу привести здѣсь совершенно невинный—или быть можетъ недостаточно выясненный въ своихъ мотивахъ—примѣръ, обнаруживающій весьма прозрачный механизмъ.

Путешествующій по Италіи нѣмецъ нуждается въ ремнѣ, чтобы обвязать попорченный чемоданъ. Изъ словаря онъ узнаетъ, что ремень по итальянски correggia. Это слово нетрудно запомнить—думаетъ онъ,—стоитъ мнѣ подумать о художникѣ Корреджіо. Онъ идетъ въ лавку и проситъ: una ribera.

Повидимому, ему не удалось замѣнить въ своей памяти нѣмецкое слово итальянскимъ, но все же старанія его не были совершенно безуспѣшны. Онъ зналъ, что надо имѣть въ виду имя художника, но вспомнилось ему не то имя, съ которымъ связано искомое итальянское слово, а то, которое приближается къ нѣмецкому слову Riemen (ремень). Этотъ примѣръ можетъ быть конечно, и отнесенъ въ такой же мѣрѣ къ категоріи забыванія именъ, какъ, къ обмолвкамъ.

Собирая матеріалъ объ обмолвкахъ для перваго изданія этой книги, я придерживался правила подвергать анализу всѣ случаи, какіе только приходилось наблюдать, даже и менѣе выразительные. Съ тѣхъ поръ занимательную работу собиранія и анализированія

обмолвокъ взяли на себя многіе другіе, и я могу теперь черпать изъ болѣе богатаго матеріала.

к) Молодой человѣкъ говоритъ своей сестрѣ: съ семействомъ Д. я окончательно разсорился; я уже не раскланиваюсь съ ними. Она отвѣчаетъ: überhaupt eine saubere Lippschaft — вмѣсто Sippschaft („вообще, чистенькая семейка"); въ ошибкѣ этой выражены двѣ вещи: во-первыхъ, братъ ея когда-то началъ флиртъ съ одной дѣвицей изъ этой семьи, во-вторыхъ, про эту дѣвицу разсказывали, что въ послѣднее время она завела серьезную и недозволенную любовную связь (Liebschaft).

л) Цѣлый рядъ примѣровъ я заимствую у моего коллеги д-ра В. Штекеля изъ статьи въ Berliner Tageblatt отъ 4 января 1904 г. подъ заглавіемъ „Unbewusste Geständnisse" („Безсознательныя признанія").

„Непріятную шутку, которую сыграли со мной мои безсознательныя мысли, раскрываетъ слѣдующій примѣръ. Долженъ предупредить, что въ качествѣ врача я никогда не руковожусь соображеніями заработка и—что разумѣется само собой—имѣю всегда въ виду лишь интересы больного. Я пользую больную, которая пережила тяжелую болѣзнь и нынѣ выздоравливаетъ. Мы провели рядъ тяжелыхъ дней и ночей Я радъ, что ей лучше, рисую ей всѣ прелести предстоящаго пребыванія въ Аббаціи и прибавляю: „если вы, на что я надѣюсь, *не* скоро встанете съ постели".

Причина этой обмолвки очевидно, эгоистическій безсознательный мотивъ—желаніе дольше лѣчить эту богатую больную, желаніе, которое совершенно чуждо моему сознанію и которое я отвергъ бы съ негодованіемъ.

м) Другой примѣръ (д-ръ В. Штекель). „Моя жена нанимаетъ на послѣобѣденное время француженку и, столковавшись съ ней объ условіяхъ, хочетъ сохранить у себя ея аттестаціи. Француженка проситъ оставить ихъ у нея и мотивируетъ это: Ie cherche encore pour les après-midi, pardon les avants-midi *). Очевидно у нея есть намѣреніе посмотрѣть еще, не найдетъ ли она

---

*) Я ищу еще мѣста на послѣ-обѣденное, pardon, на до-обѣденное время".

мѣсто на лучшихъ условіяхъ,—намѣреніе, которое она дѣйствительно выполнила“.

н) „Я читаю одной дамѣ вслухъ книгу Левитъ, и мужъ ея, по просьбѣ котораго я это дѣлаю, стоитъ задверью и слушаетъ. По окончаніи моей проповѣди, которая произвела замѣтное впечатлѣніе, я говорю: „До свиданія, Monsieur“. Освѣдомленный человѣкъ могъ бы узнать отсюда, что мои слова были обращены къ мужу, и что говорилъ я ради него“.

о) Д-ръ Штекель разсказываетъ о себѣ самомъ: одно время онъ имѣлъ двухъ паціентовъ изъ Тріеста, и здороваясь съ ними онъ постоянно путалъ ихъ фамиліи. „Здравствуйте, г-нъ Пелони“ говорилъ онъ, обращаясь къ Асколи и наоборотъ. На первыхъ порахъ онъ небылъ склоненъ приписывать этой ошибкѣ болѣе глубокую мотивировку, и объяснялъ ее рядомъ общихъ чертъ, имѣвшихся у обоихъ паціентовъ. Онъ легко убѣдился, однако, что перепутываніе именъ объяснялось здѣсь своего рода хвастовствомъ, желаніемъ показать каждому изъ этихъ двухъ итальянцевъ, что не одинъ лишь пріѣхалъ къ нему изъ Тріеста за медицинской помощью.

п) Самъ д-ръ Штекель говоритъ въ бурномъ собраніи: „wir s t r e i t e n (schreiten) nun zu Punkt 4 der Tagesordnung“: мы „*споримъ*“ (вмѣсто „переходимъ“) къ 4 пункту порядка дня.

р) Нѣкій профессоръ говоритъ въ вступительной лекціи: „Ich bin nicht g e n e i g t (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu schildern“: „я *не расположенъ* (вмѣсто—не считаю себя способнымъ) говорить о заслугахъ моего уважаемаго предшественника“.

с) Д-ръ Штекель говоритъ дамѣ, у которой предполагаетъ базедову болѣзнь: „Sie sind um einen K r o p f (kopf) grösser als ihre Schwester“ — „Вы *зобомъ* (вмѣсто-*головой*) выше Вашей сестры“. При психотерапевтическихъ пріемахъ, которыми я пользуюсь для разрѣшенія и устраненія невротическихъ симптомовъ, очень часто встаетъ задача: прослѣдить въ случайныхъ на первый взглядъ рѣчахъ и словахъ паціента тотъ кругъ мыслей, который стремится скрыть себя, но все же нечаянно, самыми различными путями выда-

етъ себя. При этомъ обмолвки служатъ зачастую весьма цѣнную службу, какъ я могъ бы показать на самыхъ убѣдительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причудливыхъ примѣрахъ. Паціентка говоритъ, напримѣръ, о своей теткѣ и неуклонно называетъ ее, не замѣчая своей обмолвки, „моя мать“ или своего мужа „мой братъ“. Этимъ она обращаетъ мое вниманіе на то, что она отождествила этихъ лицъ, помѣстила ихъ въ одинъ рядъ, означающій для ея эмоціональной жизни повтореніе того же типа. Или: молодой человѣкъ 20 лѣтъ представляется мнѣ на пріемѣ слѣдующимъ образомъ: „я *отецъ* NN, котораго вы лѣчили— pardon, я хотѣлъ сказать: братъ; онъ на четыре года старше меня“. Я понимаю, что этой своей обмолвкой онъ хочетъ сказать, что онъ также, какъ и его братъ, заболѣлъ по винѣ отца, какъ и братъ нуждается въ лѣченіи, но что нужнѣе всего лѣченіе—отцу. Иной разъ достаточно непривычно звучащаго словосочетанія, нѣкоторой натянутости выраженія, чтобы обнаружить участіе вытѣсненной мысли въ иначе мотивированной рѣчи паціента.

Какъ въ грубыхъ, такъ и въ болѣе тонкихъ погрѣшностяхъ рѣчи, которыя еще можно отнести къ ряду обмолвокъ, факторомъ, обусловливающимъ возникновеніе ошибки и достаточно объясняющимъ ее, я считаю не взаимодѣйствіе приходящихъ въ контактъ звуковъ, а вліяніе мыслей, лежащихъ за предѣлами задуманнаго. Сами по себѣ законы, въ силу которыхъ звуки видоизмѣняютъ другъ друга, не подвергаются мной сомнѣнію; мнѣ только кажется, что ихъ дѣйствія недостаточно для того, чтобы нарушить правильное теченіе рѣчи. Въ тѣхъ случаяхъ, которые я тщательно изучилъ и понялъ, они представляютъ собою лишь предуготовленный механизмъ, которымъ съ удобствомъ пользуется, болѣе отдаленный психическій мотивъ не ограничивая себя, однако, предѣлами его вліянія. Въ цѣломъ рядѣ подстановокъ эти звуковые законы не играютъ при обмолвкахъ никакой роли. Въ этомъ мои взгляды вполнѣ совпадаютъ съ мнѣніемъ Вундта, который также предполагаетъ, что условія, опредѣляющія обмолвки, сложны и выходятъ далеко за предѣлы простого взаимодѣйствія звуковъ.

Считая прочно установленными эти, по выраженію Вундта „отдаленныя психическія вліянія“, я съ другой стороны не вижу основанія отрицать, что при ускореніи рѣчи и нѣкоторомъ отклоненіи вни-

манія условія обмоловокъ могутъ легко свестись къ тѣмъ предѣламъ, которые установлены Мерингеромъ и Майеромъ. Но, конечно, въ нѣкоторой части собранныхъ этими авторами примѣровъ болѣе сложное объясненіе скорѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

Возьму хотя бы приведенный уже случай: Es war mir auf der Schwest... Brust so schwer.

Такъ ли просто обстоитъ здѣсь дѣло, что schwe вытѣсняетъ здѣсь равно интенсивный слогъ Bru путемъ „предвосхищенія"? Врядъ ли можно отрицать, что звуки schwe оказались способны къ этому „выступленію" еще и благодаря особой связи. Такой связью могла быть только одна ассоціація: schwester—Bruder (братъ), или развѣ еще: Brust der Schwester (грудь сестры), ассоціація, ведущая къ другимъ кругамъ мыслей. Этотъ невидимый, находящійся за сценой пособникъ и сообщаетъ невинному schwe ту силу, успѣшное дѣйствіе которой и проявляется въ обмолвкѣ.

При иныхъ обмолвкахъ приходится допустить, что собственно помѣхой является въ нихъ созвучіе съ неприличными словами и вещами. Преднамѣренное искаженіе и коверканіе словъ и выраженіе, столь излюбленное дурно воспитанными людьми, только и имѣетъ въ виду, пользуясь невиннымъ предлогомъ, напомнить о предосудительныхъ вещахъ, и эта манера забавляться встрѣчается такъ часто, что неудивительно, если она прокладываетъ себѣ дорогу безсознательно и противъ воли. Къ этой категоріи можно отнести цѣлый рядъ примѣровъ Eischeissweibchen вмѣсто Eiweiss Scheibchen, Apopos вмѣсто Apropos, Lokuskapitäl вмѣсто Lotuskapitäl; быть можетъ также Alabüsterbachse (Alabasterbüchse) святой Магдалины. **) „Ich fordere sie auf, auf das Wohe unseres Chefs aufzustossen"—вмѣсто anzustossen (предлагаю вамъ *отрыгнуть* за здоровье нашего патрона"—вмѣсто „чокнуться")— врядъ ли что-нибудь иное, какъ ненамѣренная пародія, возникшая какъ отзвукъ намѣренной.

---

*) „Мою грудь (Brust) такъ давило". Schwester—сестра.

**) У одной изъ моихъ паціентокъ симптоматическія обмолвки продолжались до тѣхъ поръ, пока ихъ не удалось свести къ дѣтской шуткѣ; замѣнѣ ruinieren словомъ urinieren (вмѣсто *разорять—испускать мочу*).

На мѣстѣ того патрона, въ честь котораго былъ сказанъ этотъ тостъ, я подумалъ бы о томъ, какъ умно поступали римляне, позволяя солдатамъ тріумфатора громко, въ шуточныхъ пѣсняхъ выражать свой внутренній протестъ противъ чествуемаго.—Мерингеръ разсказываетъ, какъ онъ самъ обратился разъ къ старшему въ обществѣ лицу, которое называли обыкновенно фамильярнымъ прозвищемъ: „Senexl“ или „alter Senexl“ со словами: „Prost Senex altesl!“. Онъ самъ испугался этой ошибки. Быть можетъ, намъ станетъ понятенъ его аффектъ, если мы вспомнимъ, какъ близко слово „altesl“ къ ругательству „alter Esel“ („старый оселъ“). Неуваженіе къ старости (или, въ примѣненіе къ дѣтскому возрасту,—неуваженіе къ отцу) влечетъ за собой суровую внутреннюю кару.

Я надѣюсь, что читатели не упустятъ изъ виду различія въ цѣнности этихъ ничѣмъ не доказуемыхъ указаній и тѣхъ примѣровъ, которые я самъ собралъ и подвергъ анализу. Но если я все же въ глубинѣ души продолжаю ожидать, что даже и простые на видъ случаи обмолвокъ можно будетъ свести къ разстраивающему воздѣйствію полу-подавленной идеи, лежащей внѣ задуманной связи, то къ этому побуждаетъ меня одно весьма цѣнное замѣчаніе Мерингера. Этотъ авторъ говоритъ: замѣчательно, что никто не хочетъ признать, что онъ обмолвился. Встрѣчаются весьма разумные и честные люди, которые обижаются, если сказать имъ, что они обмолвились. Я не рѣшился бы выразить это утвержденіе въ такой общей формѣ какъ Мерингеръ („никто....“) Но тотъ слѣдъ аффекта, который остается при обнаруженіи обмолвки и, очевидно, имѣетъ характеръ чувства стыда, не лишенъ значенія. Его можно поставить на одну доску съ тѣмъ чувствомъ досады, которое мы испытываемъ, когда намъ не удается вспомнить забытое имя, или съ тѣмъ удивленіемъ, съ какимъ мы встрѣчаемъ сохранившееся у насъ въ памяти несущественное на первый взглядъ воспоминаніе; аффектъ этотъ каждый разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ возникновеніи разстройства ту или иную роль сыгралъ какой-либо мотивъ.

Когда искаженіе именъ продѣлывается нарочно, оно равносильно нѣкотораго рода пренебреженію: то же значеніе оно имѣетъ, надо думать, и въ цѣломъ рядѣ случаевъ, когда оно выступаетъ въ видѣ

ненамѣренной обмолвки. Лицо, которое, по словамъ Майера, сказало разъ Freuder вмѣсто Freud въ силу того, что за этимъ слѣдовало имя Breuer, а другой разъ заговорило о Freuer-Breud'овской методѣ, навѣрно принадлежало къ числу коллегъ по профессіи и, надо полагать, было не особенно восхищено этой методой. Другой случай искаженія именъ, навѣрное не поддающійся иному объясненію, я приведу ниже въ главѣ объ описказъ *). Въ этихъ случаяхъ въ качествѣ разстраивающаго момента врѣзывается критика, которую говорящему приходится опустить, такъ какъ въ данную именно минуту она не отвѣчаетъ его намѣреніямъ.

Въ другихъ случаяхъ—гораздо болѣе значительныхъ—къ обмолвкѣ и даже къ замѣнѣ задуманнаго слова прямой его противоположностью вынуждаетъ самокритика, внутренній протестъ противъ собственныхъ словъ. Въ такихъ случаяхъ съ удивленіемъ замѣчаешь, какъ измѣненный такимъ образомъ текстъ какого-либо увѣренія парализуетъ его силу и ошибка въ рѣчи вскрываетъ неискренность сказаннаго **). Обмолвка становится здѣсь мимическимъ орудіемъ выраженія,—нерѣдко, правда, такимъ орудіемъ, которымъ выражаешь то, чего не хотѣлось сказать, которымъ выдаешь самого себя. Когда, напр., человѣкъ, который въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ не питаетъ склонности къ такъ наз. нормальнымъ сношеніямъ, вмѣшивается въ разговоръ о дѣвушкѣ, извѣстной своимъ кокетствомъ, со словами: „Im Umgang mit mir würde sie sich das Koettieren schon abgewöhnen" (вмѣсто „Kokettieren"—„со мной она бы уже отвыкла отъ кокетства"),—то несомнѣнно, что только вліянію слова „koitieren" (отъ coitus) и можно приписать такое измѣненіе задуманнаго „kokettieren".

---

*) Можно замѣтить также, что какъ разъ аристократы особенно часто путаютъ имена врачей, къ которымъ они обращались; отсюда можно заключить, что, несмотря на обычно проявляемую ими вѣжливость, они относятся къ врачамъ пренебрежительно.

**) При помощи такого рода обмолвки клеймитъ напр., Анценгруберъ въ своемъ „G'wissenswurm" лицемѣра, домогающагося наслѣдства.

Случайно складывающіяся удачныя комбинаціи словъ даютъ примѣры обмолвокъ, играющіе роль прямо-таки убійственныхъ разоблаченій, а иной разъ производящіе полный эффектъ хорошей остроты.

Таковъ, напримѣръ, случай, наблюдавшійся и сообщенный докторомъ Reitler'омъ. Одна дама говоритъ другой въ восхищеніи: „Diesen neuen reizenden Hut haben Sie wohl sich selbst aufgepatzt"? „Вы вѣроятно сами *напялили* (вмѣсто „убрали"— aufgeputzt) эту прелестную новую шляпу?" Задуманную похвалу пришлось прервать; ибо тайная критическая мысль о томъ, что „украшеніе шляпы" (Hutauf p u t z)—просто нашлепка („Patzerei"), выразилась въ досадной обмолвкѣ слишкомъ ясно, чтобы приличествующее случаю выраженіе восторга могло еще быть принято въ серьезъ.

Или слѣдующій случай, который наблюдалъ докторъ Max Graf:

„Въ общемъ собраніи общества журналистовъ „Concordia" молодой членъ общества, постоянно нуждающійся въ деньгахъ, держитъ рѣзко оппозиціонную рѣчь и въ возбужденіи говоритъ: „Die Herren V o r s c h u s s m i t g l i e d e r" (вмѣсто: Vorstands— или Ausschussmitglieder—„члены правленія". Vorschuss— авансъ). Члены правленія уполномочены выдавать ссуды, и отъ молодого оратора уже поступило прошеніе о ссудѣ".

Курьезное впечатлѣніе производитъ обмолвка въ томъ случаѣ, когда она подтверждаетъ что-либо, что паціентъ оспариваетъ и что было бы желательно установить врачу въ его психо-аналитической работѣ. У одного изъ моихъ паціентовъ мнѣ случилось разъ заняться истолкованіемъ сна, въ которомъ встрѣчалось имя Iauner. Паціентъ зналъ лицо, носящее такое имя, но почему оно оказалось въ связи даннаго сна,—невозможно было найти, и я рѣшился на предположеніе, не было ли это вызвано сходствомъ даннаго имени съ бранным словомъ Gauner (мошенникъ). Паціентъ поспѣшно и энергично запротестовалъ, но при этомъ опять обмолвился и этой обмолвкой только подтвердилъ мое предположеніе, такъ какъ произвелъ вторично ту же самую замѣну звуковъ. Его отвѣтъ гласилъ: „Das erscheint mir doch zu j e w a g t" вмѣсто („g e w a g t": „мнѣ кажется это слишкомъ рискованнымъ"). Когда я обратилъ его вниманіе на эту обмолвку, онъ согласился съ моимъ толкованіемъ.

Когда такого рода обмолвка, превращающая задуманное въ его прямую противоположность, случается въ серьезномъ спорѣ, это тотчасъ же понижаетъ шансы спорящаго, и противникъ рѣдко упускаетъ случай использовать улучшившуюся для него ситуацію.

Прекрасный примѣръ обмолвки, имѣющей цѣлью не столько выдать самого говорящаго, сколько послужить оріентировкѣ стоящаго внѣ сцены слушателя, мы находимъ въ шиллеровскомъ Валленштейнѣ (Пикколомини, дѣйствіе I, явленіе 5); она показываетъ намъ, что поэтъ, употребившій это средство, хорошо зналъ механизмъ и смыслъ обмолвокъ. Максъ Пикколомини въ предыдущей сценѣ горячо выступаетъ въ защиту герцога и восторженно говоритъ о благахъ мира, раскрывшихся передъ нимъ, когда онъ сопровождалъ дочь Валленштейна въ лагерь. Онъ оставляетъ своего отца и посланника двора Квестенберга въ полномъ недоумѣніи. И затѣмъ 5 явленіе продолжается такъ:

Квестенбергъ. О горе намъ! Вотъ до чего дошло!
Другъ, неужели въ этомъ заблужденіи
Дадимъ ему уйти, не позовемъ
Сейчасъ назадъ, и здѣсь же не откроемъ
Ему глаза?
Октавіо. Мнѣ онъ открылъ глаза.
И то, что я увидѣлъ—не отрадно.
Квестенбергъ. Что же это, другъ?
Октавіо. Будь проклята поѣздка.
Квестенбергъ. Какъ? Почему?
Октавіо. Идемте! Долженъ я
Немедленно ходъ злополучный дѣла
Самъ прослѣдить, увидѣть самъ... Идемъ!
Квестенбергъ. Зачѣмъ? Куда? Да объясните
Октавіо. Къ ней!
Квестенбергъ. Къ ней?
Октавіо. Къ герцогу! Идемъ *).

---

*) Русск. перев. А. Толстого.

Эта маленькая обмолвка: „къ ней“ вмѣсто „къ нему“ должна показать намъ, что отецъ прозрѣлъ настоящую причину того, почему сынъ сталъ на сторону герцога, въ то время какъ придворный жалуется, что „онъ говоритъ съ нимъ сплошь загадками“.

Изложенный здѣсь взглядъ на обмолвки выдерживаетъ испытаніе даже на мельчайшихъ примѣрахъ. Я неоднократно имѣлъ возможность показать, что самые незначительные и самые естественные случаи обмолвокъ имѣютъ свое основаніе и допускаетъ ту же разгадку, что и другіе, болѣе бьющіе въ глаза примѣры. Паціентка, которая вопреки моему желанію, упорствуя въ своемъ намѣреніи, рѣшается предпринять кратковременную поѣздку въ Будапештъ, оправдывается предо мной тѣмъ, что вѣдь она ѣдетъ всего на три *дня*; но оговаривается и говоритъ: всего на три *недѣли*. Отсюда ясно, что она предпочла бы на зло мнѣ остаться вмѣсто трехъ дней три недѣли въ обществѣ, которое я считаю для нея неподходящимъ.—Разъ вечеромъ я хочу оправдать себя въ томъ, что не зашелъ за женой въ театръ и говорю: я былъ въ 10 минутъ 11-го (10 minuten n a c h 10 Uhr) у театра. Меня поправляютъ: ты хочешь сказать—безъ десяти десять (10 minuten v o r 10 Uhr): Разумѣется, я хотѣлъ сказать: безъ десяти десять. Ибо 10 минутъ 11-го—это уже не было бы оправданіемъ. Мнѣ сказали, что на афишѣ было обозначено: окончаніе въ исходѣ 10-го часа. Когда я подошелъ къ театру, въ вестибюлѣ было уже темно, театръ—пустъ. Спектакль очевидно кончился раньше, и жена не ждала меня. Когда я посмотрѣлъ на часы, было безъ 5 десять. Я рѣшилъ однако изобразить дома дѣло въ болѣе благопріятномъ видѣ и сказать, что было десять часовъ безъ *десяти* минутъ. Обмолвка испортила все дѣло и вскрыла мою неискренность: она заставила меня признать больше, чѣмъ это даже требовалось.

Мы подходимъ здѣсь къ тѣмъ видамъ разстройства рѣчи, которыхъ уже нельзя отнести къ обмолвкамъ, такъ какъ они искажаютъ не отдѣльное слово, а общій ритмъ и произношеніе; таково бормотаніе и заиканіе отъ смущенія. Но и здѣсь въ разстройствѣ рѣчи сказывается внутренній конфликтъ. Я положительно не вѣрю, чтобы кто-нибудь могъ обмолвиться на аудіенціи у государя, или при серьезномъ объясненіи въ любви, или въ защитительной рѣчи

предъ судомъ присяжныхъ, когда дѣло идетъ о чести и добромъ имени,—словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по мѣткому нѣмецкому выраженію человѣкъ „всецѣло присутствуетъ". Даже при оцѣнкѣ стиля писателя мы имѣемъ всѣ основанія—и привыкли къ этому—руководиться тѣмъ же принципомъ, безъ котораго мы не можемъ обойтись при выясненіи отдѣльныхъ погрѣшностей рѣчи. Ясная и недвусмысленная манера писать показываетъ намъ, что и мысль автора здѣсь ясна и увѣрена, и тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ вымученныя, вычурныя выраженія, пытающіеся сказать нѣсколько вещей сразу, мы можемъ замѣтить вліяніе недостаточно продуманной, осложняющей мысли или же заглушенный голосъ самокритики.

VI.

Очитки и описки.

Что по отношенію къ ошибкамъ въ чтеніи и письмѣ имѣютъ силу тѣ же точки зрѣнія и тѣ же указанія, что и по отношенію къ погрѣшностямъ рѣчи,—неудивительно, если принять въ соображеніе близкое родство этихъ функцій. Я ограничусь здѣсь сообщеніемъ нѣсколькихъ тщательно проанализированныхъ примѣровъ и воздержусь отъ попытки охватить эти явленія въ цѣломъ.

А) Очитки.

а) Я перелистываю въ кафе номеръ „Лейпцигской Иллюстрированной газеты", держа ее косо передъ собой, и читаю названіе картины, занимающей страницу: Eine Hochzeitsfeier in der Odyssee—свадебное празднество *въ Одиссеѣ*. Обращаю на это вниманіе, въ изумленіи придвигаю къ себѣ газету и читаю на этотъ разъ правильно: Свадебное празднество an der Ostsee (на берегу Балтійскаго моря). Какимъ образомъ приключилась со мной безсмысленная ошибка? Мои мысли обращаются тотчасъ же къ книгѣ Ruths'a „Experimentaluntersuchungen über Musikphantome", сильно занимавшей меня въ послѣднее время, такъ какъ она близко затрагиваетъ разрабатываемыя мною психологическія проблемы. Авторъ обѣщаетъ издать въ ближайшемъ будущемъ работу подъ названіемъ „анализъ и основные законы феноменовъ сна". Непосредственно передъ этимъ я опубликовалъ свое „Толкованіе сновъ", и неудивительно поэтому, что я ожидаю этой книги съ

величайшимъ нетерпѣніемъ. Въ книгѣ Ruths'a о музыкальныхъ фантомахъ я нашелъ въ началѣ, въ оглавленіи указаніе на имѣющееся въ текстѣ подробное индуктивное доказательство того, что древне-эллинскіе миѳы и сказанія коренятся главнымъ образомъ въ дремотныхъ и музыкальныхъ фантомахъ, въ феноменахъ сна и также горячки. Я тотчасъ же обратился тогда къ соотвѣтствующему мѣсту въ текстѣ, чтобы узнать, знакомъ ли онъ съ тѣмъ, какъ извѣстная сцена, когда Одиссей является Навзикаѣ, сводится къ обычному „сновидѣнію о наготѣ". Одинъ изъ моихъ друзей обратилъ мое вниманіе на прекрасное мѣсто въ „Зеленомъ Генрихѣ" Г. Келлера, гдѣ онъ объясняетъ этотъ эпизодъ Одиссеи, какъ объективированіе сновъ блуждающаго далеко отъ родины мореплавателя, и я съ своей стороны привелъ его въ связь со сномъ „показыванія наготы". У Ruths'a я не нашелъ объ этомъ ничего. Очевидно, въ данномъ случаѣ меня озабочивала мысль о пріоритетѣ.

б) Какимъ образомъ случилось, что я прочелъ однажды въ газетѣ: „Въ бочкѣ (im Fass) по Европѣ" вмѣсто „Пѣшкомъ (zu Fuss)"? Этотъ анализъ долгое время затруднялъ меня. Правда, прежде всего мнѣ пришло въ голову: вѣроятно, я имѣлъ въ виду Діогена, и недавно еще я читалъ въ исторіи искусства что-то объ искусствѣ временъ Александра.

Отсюда было уже недалеко и до извѣстныхъ словъ Александра: „Если бы я не былъ Александромъ, я хотѣлъ бы быть Діогеномъ". Была у меня также и смутная мысль о нѣкоемъ *Германѣ Цейтунгѣ*, который отправился въ путешествіе, упакованный въ ящикѣ. Но дальнѣйшей связи мнѣ установить не удавалось; не удавалось мнѣ также найти и ту страницу въ исторіи искусства, гдѣ мнѣ бросилось въ глаза это замѣчаніе. Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ внезапно вспомнилась опять эта загадка, уже было заброшенная, и на этотъ разъ вмѣстѣ съ ней мнѣ пришла въ голову и разгадка. Я вспомнилъ замѣчаніе въ какой-то газетной статьѣ о томъ, какіе странные способы *передвиженія* (Beförderung) изобрѣтаютъ люди, чтобы попасть въ Парижъ на всемірную выставку; тамъ же, помнится, въ шутку сообщалось, что какой-то господинъ собирается отправиться въ Парижъ въ *бочкѣ*, которую покатитъ другой господинъ. Разумѣется, единственнымъ мотивомъ этихъ

людей—писала газета—было желаніе произвести своими глупостями сенсацію. Человѣкъ, который подалъ первый примѣръ такого необычайнаго передвиженія, назывался дѣйствительно *Германъ Цейтунгъ*. Затѣмъ мнѣ вспомнилось, что я однажды лѣчилъ паціента, обнаружившаго болѣзненную боязнь газеты (Zeitung), боязнь, которая, какъ это выяснилось при анализѣ, была реакціей на болѣзненное *честолюбіе*—желаніе увидѣть свое имя въ печати и встрѣтить въ газетѣ упоминаніе о себѣ, какъ о знаменитости. Александръ Македонскій былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ честолюбивыхъ людей, какіе только жили на свѣтѣ. Недаромъ онъ жаловался, что не можетъ найти второго Гомера, который воспѣлъ бы его дѣянія. Но какъ мнѣ не пришло въ голову, что ближе ко мнѣ другой *Александръ*, что таково имя моего младшаго брата! Тогда я тотчасъ же нашелъ предосудительную и требовавшую вытѣсненія мысль, имѣвшую отношеніе къ этому Александру, какъ и непосредственный поводъ къ ней. Мой братъ—спеціалистъ въ дѣлахъ тарифныхъ и *транспортныхъ* и долженъ былъ къ извѣстному времени за свою педагогической дѣятельность въ коммерческой высшей школѣ получить званіе профессора. Къ такому же *повышенію* (Beförderung) я былъ представленъ въ университетѣ уже много лѣтъ назадъ, но еще не получилъ его. Наша мать выразила тогда свое недовольство по поводу того, что ея младшему сыну предстояло раньше получить профессорское званіе, чѣмъ старшему. Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда я не могъ найти разгадки для моей ошибки въ чтеніи. Послѣ этого мой братъ также встрѣтился съ трудностями: его шансы на профессуру упали еще ниже моихъ. И тогда мнѣ сразу сталъ ясенъ смыслъ этой очитки; словно пониженіе шансовъ моего брата устранило какое-то препятствіе. Мое поведеніе было таково, какъ будто я читаю въ газетѣ о назначеніи моего брата и говорю самъ себѣ при этомъ: удивительно, что благодаря такимъ глупостямъ (какими онъ занимается по профессіи) можно попасть въ газету (т. е. получить профессорское званіе)! Мѣсто въ книгѣ объ греческомъ искусствѣ эпохи Александра я нашелъ тогда безъ труда и убѣдился къ моему изумленію, что во время своихъ прежнихъ поисковъ я неоднократно просматривалъ эту же страницу и какъ бы подъ вліяніемъ какой-то отрицательной

галлюцинаціи каждый разъ пропускалъ это мѣсто. Впрочемъ, оно не заключало ничего такого, изъ чего я могъ бы понять, что собственно должно было быть позабыто. Я думаю, что симптомъ ненахожденія въ книгѣ былъ созданъ только для того, чтобы сбить меня съ пути. Нужно было, чтобы я искалъ продолженія серіи мыслей именно тамъ, гдѣ мое изслѣдованіе натолкнулось на препятствіе, стало быть въ какой-нибудь мысли объ Александрѣ Македонскомъ, и чтобы мое вниманіе такимъ образомъ было тѣмъ надежнѣе отвлечено отъ другого Александра—моего брата. И это дѣйствительно удалось вполнѣ; я направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы вновь найти утраченное мѣсто изъ исторіи искусствъ.

Двусмысленность слова „Beförderung" („передвиженіе" и „повышеніе") создала въ данномъ случаѣ ассоціативный мостъ между двумя комплексами,—несущественнымъ, который былъ вызванъ чтеніемъ газетной замѣтки, и другимъ, болѣе интереснымъ, но зато и предосудительнымъ, который могъ здѣсь оказать свое дѣйствіе въ формѣ искаженія прочитаннаго текста. Изъ этого примѣра видно, что не всегда бываетъ легко выяснить эпизоды, вродѣ такой ошибки. Иной разъ бываетъ необходимо отложить разрѣшеніе загадки на болѣе благопріятное время. Но чѣмъ труднѣе оказывается разгадываніе, тѣмъ съ большей увѣренностью можно ожидать, что будучи, наконецъ, вскрыта, мѣшающая мысль будетъ воспринята нашимъ сознательнымъ мышленіемъ какъ нѣчто чуждое и противоположное.

в) Однажды я получаю письмо изъ окрестностей Вѣны, сообщающее мнѣ потрясающую новость. Зову тотчасъ же мою жену и дѣлюсь съ ней печальнымъ извѣстіемъ о томъ, что бѣдн*ая* г-жа Вильгельмъ М. такъ тяжело больна, что врачи считаютъ ее безнадежной. Въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ я выразилъ свое сожалѣніе, что-то должно было звучать неправильно, потому что жена моя смотритъ на меня съ недовѣріемъ, проситъ, чтобы я ей далъ прочесть письмо и выражаетъ свою увѣренность, что этого тамъ не можетъ быть, ибо никто не называетъ жены по имени мужа; къ тому же автору письма прекрасно извѣстно имя жены. Я упорно стою на своемъ и ссылаюсь на обычныя визитныя карточки, на которыхъ жена сама обозначаетъ себя по имени мужа. Въ концѣ концовъ приходится взять

письмо и мы дѣйствительно читаемъ въ ней: „бѣдн*ый* В. М.“, болѣе того—чего я совсѣмъ не замѣтилъ: „бѣдный д-ръ В. М“ Моя ошибка означала такимъ образомъ, если можно такъ выразиться, судорожную попытку перенести печальное извѣстіе съ мужа на жену. Находившееся между прилагательнымъ и собственнымъ именемъ обозначеніе званія плохо вязалось съ требованіемъ, чтобы дѣло касалось жены, и потому при чтеніи было устранено. Мотивомъ этого искаженія было однако не то, чтобы жена была мнѣ менѣе симпатична, чѣмъ мужъ, а то, что участь этого несчастнаго вызвала во мнѣ безпокойство о другомъ, близкомъ мнѣ человѣкѣ, чья болѣзнь была въ нѣкоторомъ отношеніи аналогична этой.

г) Досадна и смѣшна ошибка, которую я дѣлаю очень часто, когда случается на каникулахъ гулять по улицамъ незнакомаго города. На каждой вывѣскѣ, которая сколько-нибудь подходитъ для этого, я читаю: „антикварная торговля“. Въ этомъ сказывается зудъ коллекціонера.

Б) Описки.

а) На листѣ бумаги, заключающемъ въ себѣ краткія ежедневныя замѣтки, преимущественно дѣлового характера, я къ удивленію своему нахожу среди правильныхъ датъ сентября мѣсяца ошибочное обозначеніе „четвергъ, 20 октября“. Не трудно объяснить это предвосхищеніе,—какъ выраженіе пожеланія. Нѣсколькими днями раньше я вернулся изъ каникулярнаго путешествія и ощущаю готовность къ усиленной врачебной дѣятельности; но число паціентовъ еще невелико. Пріѣхавъ, я нашелъ письмо отъ одной больной, которая пишетъ, что будетъ у меня 20 октября. Въ тотъ моментъ, когда я собирался выставить ту же дату сентября мѣсяца, я могъ подумать: „Пускай бы X. была уже здѣсь; какъ жалко терять цѣлый мѣсяцъ!“— и съ этой мыслью передвинулъ впередъ дату. Мысль, вызвавшая разстройство, врядъ ли могла бы въ данномъ случаѣ показаться предосудительной, но зато и вскрыть причины описки мнѣ удалось тотчасъ же, какъ только я ее замѣтилъ. Совершенно аналогичная и подобнымъ же образомъ мотивированная описка повторилась затѣмъ осенью годъ спустя.

б) Я получаю корректуру моей статьи для „Ежегодника неврологіи и патологіи“ и долженъ, естественно, съ особенной тщательностью просмотрѣть имена авторовъ, которыя принадлежатъ къ различнымъ націямъ и представляютъ поэтому большія трудности для наборщика. Нѣкоторыя иностранныя имена мнѣ дѣйствительно приходится выправить, но одно имя наборщикъ исправилъ самъ— по сравненію съ тѣмъ, какъ оно было въ рукописи, — и исправилъ съ полнымъ основаніемъ. Я написалъ „*Букргардъ*“; наборщикъ угадалъ въ этомъ: „*Буркгардъ*“. Я самъ похвалилъ, какъ цѣнную, статью одного акушера о вліяніи родовъ на происхожденіе дѣтскаго паралича; ничего не имѣю и противъ автора; но у него въ Вѣнѣ есть однофамилецъ, разсердившій меня своей непонятливой критикой „Толкованія сновъ“. Было какъ разъ такъ, словно я, вписывая имя акушера Буркгарда, подумалъ что-то нехорошее о другомъ Буркгардѣ—писателѣ, ибо искаженіе именъ обозначаетъ сплошь да рядомъ,—какъ я уже указывалъ въ главѣ объ обмолвкахъ,—пренебреженіе *).

3) Болѣе серьезный случай описки, который пожалуй съ тѣмъ же основаніемъ можно было бы отнести къ разряду „ошибочныхъ дѣйствій“ таковъ. Я намѣренъ взять изъ сберегательной кассы сумму въ 300 кронъ, которыя я собираюсь послать родственнику, уѣхавшему лѣчиться. Я замѣчаю при этомъ, что у меня на счету имѣется 4380 кронъ, и рѣшаю свести эту сумму къ круглой цифрѣ 4000 кронъ, съ тѣмъ чтобы въ ближайшемъ времени ихъ уже не трогать. Выполнивъ чекъ и вырѣзавъ соотвѣтствующія цифры, я вдругъ замѣчаю, что вырѣзалъ не 380 кронъ, какъ предполагалъ, а какъ разъ *438*, и ужасаюсь ненадежности, которую я проявилъ. Что испугъ мой неоснователенъ, я понялъ скоро; не сталъ же я бѣднѣе, чѣмъ раньше. Но мнѣ пришлось довольно долго раздумы-

---

*) Ср. слѣд. мѣсто изъ „Юлія Цезаря,“ д. III, явл. 3:

„*Цинна.* Поистинѣ, мое имя Цинна.

Гражданинъ. Разорвите его на куски! Онъ заговорщикъ!

Цинна. Я поэтъ Цинна, я не Цинна-заговорщикъ.

Гражданинъ. Все равно; его имя Цинна, вырвите у него имя изъ сердца и отпустите его“.

вать надъ тѣмъ, какое вліяніе могло разстроить мое первоначальное намѣреніе, не доходя до моего сознанія. На первыхъ порахъ я попадаю на ложный путь, вычитаю одно число изъ другого; но не знаю, что сдѣлать съ разностью. Въ концѣ концовъ случайно пришедшая въ голову мысль обнаруживаетъ предо мной настоящую связь. 438 составляетъ вѣдь *десять процентовъ* всего моего счета въ 4380 кронъ! Десятипроцентную же уступку даетъ *книгопродавецъ*! Я вспоминаю, что нѣсколькими днями раньше, я отобралъ рядъ медицинскихъ книгъ, утратившихъ для меня интересъ и предложилъ ихъ книгопродавцу какъ разъ за 300 кронъ. Онъ нашелъ, что цѣна слишкомъ высока, и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней дать окончательный отвѣтъ. Если онъ приметъ мое предложеніе, то этимъ какъ разъ возмѣститъ ту сумму, которую я собираюсь издержать на больного. Несомнѣнно, что этихъ денегъ мнѣ жалко. Аффектъ, испытанный мной, когда я замѣтилъ ошибку, можетъ быть скорѣе объясненъ, какъ боязнь бѣднѣть изъ-за такихъ расходовъ. Но и то, и другое, и сожалѣніе объ этомъ расходѣ и связанная съ нимъ боязнь обѣднѣть, совершенно чужды моему сознанію; я не чувствовалъ сожалѣнія, когда обѣщалъ эту сумму и мотивировку этого сожалѣнія нашелъ бы смѣшной. Я вѣроятно и не повѣрилъ бы, что во мнѣ можетъ зашевелиться такое чувство, если бы, благодаря практикѣ психоанализовъ, производимыхъ надъ паціентами, я въ значительной степени не освоился съ феноменомъ вытѣсненія въ душевной жизни, и если бы нѣсколькими днями раньше не видѣлъ сна, который требовалъ того же самого объясненія *).

г) Цитирую по д-ру W. Stekel'ю слѣдующій слачай, достовѣрность котораго также могу удостовѣрить:

„Прямо невѣроятный случай ошибочнаго чтенія и письма произошелъ въ редакціи одного распространеннаго еженедѣльника. Редакція эта была публично названа „продажной"; надо было дать

---

*) Это тотъ сонъ, который я привелъ въ видѣ примѣра въ небольшой статьѣ „О снѣ", напечатанной въ № 8 „Grenzfragen des Nerven und Seelenlebens", изд. Löwenfeld и Kurella, 1901 г.

отповѣдь и защититься. Статья была написана очень горячо, съ большимъ паѳосомъ. Главный редакторъ прочелъ статью, авторъ прочелъ ее, конечно, нѣсколько разъ—въ рукописи и въ гранкахъ; всѣ были очень довольны. Вдругъ появляется корректоръ и обращаетъ вниманіе на маленькую ошибку, никѣмъ не замѣченную. Соотвѣтствующее мѣсто ясно гласило: „Наши читатели засвидѣтельствуютъ, что мы всегда самымъ *корыстнымъ* образомъ (in eigennützigster Weise) отстаивали общественное благо". Само собой понятно, что должно было быть написано: „самымъ *безкорыстнымъ* образомъ" („in uneigennützigster Weise"). Но истинная мысль со стихійной силой прорвалась чрезъ патетическую фразу.

Вундтъ даетъ интересное объясненіе тому факту (который можно легко провѣрить), что мы скорѣе подвергаемся опискамъ, чѣмъ обмолвкамъ. (Стр. 374 цит. соч.).

„Въ процессѣ нормальной рѣчи задерживающая функція воли постоянно направлена на то, чтобы привести въ соотвѣтствіе теченіе представленій и движеніе органа рѣчи. Но когда сопутствующія представленіямъ, выражающіе ихъ акты замедляются въ силу механическихъ причинъ, какъ это бываетъ при письмѣ..., подобнаго рода антиципаціи наступаютъ особенно легко".

Наблюденіе условій, въ которыхъ случаются ошибки въ чтеніи, даютъ поводъ къ сомнѣнію, которое я не хочу обойти молчаніемъ, такъ какъ оно, на мой взглядъ, можетъ послужить отправной точкой для плодотворнаго изслѣдованія. Всякій знаетъ, какъ часто при *чтеніи вслухъ* вниманіе читающаго оставляетъ текстъ и обращается къ собственнымъ мыслямъ. Въ результатѣ этого отклоненія вниманія читающій нерѣдко вообще не въ состояніи бываетъ сказать, что онъ прочелъ, если его прервутъ и спросятъ объ этомъ. Онъ читалъ какъ бы автоматически, но при этомъ почти всегда вѣрно. Я не думаю, чтобы при этихъ условіяхъ число ошибокъ замѣтно увеличивалось. Предполагаемъ же мы обычно относительно цѣлаго ряда функцій, что съ наибольшей точностью они выполняются тогда, когда это дѣлается автоматически, т. е. когда вниманіе работаетъ почти безсознательно.

Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что та роль, которую играетъ вниманіе при обмолвкахъ, опискахъ, ошибкахъ въ чтеніи опредѣляется иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Вундтъ (устраненіе или ослабленіе вниманія). Примѣры, которые мы подвергли анализу, не дали намъ собственно права допустить количественное ослабленіе вниманія; мы нашли—что, быть можетъ, не совсѣмъ то же—*разстройство* вниманія посторонней мыслью, предъявляющей свои требованія.

VII.

Забываніе впечатлѣній и намѣреній.

Если бы кто-нибудь былъ склоненъ преувеличивать то, что намъ извѣстно теперь о душевной жизни, то достаточно было бы указать на функцію памяти, чтобы заставить его быть скромнѣе. Ни одна психологическая теорія не была еще въ состояніи дать отчетъ объ основномъ феноменѣ припоминанія и позабыванія въ его совокупности; болѣе того, послѣдовательное расчлененіе того фактическаго матеріала, который можно наблюдать, едва лишь начато. Быть можетъ теперь забываніе стало для насъ болѣе загадочнымъ, чѣмъ припоминаніе, съ тѣхъ поръ какъ изученіе сна и патологическихъ явленій показало, что въ памяти можетъ внезапно всплывать и то, что мы считали давно позабытымъ.

Правда, мы установили уже нѣсколько отправныхъ точекъ, для которыхъ ожидаемъ всеобщаго признанія. Мы предполагаемъ, что забываніе есть самопроизвольный процессъ, который можно считать протекающимъ на протяженіи извѣстнаго времени. Мы подчеркиваемъ, что при забываніи происходитъ извѣстный отборъ наличныхъ впечатлѣній, равно какъ и отдѣльныхъ элементовъ каждаго даннаго впечатлѣнія или переживанія. Намъ извѣстны нѣкоторыя условія сохраненія въ памяти и пробужденія въ ней того, что безъ этихъ условій было бы забыто. Однако, повседневная жизнь даетъ намъ безчисленное множество поводовъ замѣтить, какъ неполно и неудовлетворительно наше знаніе. Стоитъ прислушаться къ тому, какъ двое людей, совмѣстно воспринимавшихъ внѣшнія впечатлѣнія,—скажемъ, продѣлавшихъ вмѣстѣ путешествіе,—обмѣниваются спустя нѣкоторое время

своими воспоминаніями. То, что у одного прочно сохранилось въ памяти, другой сплошь да рядомъ забываетъ, словно этого и не было; притомъ мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы данное впечатлѣніе было для него психически болѣе значительно, чѣмъ для второго. Ясно, что цѣлый рядъ моментовъ, опредѣляющихъ отборъ для памяти, ускользаетъ отъ насъ.

Желая прибавить хотя бы немногое къ тому, что мы знаемъ объ условіяхъ позабыванія, я имѣю обыкновеніе подвергать психологическому анализу тѣ случаи, когда мнѣ самому приходится что-либо забыть. Обычно я занимаюсь лишь опредѣленной категоріей этихъ случаевъ,—тѣми именно, которые приводятъ меня въ изумленіе, такъ какъ я ожидаю, что данная вещь должна быть мнѣ извѣстна. Хочу еще замѣтить, что вообще я не склоненъ къ забывчивости (по отношенію къ тому, что я пережилъ, не къ тому, чему научился!) и что въ юношескомъ возрастѣ я въ теченіе нѣкотораго короткаго времени былъ способенъ даже на необыкновенные акты запоминанія. Въ ученическіе годы для меня было совершенно естественнымъ дѣломъ повторить наизусть прочитанную страницу книги, и незадолго до поступленія въ университетъ я былъ въ состояніи записывать популярно-научныя лекціи непосредственно послѣ ихъ выслушанія почти дословно. Въ напряженномъ состояніи, въ которомъ я находился передъ послѣдними медицинскими экзаменами, я повидимому еще использовалъ остатки этой способности, ибо по нѣкоторымъ предметамъ я давалъ экзаменаторамъ какъ бы автоматическіе отвѣты, точно совпадавшіе съ текстомъ учебника, который я, однако, просмотрѣлъ всего лишь разъ съ величайшей поспѣшностью.

Съ тѣхъ поръ способность пользоваться матеріаломъ, накопленнымъ памятью, у меня постоянно слабѣетъ, но все же вплоть до самаго послѣдняго времени мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что съ помощью искусственнаго пріема я могу вспомнить гораздо больше, чѣмъ могъ бы ожидать. Если, напримѣръ, паціентъ у меня на консультаціи ссылается на то, что я уже разъ его видѣлъ, между тѣмъ какъ я не могу припомнить ни самаго факта, ни времени, я облегчаю себѣ задачу путемъ отгадыванія: вызываю въ своемъ воображеніи какое-нибудь число лѣтъ, считая съ даннаго момента. Въ тѣхъ

случаяхъ, когда имѣющіяся записи или точныя указанія паціента дѣлаютъ возможнымъ проконтролировать пришедшее мнѣ въ голову число, обнаруживается, что я рѣдко когда ошибаюсь больше, чѣмъ на полгода, при срокахъ превышающихъ 10 лѣтъ*). То же бываетъ, когда я встрѣчаю малознакомаго человѣка, котораго изъ вѣжливости спрашиваю о его дѣтяхъ. Когда онъ разсказываетъ мнѣ объ успѣхахъ, которые они дѣлаютъ, я стараюсь вообразить себѣ, каковъ теперь возрастъ ребенка, провѣряю затѣмъ эту цифру показаніями отца, и оказывается, что я ошибаюсь самое большое на мѣсяцъ, при болѣе взрослыхъ дѣтяхъ на 3 мѣсяца; но при этомъ я рѣшительно не могу сказать, что послужило для меня основаніемъ вообразить именно такую цифру. Подъ конецъ я до того осмѣлѣлъ, что самъ первый высказываю теперь свою догадку о возрастѣ, не рискуя при этомъ обидѣть отца своей неосвѣдомленностью насчетъ его ребенка. Такимъ образомъ лишь я расширяю свое сознательное припоминаніе, аппелируя къ безсознательной памяти, во всякомъ случаѣ болѣе богатой.

Итакъ, я буду сообщать, о *бросающихся въ глаза* случаяхъ забыванія, которыя я наблюдалъ по-большей части на себѣ самомъ. Я различаю забываніе впечатлѣній и переживаній, т.-е. или забываніе того, что знаешь, отъ забыванія намѣреній, т.-е. упущенія чего-то. Результатъ всего этого ряда изслѣдованій одинъ и тотъ же: *во всѣхъ случаяхъ въ основѣ забыванія лежитъ мотивъ неохоты* (Unlustmotiv).

А. Забываніе впечатлѣній и знаній.

а) Лѣтомъ моя жена подала мнѣ безобидный по существу поводъ къ сильному неудовольствію. Мы сидѣли за table d'hôte'омъ vis-à-vis съ однимъ господиномъ изъ Вѣны, котораго я зналъ и который по всей вѣроятности помнилъ и меня. У меня были, однако, основанія не возобновлять знакомства. Жена моя, однако, разслышавшая лишь громкое имя своего vis-à-vis, весьма скоро дала понять, что прислушивается къ его разговору съ сосѣдями, такъ какъ отъ вре-

*) Обыкновенно затѣмъ въ ходѣ разговора частности тогдашняго перваго визита всплываютъ уже сознательно.

мени до времени обращалась ко мнѣ съ вопросами, въ которыхъ подхватывалась нить ихъ разговора. Мнѣ не терпѣлось; наконецъ, это меня разсердило, Нѣсколько недѣль спустя я пожаловался одной родственницѣ на поведеніе жены; но при этомъ не могъ вспомнить ни одного слова изъ того, что говорилъ этотъ господинъ. Такъ какъ вообще я довольно злопамятенъ и не могу забыть ни одной детали разсердившаго меня эпизода, то очевидно, что моя амнезія въ данномъ случаѣ мотивировалась извѣстнымъ желаніемъ считаться, щадить жену. Недавно еще произошелъ со мной подобный же случай: я хотѣлъ въ разговорѣ съ близкимъ знакомымъ посмѣяться надъ тѣмъ, что моя жена сказала всего нѣсколько часовъ тому назадъ; оказалось, однако, что мое намѣреніе невыполнимо, по той замѣчательной причинѣ, что я безслѣдно забылъ слова жены. Пришлось попросить ее же напомнить мнѣ ихъ. Легко понять, что эту забывчивость надо разсматривать, какъ аналогичную тому разстройству сужденія, которому мы подвержены, когда дѣло идетъ о близкихъ намъ людяхъ.

б) Я взялся достать для пріѣхавшей въ Вѣну иногородней дамы маленькую желѣзную шкатулку для храненія документовъ и денегъ. Въ тотъ моментъ, когда я предлагалъ свои услуги, предо мной съ необычайной зрительной яркостью стояла картина одной витрины въ центрѣ города, въ которой я видѣлъ такого рода шкатулки. Правда, я не могъ вспомнить названія улицы, но былъ увѣренъ, что стоитъ мнѣ пройтись по городу, и я найду лавку, потому что моя память говорила мнѣ, что я проходилъ мимо нея безчисленное множество разъ. Однако, къ моей досадѣ, мнѣ не удалось найти витрины со шкатулками, несмотря на то, что я исходилъ эту часть города во всѣхъ направленіяхъ. Не остается ничего другого, думалъ я, какъ разыскать въ справочной книгѣ адреса фабрикантовъ шкатулокъ, чтобы затѣмъ, обойдя городъ еще разъ, найти искомый магазинъ. Этого, однако, не потребовалось; среди адресовъ, имѣвшихся въ справочникѣ, я тотчасъ же опозналъ забытый адресъ магазина. Оказалось, что я дѣйствительно безчисленное множество разъ проходилъ мимо его витрины, и это было каждый разъ, когда я шелъ въ гости къ семейству М., долгіе годы жившему въ томъ же домѣ. Съ тѣхъ поръ

какъ это близкое знакомство смѣнилось полнымъ отчужденіемъ, я обычно, не отдавая себѣ отчета въ мотивахъ, избѣгалъ и этой мѣстности и этого дома. Въ тотъ разъ, когда я обходилъ городъ, ища шкатулки, я исходилъ въ окрестностяхъ всѣ улицы, и только этой одной тщательно избѣгалъ, словно на ней лежалъ запретъ. Мотивъ неохоты, послужившій въ данномъ случаѣ, виной моей неоріентированности, здѣсь вполнѣ осязателенъ. Но механизмъ забвенія здѣсь не такъ простъ, какъ въ прошломъ примѣрѣ. Мое нерасположеніе относится, очевидно, не къ фабриканту шкатулокъ, а къ кому-то другому, о которомъ я не хочу ничего знать; отъ этого другого оно переносится на данное порученіе и здѣсь порождаетъ забвеніе. Точно такимъ же образомъ въ случаѣ съ *Буркгардомъ* досада на одного человѣка породила описку въ имени другого. Если тамъ связь между двумя по существу различными кругами мыслей создалась благодаря совпаденію именъ, то здѣсь, въ примѣрѣ съ витриной, ту же роль могла сыграть смежность въ пространствѣ, непосредственное сосѣдство. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ имѣлась на лицо еще и болѣе прочная, внутренняя связь, ибо въ числѣ причинъ, вызвавшихъ разладъ съ жившимъ въ этомъ домѣ семействомъ, большую роль играли деньги.

в) Контора Б. & Р. приглашаетъ меня на домъ къ одному изъ ея служащихъ. По дорогѣ къ нему меня занимаетъ мысль о томъ, что въ домѣ, гдѣ помѣщается фирма, я уже неоднократно былъ. Мнѣ представляется, что вывѣска этой фирмы въ одномъ изъ нижнихъ этажей бросилась мнѣ когда, то въ глаза въ то время, когда я долженъ былъ подняться къ больному въ одинъ изъ верхнихъ этажей. Однако, я не могу вспомнить, ни что это за домъ, ни кого я тамъ посѣщалъ. Хотя вся эта исторія совершенно безразлична и не имѣетъ никакого значенія, я все же продолжаю ею заниматься и, въ концѣ концовъ, прихожу обычнымъ окольнымъ путемъ, помощью собиранія всего, что мнѣ приходитъ въ голову, къ тому, что этажомъ выше надъ помѣщеніемъ фирмы Б. & Р. находится пансіонъ *Фишеръ*, въ которомъ мнѣ не разъ приходилось навѣщать паціентовъ. Теперь я уже знаю и домъ, въ которомъ помѣщается бюро и пансіонъ. Загадкой для меня остается все же, какой мотивъ оказалъ

здѣсь свое дѣйствіе на мою память. Не нахожу ничего, о чемъ было бы непріятно вспомнить, ни въ самой фирмѣ, ни въ пансіонѣ Фишеръ, ни въ жившихъ тамъ паціентахъ. Я предполагаю, что дѣло не идетъ о чемъ-нибудь очень непріятномъ; ибо въ противномъ случаѣ мнѣ врядъ ли удалось бы вновь овладѣть забытымъ помощью одного окольнаго пути, не прибѣгая, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, къ внѣшнимъ вспомогательнымъ средствамъ. Наконецъ, мнѣ приходитъ въ голову, что только что, когда я двинулся въ путь къ моему новому паціенту, мнѣ поклонился на улицѣ какой-то господинъ, котораго я лишь съ трудомъ узналъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я, видѣлъ, этого человѣка въ очень тяжеломъ, на мой взглядъ, состояніи и поставилъ ему діагнозъ прогрессивнаго паралича; впослѣдствіи я, однако, слышалъ, что онъ оправился, такъ что мой діагнозъ оказался невѣрнымъ. (Если только здѣсь не было случая „ремиссіи", встрѣчающейся и при dementia paralitica, ибо тогда мой діагнозъ былъ бы все-таки вѣренъ!) Отъ этой встрѣчи и исходило вліяніе, заставившее меня забыть, въ чьемъ сосѣдствѣ находилась контора Б. & Р., и тотъ интересъ, съ которымъ я взялся за разгадку забытаго, былъ перенесенъ сюда съ этого случая спорной діагностики. Ассоціативное же соединеніе было при слабой внутренней связи, — выздоровѣвшій вопреки ожиданіямъ былъ также служащимъ въ большой конторѣ, обычно посылавшей мнѣ больныхъ,—установлено благодаря тождеству именъ. Врачъ, съ которымъ я совмѣстно осматривалъ спорнаго паралитика, носилъ то же имя Фишеръ, что и забытый мною пансіонъ.

г) *Заложить* куда-нибудь вещь означаетъ въ сущности не что иное, какъ забыть, куда она положена. Какъ большинство людей, имѣющихъ дѣло съ рукописями и книгами, я хорошо оріентируюсь въ томъ, что находится на моемъ письменномъ столѣ, и могу сразу же достать искомую вещь. То, что другимъ представляется безпорядкомъ, для меня—исторически сложившійся порядокъ. Почему же я недавно такъ запряталъ присланный мнѣ каталогъ книгъ, что невозможно было его найти? Вѣдь собирался же я заказать обозначенную въ немъ книгу „О языкѣ", написанную авторомъ, котораго я люблю за остроумный и живой стиль и въ которомъ цѣню пониманіе психо-

логіи и познанія по исторіи культуры. Я думаю, что именно поэтому я и запряталъ каталогъ. Дѣло въ томъ, что я имѣю обыкновеніе одолживать книги этого автора моимъ знакомымъ и недавно еще кто-то, возвращая книгу, сказалъ: „Стиль его напоминаетъ мнѣ совершенно Вашъ стиль, и манера думать та же самая". Говорившій не зналъ, что онъ во мнѣ затронулъ этимъ своимъ замѣчаніемъ. Много лѣтъ назадъ, когда я еще былъ моложе и болѣе нуждался въ поддержкѣ, мнѣ то же самое сказалъ одинъ старшій каллега, которому я хвалилъ медицинскія сочиненія одного извѣстнаго автора. „Совершенно Вашъ стиль и Ваша манера". Подъ вліяніемъ этого я написалъ автору письмо, прося о болѣе тѣсномъ общеніи, но получилъ отъ него холодный отвѣтъ, которымъ мнѣ было указано мое мѣсто. Быть можетъ, за этимъ послѣднимъ отпугивающимъ урокомъ скрываются еще и другіе, болѣе ранніе, ибо запрятаннаго каталога я такъ и не нашелъ; и это предзнаменованіе дѣйствительно удержало меня отъ покупки книги, хотя дѣйствительнаго препятствія исчезновенія каталога и не представило. Я помнилъ и названіе книги и фамилію автора*).

Другой случай заслуживаетъ нашего вниманія благодаря тѣмъ условіямъ, при которыхъ была найдена заложенная куда-то вещь. Одинъ молодой человѣкъ разсказываетъ мнѣ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моей семьѣ происходили недоразумѣнія, я находилъ, что моя жена слишкомъ холодна, и хотя я охотно признавалъ ея превосходныя качества, мы все же относились другъ къ другу безъ нѣжности. Однажды она принесла мнѣ, возвращаясь съ прогулки, книгу, которую купила, такъ какъ по ея мнѣнію, она должна была меня интересовать. Я поблагодарилъ за этотъ знакъ „вниманія", обѣщая прочесть книгу, положилъ ее куда-то и не нашелъ уже больше. Такъ прошелъ цѣлый рядъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я при случаѣ вспоминалъ о затерянной книгѣ и тщетно старался ее найти. Около полугода спустя заболѣла моя мать, которая живетъ отдѣльно

---

*) Для многихъ случайностей, которыя мы вслѣдъ за Th. Vischer'омъ приписываемъ „коварству объекта", я предложилъ бы аналогичное объясненіе.

отъ насъ, и которую я очень люблю. Моя жена оставила нашъ домъ, чтобы ухаживать за спохой. Положеніе больной стало серьезнымъ, и моя жена имѣла случай показать себя съ лучшей своей стороны. Однажды вечеромъ я возвращаюсь домой въ восторгѣ отъ поведенія моей жены и полный благодарности къ ней. Подхожу къ моему письменному столу, открываю безъ опредѣленнаго намѣренія, но съ сомнамбулической увѣренностью опредѣленный ящикъ и нахожу въ немъ сверху давно исчезнувшую заложенную книгу.

Обозрѣвая случаи закладыванія вещей, трудно себѣ въ самомъ дѣлѣ представить, чтобы оно когда-либо происходило иначе, какъ подъ вліяніемъ безсознательнаго намѣренія.

д) Лѣтомъ 1901 года я сказалъ какъ-то моему другу, съ которымъ находился въ тѣсномъ идейномъ общеніи по научнымъ вопросамъ: „Эти проблемы невроза могутъ быть разрѣшены лишь тогда, если мы всецѣло станемъ на почву допущенія первоначальной бисексуальности индивида“. Въ отвѣтъ я услышалъ: „Я сказалъ тебѣ это уже $2^1/_2$ года тому назадъ въ Бр., помнишь, во время вечерней прогулки. Тогда ты объ этомъ и слышать ничего не хотѣлъ.“ Непріятно, когда тебѣ предлагаютъ признать свою неоригинальность. Я не могъ припомнить ни разговора, ни этого открытія моего друга. Очевидно, что одинъ изъ насъ ошибся; по принципу „cui prodest“ ошибиться долженъ былъ я. И дѣйствительно въ теченіе ближайшей недѣли я вспомнилъ, что все было такъ, какъ хотѣлъ напомнить мнѣ мой другъ; я знаю даже, что я отвѣтилъ тогда: „до этого я еще не дошелъ, не хочу входить въ обсужденіе этого.“ Съ тѣхъ поръ, однако, я сталъ нѣсколько терпимѣе, когда приходится гдѣ-нибудь въ медицинской литературѣ сталкиваться съ одной изъ тѣхъ немногихъ идей, которыя связаны съ моимъ именемъ, при чемъ это послѣднее не упоминается.

Упреки женѣ; дружба, превратившаяся въ свою противоположность; ошибка во врачебной діагностикѣ; отпоръ со стороны людей, идущихъ къ той же цѣли; заимствованіе идей;—врядъ ли можетъ быть случайностью, что рядъ примѣровъ забыванія, собранныхъ безъ выбора, требуютъ для своего разрѣшенія—углубленія въ столь тягостныя темы. Напротивъ, я полагаю, что любой другой, кто только

пожелаетъ изслѣдовать мотивы своихъ собственныхъ случаевъ забыванія, сможетъ составить подобную же таблицу непріятныхъ вещей. Склонность къ забыванію непріятнаго имѣетъ, какъ мнѣ кажется, всеобщій характеръ, если способность къ этому и неодинаково развита у всѣхъ. Не разъ *отрицаніе* того или другого, встрѣчающееся въ медицинской практикѣ, можно было бы по всей вѣроятности свести къ *забыванію.* *)

Нашъ взглядъ на подобнаго рода забываніе сводитъ различіе между нимъ и отрицаніемъ къ чисто психологическимъ отношеніямъ и позволяетъ намъ въ обѣихъ формахъ реагированія видѣть проявленіе одного и того же мотива. Изъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ отрицанія непріятныхъ воспоминаній, какіе мнѣ приходилось наблюдать у родственниковъ больныхъ, у меня сохранился въ памяти одинъ особенно странный. Мать разсказывала мнѣ о дѣтствѣ своего сына, нервно,-ольного, находящагося въ возрастѣ половой зрѣлости, и сообщила при этомъ, что и онъ, и другія ея дѣти вплоть до старшаго возраста страдали по ночамъ недержаніемъ мочи, — обстоятельство, не лишенное значенія въ исторіи нервной болѣзни. Нѣсколько недѣль спустя, когда она освѣдомилась о ходѣ лѣченія, я имѣлъ случай обратить ее вниманіе на признаки конституціональнаго предрасположенія молодого человѣка къ болѣзни и сослался при этомъ на установленное анамнезомъ недержаніе мочи. Къ моему удивленію она стала отрицать этотъ фактъ, какъ по отношенію къ нему, такъ и къ остальнымъ дѣтямъ, спросила меня, откуда мнѣ это можетъ быть

---

*) Когда спрашиваешь у человѣка, не подвергся ли онъ лѣтъ 10 или 15 назадъ сифилитическому заболѣванію, легко забываешь при этомъ, что опрашиваемое лицо относится къ этой болѣзни психически совершенно иначе, чѣмъ, скажемъ, къ острому ревматизму.—Въ анамнезахъ, которые сообщаютъ родители о своихъ нервно-больныхъ дочеряхъ, врядъ ли можно съ увѣренностью различить, что позабыто и что скрывается, ибо все то, что можетъ впослѣдствіи помѣшать замужеству дочери, родители систематически устраняютъ, т.-е. вытѣсняютъ.

извѣстно, и узнала наконецъ отъ меня, что она сама мнѣ объ этомъ недавно разсказала и теперь позабыла объ этомъ *).

Такимъ образомъ, даже и у здоровыхъ, не подверженныхъ неврозу людей, можно въ изобиліи найти указанія на то, что воспоминанія о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, и представленія о тягостныхъ мысляхъ наталкиваются на какое-то препятствіе. Но оцѣнить все значеніе этого факта можно лишь, разсматривая психологію невротиковъ. Подобнаго рода *стихійное стремленіе къ отпору* представленіямъ, могущимъ вызвать ощущеніе неудовольствія, стремленіе, съ которымъ можно сравнить лишь рефлексъ бѣгства при болѣзненныхъ раздраженіяхъ, приходится отнести къ числу главныхъ столповъ того механизма,

*) Въ то время, когда я работалъ надъ этими страницами, со мной произошелъ слѣдующій, почти невѣроятный случай забвенія. Я просматриваю 1-го января свою врачебную книгу, чтобы выписать гонорарные счета, встрѣчаюсь при этомъ въ рубрикѣ іюня мѣсяца съ именемъ М—ль и не могу вспомнить соотвѣтствующаго лица. Мое удивленіе возрастаетъ, когда я, перелистывая дальше, замѣчаю, что я лѣчилъ этого больного въ санаторіи и что въ теченіе ряда недѣль я посѣщалъ его ежедневно. Больного, съ которымъ бываешь занятъ при такихъ условіяхъ, врачъ не забываетъ черезъ какихъ-нибудь полгода. Я спрашиваю себя: кто бы это могъ быть—мужчина, паралитикъ, неинтересный случай? Наконецъ, при отмѣткѣ о полученномъ гонорарѣ мнѣ опять приходитъ на мысль все то, что стремилось исчезнуть изъ памяти. М—ль была 14-тилѣтняя дѣвочка, самый замѣчательный случай въ моей практикѣ за послѣдніе годы; онъ послужилъ мнѣ урокомъ, который я врядъ ли забуду, и исходъ его заставилъ меня пережить не одинъ мучительный часъ. Дѣвочка заболѣла несомнѣнной истеріей, которая подъ вліяніемъ моего лѣченія обнаружила быстрое и основательное улучшеніе. Послѣ этого улучшенія родители взяли отъ меня дѣвочку; она еще жаловалась на боли въ животѣ, которымъ принадлежала главная роль въ общей картинѣ истерическихъ симптомовъ. Два мѣсяца спустя она умерла отъ саркомы брюшныхъ железъ. Истерія, къ которой дѣвочка была кромѣ того предрасположена, воспользовалась образованіемъ опухоли, какъ провоцирующей причиной, и я, будучи ослѣпленъ шумными, но безобидными явленіями истеріи, быть можетъ, не замѣтилъ первыхъ признаковъ подкрадывавшейся фатальной болѣзни.

который является носителемъ истерическихъ симптомовъ. Неправильно было бы возраженіе насчетъ того, что напротивъ, сплошь да рядомъ нѣтъ возможности отдѣлаться отъ тягостныхъ воспоминаній, преслѣдующихъ насъ, отогнать такіе тягостные аффекты, какъ раскаяніе, угрызенія совѣсти. Мы и не утверждаемъ, что эта тенденція отпора оказывается вездѣ въ силахъ одержать верхъ, что она не можетъ въ игрѣ психическихъ силъ натолкнуться на факторы, стремящіеся по другимъ мотивамъ къ обратной цѣли и достигающіе ея вопреки этой тенденціи. *Архитектоника душевнаго аппарата основывается, поскольку можно догадываться, на принципѣ прослойки, ряда инстанцій, находящихся одна на другой*, и весьма возможно, что это стремленіе къ отпору относится къ низшей психической инстанціи и парализуется другими, высшими. Во всякомъ случаѣ, если мы можемъ свести къ этой тенденціи отпора такія явленія, какъ случаи забыванія, приведенные въ нашихъ примѣрахъ, то это уже говоритъ о ея существованіи и ея силѣ. Мы видимъ, что многое забывается по причинамъ, лежащимъ въ немъ же самомъ; тамъ, гдѣ это невозможно, тенденція отпора передвигаетъ свою цѣль и устраняетъ изъ нашей памяти хотя бы нѣчто иное, не столь важное, но находящееся въ ассоціативной связи съ тѣмъ, что собственно и вызвало отпоръ.

Развитая здѣсь точка зрѣнія, усматривающая въ тягостныхъ воспоминаніяхъ особую склонность подвергаться мотивированному забвенію, заслуживала бы примѣненія ко многимъ областямъ, въ которыхъ она въ настоящее время еще не нашла себѣ признанія, или, если и нашла, то въ слишкомъ недостаточной степени. Такъ мнѣ кажется, что она все еще недостаточно подчеркивается при оцѣнкѣ показаній свидѣтелей на судѣ *), при чемъ приведенію свидѣтеля къ присягѣ явно приписывается черезчуръ большое очищающее вліяніе на психическую игру силъ. Что при происхожденіи традицій и историческихъ сказаній изъ жизни народовъ приходится считаться съ подобнымъ мотивомъ, стремящимся вытравить воспоминаніе обо всемъ томъ, что тягостно для національнаго чувства, признается всѣми·

---

*) Ср. Hans Gross. Kriminalpsychologie. 1898.

Быть можетъ при болѣе тщательномъ наблюденіи была бы установлена полная аналогія между тѣмъ, какъ складываются народныя традиціи, и тѣмъ, какъ образуются воспоминанія дѣтства у отдѣльнаго индивида.

Совершенно такъ же, какъ при забываніи именъ, можетъ наблюдаться ошибочное припоминаніе и при забываніи впечатлѣній; и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно принимается на вѣру, оно носитъ названіе обмана памяти. Патологическіе случаи обмана памяти (при параной и онъ играетъ даже роль конституирующаго момента въ образованіи бредовыхъ представленій) породили обширную литературу, въ которой я, однако, нигдѣ не нахожу указаній на мотивировку этого явленія. Такъ какъ и эта тема относится къ психологіи невроза, то она выходитъ за предѣлы разсмотрѣнія въ данной связи. Зато я приведу случившійся со мной самимъ своеобразный примѣръ обмана памяти, на которомъ можно съ достаточной ясностью видѣть, какъ этотъ феноменъ мотивируется безсознательнымъ вытѣсненнымъ матеріаломъ и какъ онъ сочетается съ этимъ послѣднимъ.

Въ то время, когда я писалъ позднѣйшія главы моей книги о толкованіи сновъ, я жилъ на дачѣ, не имѣя доступа къ библіотекамъ и справочнымъ изданіямъ, и былъ вынужденъ, въ расчетѣ на позднѣйшее исправленіе, вносить въ рукопись всякаго рода указанія и цитаты по памяти. Въ главѣ о снахъ наяву мнѣ вспоминалась чудесная фигура бѣднаго бухгалтера изъ *„Набаба“ Альфонса Додэ*, въ лицѣ котораго поэтъ вѣроятно хотѣлъ изобразить свои собственныя мечтанія. Мнѣ казалось, что я отчетливо помню одну изъ тѣхъ фантазій, какія вынашивалъ этотъ человѣкъ (я назвалъ его Mr. Iocelyn), гуляя по улицамъ Парижа, и началъ ее воспроизводить по памяти: какъ господинъ Iocelyn смѣло бросается на улицѣ навстрѣчу понесшейся лошади и останавливаетъ ее; дверцы отворяются, изъ экипажа выходитъ высокопоставленная особа, жметъ господину Iocelyn руку и говоритъ ему: „Вы мой спаситель, я обязана вамъ жизнью. Что я могу для васъ сдѣлать?“

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что ту или иную неточность въ передачѣ этой фантазіи не трудно будетъ исправить дома, имѣя книгу подъ рукой. Но когда я перелисталъ „Набабъ“ съ тѣмъ, чтобы выпра-

вить это мѣсто моей рукописи, уже готовое къ печати, я къ величайшему своему стыду и смущенію не нашелъ тамъ ничего похожаго на такого рода мечты Mr. Iocelyn'на да и этотъ бѣдный бухгалтеръ назывался совершенно иначе: Mr. Ioyeuse. Эта вторая ошибка дала мнѣ скоро ключъ къ выясненію моего обмана памяти. „Ioyeuse“— это женскій родъ отъ слова I o y e u x: такъ именно я долженъ былъ бы перевести на французскій языкъ свое собственное имя Freud. Откуда, стало быть, могла взяться фантазія, которую я смутно вспомнилъ и приписалъ Додэ? Это могло быть лишь мое же произведеніе, сонъ наяву, который мнѣ привидѣлся, но не дошелъ до моего сознанія; или же дошелъ когда-то, но затѣмъ былъ основательно позабытъ. Можетъ быть, я видѣлъ его даже въ Парижѣ, гдѣ не разъ бродилъ по улицамъ, одинокій, полный стремленій, весьма нуждаясь въ помощникѣ и покровителѣ, пока меня не принялъ въ свой кругъ *Шарко*. Автора „Набаба“ я затѣмъ неоднократно видѣлъ въ домѣ *Шарко*. Досадно въ этой исторіи то, что врядъ ли есть еще другой кругъ представленій, къ которому я относился бы столь же враждебно, какъ къ представленіямъ о протекціи. То, что приходится въ этой области видѣть у насъ на родинѣ, отбиваетъ всякую охоту къ этому, и вообще съ моимъ характеромъ плохо вяжется положеніе протеже. Я всегда ощущалъ въ немъ необычайно много склонности къ тому, чтобы „быть самому дѣльнымъ человѣкомъ“. И какъ разъ я долженъ былъ получить напоминаніе о подобнаго рода — никогда впрочемъ не сбывшихся—снахъ наяву! Кромѣ того этотъ случай даетъ хорошій примѣръ тому, какъ задержанное—при паранойи побѣдно пробивающееся наружу—отношеніе къ своему „я“ мѣшаетъ намъ и запутываетъ насъ въ объективномъ познаніи вещей.

Другой случай обмана памяти, который удалось удовлетворительно объяснить напоминаетъ о т. наз. „fausse reconaissance“, о которомъ ниже (въ послѣдней главѣ). Я разсказалъ одному изъ моихъ паціентовъ, честолюбивому и очень способному человѣку, что одинъ молодой студентъ недавно написалъ интересную работу „Der Künstler. Versuch einer Sexualpsychologie“ („Художникъ. Опытъ сексуальной психологіи“) и тѣмъ ввелъ себя въ кругъ моихъ учениковъ. Когда эта работа $1^1/_4$ года спустя вышла изъ печати, мой

паціентъ заявилъ, что точно помнитъ, что еще до моего перваго сообщенія (мѣсяцемъ или полугодомъ раньше) онъ видѣлъ гдѣ-то, въ окнѣ книжнаго магазина, кажется, объявленіе объ этой книгѣ. Эта замѣтка ему и тогда тотчасъ же пришла на мысль, и онъ кромѣ того констатировалъ, что авторъ измѣнилъ заглавіе, потому что она называется уже не „Versuch", а „Ansätze". Тщательныя справки у автора и сравненіе датъ показало, что мой паціентъ хочетъ вспомнить нѣчто невозможное. Объ этой книгѣ нигдѣ не было объявлено до ея печатанія, и уже во всякомъ случаѣ не за $1^1/_4$ года до выхода въ свѣтъ. Я оставилъ этотъ обманъ памяти безъ истолкованія, но затѣмъ тотъ же господинъ продѣлалъ аналогичную ошибку вторично. Онъ утверждалъ, что видѣлъ недавно въ окнѣ книжнаго магазина книгу объ „Агорафобіи", хотѣлъ ее пріобрѣсти и разыскивалъ ее съ этой цѣлью во всѣхъ каталогахъ. Мнѣ удалось ему тогда объяснить, почему его старанія должны были остаться безуспѣшными. Работа объ агорафобіи существовала лишь въ его фантазіи, какъ безсознательное намѣреніе, и должна была быть написана имъ же самимъ. Его честолюбіе, будившее въ немъ желаніе поступить подобно тому молодому человѣку и подобной же научной работой открыть себѣ доступъ въ среду учениковъ, породило и первый и второй обманъ памяти. Онъ самъ потомъ вспомнилъ, что объявленіе книжнаго магазина, которое дало ему поводъ къ ошибкѣ, относилось къ сочиненію подъ заглавіемъ „Genesis. Das Gesetz der Zeugung". Что же касается до упомянутаго имъ измѣненія заглавія, то оно уже относится на мой счетъ, такъ какъ мнѣ самому удалось вспомнить, что я допустилъ эту неточность въ передачѣ: „Versuch" вмѣсто „Ansätze".

Б. Забываніе намѣреній.

Ни одна другая группа феноменовъ не пригодна въ такой мѣрѣ для доказательства нашего положенія о томъ, что слабость вниманія сама по себѣ еще не можетъ объяснить дефектности функціи,—какъ забываніе намѣреній. Намѣреніе — это импульсъ къ дѣйствію, уже встрѣтившій одобреніе, но выполненіе котораго отодвинуто до извѣст-

наго момента. Конечно, въ теченіе создавшагося такимъ образомъ промежутка времени можетъ произойти такого рода измѣненіе въ мотивахъ, что намѣреніе не будетъ выполнено, но въ такомъ случаѣ оно не забывается, а пересматривается и отмѣняется. То забываніе намѣреній, которому мы подвергаемся изо-дня въ день во всевозможныхъ ситуаціяхъ, мы не имѣемъ обыкновенія объяснять тѣмъ, что въ соотношеніи мотивовъ появилось нѣчто новое; мы либо оставляемъ его просто безъ объясненія, либо стараемся объяснить его психологически, допуская, что ко времени выполненія уже не оказалось потребнаго для дѣйствія вниманія, которое, однако, было необходимымъ условіемъ для того, чтобы само намѣреніе могло возникнуть, и которое, стало быть, въ то время имѣлось въ достаточной для совершенія этого дѣйствія степени. Наблюденіе надъ нашимъ нормальнымъ отношеніемъ къ намѣреніямъ заставляетъ насъ отвергнуть это объясненіе какъ произвольное. Если я утромъ принимаю рѣшеніе, которое должно быть выполнено вечеромъ, то возможно, что въ теченіе дня мнѣ нѣсколько разъ напоминали о немъ; но возможно также, что въ теченіе дня оно вообще не доходило больше до моего сознанія. Когда приближается моментъ выполненія, оно само вдругъ приходитъ мнѣ въ голову и заставляетъ меня сдѣлать нужныя приготовленія для того, чтобы исполнить задуманное. Если я, отправляясь гулять, беру съ собой письмо, которое нужно отправить, то мнѣ, какъ нормальному и не нервному человѣку, нѣтъ никакой надобности держать его всю дорогу въ рукѣ и высматривать все время почтовый ящикъ, куда бы его можно было опустить; я кладу письмо въ карманъ, иду своей дорогой и разсчитываю на то, что одинъ изъ ближайшихъ почтовыхъ ящиковъ привлечетъ мое вниманіе и побудитъ меня опустить руку въ карманъ и вынуть письмо. Нормальный образъ дѣйствія человѣка, принявшаго извѣстное рѣшеніе, вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ какъ держатъ себя люди, которымъ было сдѣлано въ гипнозѣ такъ наз. „послѣ-гипнотическое внушеніе на долгій срокъ"*). Обычно этотъ

*) Ср. Bernheim. Neue Studien über Hypnotismus, Suggestion und Psychotherapie, 1892.

феноменъ изображается слѣдующимъ образомъ: внушенное намѣреніе дремлетъ въ данномъ человѣкѣ, пока не подходитъ время его выполненія. Тогда оно просыпается и заставляетъ дѣйствовать.

Въ двоякаго рода случаяхъ жизни даже и профанъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что забываніе намѣреній никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ элементарный феноменъ, не поддающійся дальнѣйшему разложенію, и что оно даетъ право умозаключить о наличности непризнанныхъ мотивовъ: Я имѣю въ виду: любовныя отношенія и военную дисциплину. Любовникъ, опоздавшій на свиданіе, тщетно будетъ искать оправданія предъ своей дамой въ томъ, что онъ, къ сожалѣнію, совершенно забылъ объ этомъ. Она ему непремѣнно отвѣтитъ: „Годъ тому назадъ ты бы не забылъ. Ты меня больше не любишь". Если бы онъ даже прибѣгъ къ приведенному выше психологическому объясненію и пожелалъ бы оправдаться множествомъ дѣлъ, онъ достигъ бы лишь того, что его дама, ставъ столь же проницательною, какъ врачъ при психоанализѣ,—возразила бы: „Какъ странно, что подобнаго рода дѣловыя препятствія не случались раньше". Конечно, и она тоже не подвергаетъ сомнѣнію возможность того, что онъ дѣйствительно забылъ; она полагаетъ только, и не безъ основанія, что изъ ненамѣреннаго забвенія можно сдѣлать тотъ же выводъ объ извѣстномъ нежеланіи, какъ и изъ сознательнаго уклоненія.

Подобно этому и на военной службѣ различіе между упущеніемъ по забывчивости и упущеніемъ намѣреннымъ принципіально игнорируется,—и не безъ основанія. Солдату *нельзя* забывать ничего изъ того, что требуетъ отъ него служба. И если онъ-все таки забываетъ, несмотря на то, что требованіе ему извѣстно, то потому, что мотивамъ, побуждающимъ его къ выполненію даннаго требованія службы, противопоставляются другіе, противоположные. Вольноопредѣляющійся, который при рапортѣ захотѣлъ бы оправдаться тѣмъ, что *позабылъ* почистить пуговицы, можетъ быть увѣренъ въ наказаніи. Но это наказаніе ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, какому онъ подвергся бы, если бы призналси себѣ самому и своему начальнику въ мотивѣ своего упущенія: „Эта проклятая служба мнѣ вообще противна". Ради этого сокращенія наказанія, по соображеніямъ какъ бы

экономическаго свойства, онъ пользуется забвеніемъ, какъ отговоркой, или же оно осуществляется у него въ качествѣ компромисса.

Служеніе женщинѣ, какъ и военная служба требуетъ, чтобы ничто относящееся къ нимъ, не было забываемо, и даетъ такимъ образомъ поводъ полагать, что забвеніе допустимо при неважныхъ вещахъ; при вещахъ важныхъ оно служитъ знакомъ того, что къ нимъ относятся легко, стало быть, не признаютъ ихъ важности. И, дѣйствительно, наличность психической оцѣнки здѣсь не можетъ быть отрицаема. Ни одинъ человѣкъ не забудетъ выполнить дѣйствій, представляющихся ему самому важными, не навлекая на себя подозрѣнія въ душевномъ разстройствѣ. Наше изслѣдованіе можетъ поэтому распространяться лишь на забываніе болѣе или менѣе второстепенныхъ намѣреній; совершенно безразличнымъ не можетъ считаться никакое намѣреніе, ибо тогда оно навѣрное не возникло бы вовсе.

Также какъ и при разсмотрѣнныхъ выше разстройствахъ функцій, я и здѣсь собралъ и попытался объяснить случаи забыванія намѣреній, которые я наблюдалъ на себѣ самомъ; я нашелъ при этомъ, какъ общее правило, что они сводятся къ вторженію неизвѣстныхъ и непризнанныхъ мотивовъ, или, если можно такъ выразиться, къ *встрѣчной волѣ*. Въ цѣломъ рядѣ подобныхъ случаевъ я находился въ положеніи, сходномъ съ военной службой, испытывалъ принужденіе, противъ котораго еще не пересталъ сопротивляться, и демонстрировалъ противъ него своей забывчивостью. Къ этому надо добавить, что я особенно легко забываю, когда нужно поздравить кого-нибудь съ днемъ рожденія, юбилеемъ, свадьбой, повышеніемъ. Я постоянно собираюсь это сдѣлать и каждый разъ все больше убѣждаюсь въ томъ, что это мнѣ не удастся. Теперь я уже рѣшился отказаться отъ этого и воздать должное мотивамъ, которые этому противятся. Однажды, когда я былъ еще въ переходной стадіи, я заранѣе сказалъ одному другу, просившему меня отправить также и отъ его имени къ извѣстному сроку поздравительную телеграмму,—что я забуду объ обѣихъ телеграммахъ; и не удивительно, что пророчество это оправдалось. Въ силу мучительныхъ переживаній, которыя мнѣ пришлось испытать въ связи съ этимъ,

я неспособенъ выражать свое участіе, когда это приходится по необходимости дѣлать въ утрированной формѣ, ибо употребить выраженіе, дѣйствительно отвѣчающее той небольшой степени участія, которое я испытываю,—непозволительно. Съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился въ томъ, что не разъ принималъ мнимыя симпатіи другихъ людей за истинныя, меня возмущаютъ эти условныя выраженія сочувствія, хотя, съ другой стороны, я понимаю ихъ соціальную полезность. Соболѣзнованіе по случаю смерти изъято у меня изъ этого двойственнаго состоянія; разъ рѣшившись выразить его, я уже не забываю сдѣлать это. Тамъ, гдѣ импульсъ моего чувства не имѣетъ отношенія къ общественному долгу, онъ никогда не подвергается забвенію.

Столкновеніе условнаго долга съ внутренней оцѣнкой, въ которой самъ себѣ не признаешься, объясняются также и случаи, когда забываешь совершить дѣйствія, обѣщанныя кому-нибудь другому въ его интересахъ. Здѣсь неизмѣнно бываетъ такъ, что лишь обѣщающій вѣритъ въ смягчающую вину забывчивость, въ то время какъ просящій несомнѣнно дастъ себѣ правильный отвѣтъ: онъ не заинтересованъ въ этомъ, иначе онъ не позабылъ бы. Есть люди, которыхъ вообще считаютъ забывчивыми и потому извиняютъ, подобно близорукимъ, которые не кланяются на улицѣ *). Такіе люди забываютъ всѣ мелкія обѣщанія, не выполняютъ данныхъ имъ порученій, оказываются такимъ образомъ въ мелочахъ ненадежными и требуютъ при этомъ, чтобы за эти мелкія прегрѣшенія на нихъ не были въ претензіи, т. е. чтобы не объясняли ихъ свойствами характера, а сводили къ органическимъ способностямъ. Я самъ не принадлежу къ числу этихъ людей и не имѣлъ случая проанализировать поступки кого-либо изъ нихъ, чтобы въ выборѣ объектовъ забвенія найти его

---

*) Женщины, съ ихъ тонкимъ пониманіемъ безсознательныхъ душевныхъ переживаній обычно склонны скорѣе принять за оскорбленіе, когда ихъ не узнаютъ на улицѣ и не кланяются, чѣмъ подумать о наиболѣе правдободобномъ объясненіи, что провинившійся близорукъ или задумался и не замѣтилъ. Онѣ полагаютъ, что ихъ бы уже замѣтили, если бы только интересовались ими.

мотивировку; но по аналогіи невольно напрашивается предположеніе, что здѣсь мотивомъ, утилизирующимъ конституціональный моментъ для своихъ цѣлей является необычайно крупная доля пренебреженія къ другому человѣку.

Въ другихъ случаяхъ мотивы забвенія не такъ легко обнаруживаются и, разъ будучи найдены, возбуждаютъ немалое удивленіе. Такъ я замѣтилъ въ прежніе годы, что при большомъ количествѣ визитовъ къ больнымъ, я если забываю о какомъ-нибудь визитѣ, то лишь о безплатномъ паціентѣ или посѣщеніи коллеги. Это было стыдно, и я пріучилъ себя отмѣчать себѣ еще утромъ предстоящіе въ теченіе дня визиты. Не знаю, пришли ли другіе врачи тѣмъ же путемъ къ этому обыкновенію. Но начинаешь понимать, что заставляетъ, такъ называемаго, неврастеника отмѣчать у себя въ пресловутой „запискѣ“ все то, что онъ собирается сообщить врачу. Объясняютъ это тѣмъ, что онъ не питаетъ довѣрія къ репродуцирующей способности своей памяти. Конечно, это вѣрно, но дѣло происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Больной чрезвычайно обстоятельно излагаетъ свои жалобы и вопросы; окончивъ, дѣлаетъ минутную паузу, затѣмъ вынимаетъ записку и говоритъ, извиняясь: я записалъ себѣ здѣсь кое-что, такъ какъ я все позабываю. Обычно онъ не находитъ въ запискѣ ничего новаго. Онъ повторяетъ каждый пунктъ и отвѣчаетъ на него самъ: да, объ этомъ я уже спросилъ. Повидимому, онъ лишь демонстрируетъ своей запиской одинъ изъ своихъ симптомовъ: то именно обстоятельство, что его намѣренія часто разстраиваются въ силу вторженія темныхъ мотивовъ.

Я коснусь дефектовъ, которыми страдаетъ большинство здоровыхъ людей, которыхъ я знаю, если признаюсь, что я самъ, особенно въ прежніе годы, очень легко и на очень долгое время забывалъ возвращать одолженныя книги, или что мнѣ съ особенной легкостью случалось въ силу забывчивости откладывать уплату денегъ. Недавно я ушелъ какъ-то утромъ изъ табачной лавки, въ которой сдѣлалъ себѣ свой запасъ сигаръ на этотъ день, не расплатившись. Это было совершенно невинное упущеніе, потому что меня тамъ знаютъ, и я могъ поэтому ожидать, что на слѣдующій день мнѣ напомнятъ о долгѣ. Но это небольшое упущеніе, эта попытка надѣлать долговъ

навѣрное, не лишена связи съ тѣми размышленіями на слѣдующія темы, которыя занимали меня въ продолженіе предыдущаго дня. Вообще, что касается такихъ темъ, какъ деньги и собственность, то даже у такъ называемыхъ порядочныхъ людей можно легко обнаружить слѣды нѣкотораго двойственнаго отношенія къ нимъ. Та примитивная жадность, съ какой грудной младенецъ стремится овладѣть всѣми объектами (чтобы сунуть ихъ въ ротъ), быть можетъ, вообще лишь въ несовершенной степени парализовалась культурой и воспитаніемъ *).

---

*) Изъ соображеній единства темы позволительно будетъ отступить здѣсь отъ принятаго мной дѣленія и прибавить къ вышесказанному, что по отношенію къ денежнымъ дѣламъ человѣческая память обнаруживаетъ особую предвзятость. Обманъ памяти, при которомъ думаешь, что уже заплатилъ, бываетъ, какъ я это знаю по себѣ, чрезвычайно упоренъ. Тамъ, гдѣ стремленіе къ наживѣ проявляется за предѣлами крупныхъ жизненныхъ инресовъ, стало быть, скорѣе въ шутку, и гдѣ поэтому ему предоставляется полная свобода, какъ, напр., въ карточной игрѣ, честнѣйшіе люди бываютъ склонны къ ошибкамъ, погрѣшностямъ памяти и счета, и оказываются, невѣдомымъ для нихъ самихъ образомъ, повинными въ мелкихъ обманахъ. Въ этой свободѣ въ немалой степени коренится психически освѣжающее значеніе игры. Поговорку о томъ, что въ игрѣ узнается характеръ человѣка, надо признать вѣрной, съ однимъ лишь дополненіемъ: узнаются подавленныя черты характера. Если у кельнеровъ еще бываютъ нечаянныя ошибки въ счетѣ, на нихъ, очевидно, нужно смотрѣть такъ же.—Въ купеческомъ сословіи часто можно наблюдать извѣстное оттягиваніе выдачи денежныхъ суммъ—при уплатѣ по счетамъ и т. п.,—которое собственнику ничего не даетъ, и которое слѣдуетъ понимать только психологически, какъ проявленіе нежеланія разставаться съ деньгами. Съ наиболѣе интимными и менѣе всего выясненными побужденіями связывается и тотъ фактъ, что какъ разъ женщины обнаруживаютъ особенную неохоту расплачиваться съ врачомъ. Обыкновенно онѣ забываютъ портмонэ, и потому во время визита не могутъ заплатить, затѣмъ систематически забываютъ прислать изъ дому гонораръ, и въ результатѣ лѣчишь ихъ даромъ—„ради ихъ прекрасныхъ глазъ". Онѣ уплачиваютъ какъ бы своими взглядами.

Боюсь, что со всѣми этими примѣрами я впалъ прямо-таки въ банальность. Но я только могу радоваться, если наталкиваюсь на вещи, которыя всѣ знаютъ и одинаковымъ образомъ понимаютъ, ибо мое намѣреніе въ томъ и заключается, чтобы собирать повседневныя явленія и научно использовать ихъ. Я не могу понять, почему той мудрости, которая сложилась на почвѣ обыденнаго жизненнаго опыта, долженъ быть закрытъ доступъ въ кругъ пріобрѣтеній науки. Не различіе объектовъ, а болѣе строгій методъ ихъ установленія и стремленіе ко всеобъемлющей связи составляетъ существенный порядокъ научной работы.

По отношенію къ намѣреніямъ, имѣющимъ нѣкоторое значеніе, мы въ общемъ нашли, что они забываются тогда, когда противъ нихъ возстаютъ темные мотивы. По отношенію къ намѣреніямъ меньшей важности обнаруживается другой механизмъ забыванія: встрѣчная воля переносится на данное намѣреніе съ чего-либо другого, въ силу того, что между этимъ „другимъ“ и содержаніемъ даннаго намѣренія установилась какая-либо *внѣшняя* ассоціація. Сюда относится слѣдующій примѣръ. Я люблю хорошую пропускную бумагу и собираюсь сегодня послѣ-обѣда, идя во внутреннюю часть города, закупить себѣ новый запасъ. Однако, въ теченіе четырехъ дней подрядъ я объ этомъ забываю, пока не задаю себѣ вопроса о причинѣ этого. Нахожу ее безъ труда, вспомнивъ, что если въ письмѣ обозначаю пропускную бумагу словомъ „Löschpapier“, то говорю я обыкновенно „Fliesspapier“. „Fliess“ же—имя одного изъ моихъ друзей въ Берлинѣ, подавшаго мнѣ въ эти дни поводъ къ мучительнымъ мыслямъ и заботамъ. Отдѣлаться отъ этихъ мыслей я не могу, но склонность къ отпору проявляется, перенося сь вслѣдствіе созвучія словъ на безразличное и потому менѣе устойчивое намѣреніе.

Въ слѣдующемъ случаѣ отсрочки—непосредственная встрѣчная воля совпадаетъ съ болѣе опредѣленной мотивировкой. Я написалъ для изданія „Grenzfragen des Nerven-und Seelenlebens“ небольшую статью о снѣ, резюмирующую мое „Толкованіе сновъ“. Г. Бергманъ посылаетъ мнѣ изъ Висбадена корректуру и проситъ ее просмотрѣть немедленно, такъ какъ хочетъ издать этотъ выпускъ

еще до Рождества. Въ ту же ночь я выправляю корректуру и кладу ее на письменный столъ, чтобы взять съ собой утромъ. Утромъ я, однако, забываю о ней и вспоминаю лишь послѣ обѣда при видѣ бандероли, лежащей на моемъ столѣ. Точно такъ же забываю я о корректурѣ и послѣ обѣда, вечеромъ и на слѣдующее утро; наконецъ, я беру себя въ руки и на слѣдующій день послѣ обѣда опускаю ее въ почтовый ящикъ, недоумѣвая, каково могло бы быть основаніе этой отсрочки. Очевидно, я ее не хочу отправить, не знаю только, почему. Во время этой же прогулки я отправляюсь къ своему вѣнскому издателю, который издалъ также мое „Толкованіе сновъ“, дѣлаю у него заказъ, и вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-то внезапной мысли, говорю ему: „Вы знаете, я написалъ „Толкованіе сновъ“ вторично“.—„О, я просилъ бы васъ тогда...“—„Успокойтесь, это лишь небольшая статья для изданія Löwenfeld-Kurella“. Онъ все-таки былъ недоволенъ, боялся, что статья эта повредитъ сбыту книги. Я возражалъ ему и, наконецъ, спросилъ: „Если бы я обратился къ вамъ раньше, вы бы запретили мнѣ издать эту вещь?“— „Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ“. Я и самъ думаю, что имѣлъ полное право такъ поступить, и не сдѣлалъ ничего такого, что не было бы принято; но мнѣ представляется безспорнымъ, что сомнѣніе, подобное тому, какое высказалъ мой издатель, было мотивомъ того, что я оттягивалъ отправку корректуры. Сомнѣніе это было вызвано другимъ, болѣе раннимъ случаемъ, когда у меня были непріятности съ другимъ издателемъ изъ-за того, что я по необходимости перенесъ нѣсколько страницъ изъ моей работы о церебральномъ параличѣ у дѣтей, появившейся въ другомъ издательствѣ, въ статью написанную на ту же тему для справочной книги *Нотнагеля*. Но и тогда упреки были несправедливы; и тогда я вполнѣ лойяльно извѣстилъ о своемъ намѣреніи перваго издателя. Возстанавливая далѣе свои воспоминанія, я припоминаю еще одинъ случай, когда при переводѣ съ французскаго я дѣйствительно нарушилъ права автора. Я снабдилъ переводъ примѣчаніями, не испросивъ на то согласія автора и спустя нѣсколько лѣтъ имѣлъ случай убѣдиться, что авторъ былъ недоволенъ этимъ самоуправствомъ.

По-нѣмецки есть поговорка, выражающая ходячую истину, что забываніе чего нибудь никогда не бываетъ случайнымъ.

Забываніе объясняется иногда также и тѣмъ, что можно было бы назвать „ложными намѣреніями". Однажды, я обѣщалъ одному молодому автору дать отзывъ о его небольшой работѣ, но въ силу внутреннихъ, неизвѣстныхъ мнѣ противодѣйствій, все откладывалъ, пока наконецъ, уступая его настояніямъ, не обѣщалъ, что сдѣлаю это въ тотъ же вечеръ. Я, дѣйствительно, имѣлъ вполнѣ серьезное намѣреніе такъ и поступить, но забылъ о томъ, что на тотъ же вечеръ было назначено составленіе другого, неотложнаго отзыва. Я понялъ, благодаря этому, что мое намѣреніе было ложно, пересталъ бороться съ испытываемымъ мной противодѣйствіемъ и отказалъ автору.

VIII.

Дѣиствія, совершаемыя по ошибкѣ.

Заимствую еще одно мѣсто изъ цѣнной работы Мерингера и Майера (стр. 98):

„Обмолвки не являются чѣмъ-либо единственнымъ въ своемъ родѣ. Онѣ соотвѣтствуютъ погрѣшностямъ, часто наблюдаемымъ и при другихъ функціяхъ человѣка и обозначаемымъ, довольно безсмысленно, словомъ „забывчивость“.

Такимъ образомъ не я первый заподозрилъ въ мелкихъ функціональныхъ разстройствахъ повседневной жизни здоровыхъ людей смыслъ и преднамѣренность.

Если подобное объясненіе допускаютъ погрѣшности рѣчи,—а рѣчь вѣдь не что иное, какъ моторный актъ,—то легко предположить, что тѣ же ожиданія оправдаются и въ примѣненіи къ погрѣшностямъ прочихъ нашихъ моторныхъ отправленій. Я различаю здѣсь двѣ группы явленій; всѣ тѣ случаи, гдѣ самымъ существеннымъ представляется ошибочный эффектъ, стало быть уклоненіе отъ намѣренія, я обозначаю терминомъ „Vergreifen“—„*дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ*“, другіе же, въ которыхъ скорѣе весь образъ дѣйствій представляется нецѣлесообразнымъ, я называю „симптоматическими и случайными дѣйствіями“. Дѣленіе это не можетъ быть приведено съ полной строгостью; мы вообще начинаемъ понимать, что всѣ дѣленія, употребляемыя въ этой работѣ, имѣютъ лишь описательную цѣнность и противорѣчатъ внутреннему единству наблюдаемыхъ явленій.

Въ психологическомъ пониманіи „ошибочныхъ дѣйствій“ мы, очевидно, не подвинемся впередъ, если отнесемъ ихъ въ общую рубрику атаксіи и спеціально „атаксіи мозговой коры“ Попытаемся лучше свести отдѣльные случаи къ опредѣляющимъ ихъ условіямъ. Я обращусь опять къ примѣрамъ изъ моего личнаго опыта, не особенно, правда, частымъ у меня.

а) Въ прежніе годы, когда я посѣщалъ больныхъ на дому еще чаще, чѣмъ теперь, нерѣдко случалось, что придя къ двери, въ которую мнѣ слѣдовало постучать или позвонить, я доставалъ изъ кармана ключъ отъ моей собственной квартиры, съ тѣмъ, чтобы опять спрятать его, едва ли не со стыдомъ. Сопоставляя, у какихъ больныхъ это бывало со мной, я долженъ признать, что это ошибочное дѣйствіе—вынуть ключъ вмѣсто того, чтобы позвонить — означало извѣстную похвалу тому дому, гдѣ это случалось. Оно было равносильно мысли: „здѣсь я чувствую себя, какъ дома“, ибо происходило лишь тамъ, гдѣ я полюбилъ больного. (У двери моей собственной квартиры я, конечно, никогда не звоню). Ошибочное дѣйствіе было такимъ образомъ символическимъ выраженіемъ мысли, въ сущности не предназначавшейся къ тому, чтобы быть серьезно, сознательно допущенной, такъ какъ на дѣлѣ психіатръ прекрасно знаетъ, что больной привязывается къ нему лишь на то время, пока ожидаетъ отъ него чего-нибудь, и что онъ самъ, если и позволяетъ себѣ испытывать чрезмѣрно живой интересъ къ паціенту, то лишь въ цѣляхъ оказанія психической помощи.

б) Въ одномъ домѣ, въ которомъ я шесть лѣтъ кряду дважды въ день въ опредѣленное время стою у дверей второго этажа, ожидая, пока мнѣ отворятъ, мнѣ случилось за все это долгое время два раза (съ небольшимъ перерывомъ) взойти этажомъ выше, „забраться черезчуръ высоко“. Въ первый разъ я испытывалъ въ это время честолюбивый „сонъ на яву“, грезилъ о томъ, что „подымаюсь все выше и выше“. Я не услышалъ даже, какъ отворилась соотвѣтствующая дверь, когда я уже началъ всходить на первыя ступеньки третьяго этажа. Въ другой разъ я прошелъ слишкомъ далеко тоже „погруженный въ мысли“; когда я спохватился, вернулся назадъ и попытался схватить владѣвшую мной фантазію, я то нашелъ, что я сердился по поводу

(воображаемой) критики моихъ сочиненій, въ которой мнѣ дѣлался упрекъ, что я постоянно „иду слишкомъ далеко", упрекъ, который у меня могъ связаться съ неособенно почтительнымъ выраженіемъ: „занесся слишкомъ высоко".

в) На моемъ столѣ долгіе годы лежатъ рядомъ перкустіонный молотокъ и камертонъ. Однажды, по окончаніи пріемнаго часа я тороплюсь уйти, потому что хочу поспѣть къ опредѣленному поѣзду городской желѣзной дороги, кладу средь бѣлаго дня въ карманъ сюртука вмѣсто молотка камертонъ и лишь благодаря тому, что онъ оттягиваетъ мнѣ карманъ, замѣчаю свою ошибку. Кто не привыкъ задумываться надъ такими мелочами, несомнѣнно объяснитъ назвавъ эту ошибку спѣшкой. Однако я предпочелъ поставить себѣ вопросъ, почему я все-таки взялъ камертонъ вмѣсто молотка. Спѣшка могла точно такъ же служить мотивомъ и къ тому, чтобы взять сразу нужный предметъ, чтобы не терять времени на обмѣнъ.

Кто былъ послѣднимъ, державшимъ въ рукахъ камертонъ—вотъ вопросъ, который напрашивается мнѣ здѣсь. Его держалъ на дняхъ *идіотъ*—ребенокъ, у котораго я изслѣдовалъ степень вниманія къ чувственнымъ ощущеніямъ, котораго камертонъ въ такой мѣрѣ привлекъ къ себѣ, что мнѣ лишь съ трудомъ удалось его отнять, ибо же, это должно означать, что я идіотъ? Какъ будто бы и такъ, то первое, что ассоціируетъ у меня со словомъ „молотокъ" (Hammer) это— „Хамеръ"—по древне-еврейски: „оселъ".

Что должна означать эта брань? Надо разсмотрѣть ситуацію. Я спѣшу на консультацію въ мѣстность, лежащую при западной желѣзной дорогѣ, къ больному, который, согласно сообщенному мнѣ письменно анамнезу, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ упалъ съ балкона, и съ тѣхъ поръ не можетъ ходить. Врачъ, приглашающій меня пишетъ, что онъ не можетъ все же опредѣлить, поврежденіе ли здѣсь спинного мозга или травматическій неврозъ—истерія. Это мнѣ и предстоитъ рѣшить. Здѣсь стало быть умѣстно будетъ напоминаніе—соблюдать особую осторожность въ этомъ тонкомъ дифференціальномъ діагнозѣ. Мои коллеги и безъ того думаютъ, что мы слишкомъ легкомысленно ставимъ діагнозъ истеріи въ то время, когда на самомъ дѣлѣ имѣется на лицо нѣчто болѣе серьезное. Но мы все еще

не видимъ достаточныхъ основаній для брани! Да, надо еще добавить, что на той же самой желѣзнодорожной станціи я видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодого человѣка, который со времени одного сильнаго переживанія не могъ какъ слѣдуетъ ходить. Я нашелъ у него тогда истерію, подвергъ его психическому лѣченію, и тогда оказалось, что если мой діагнозъ и не былъ ошибоченъ, то онъ не былъ и вѣренъ. Цѣлый рядъ симптомовъ у больного носилъ характеръ истерическій, и по мѣрѣ лѣченія, они дѣйствительно быстро исчезали. Но за ними обнаружился остатокъ, не поддававшійся терапіи, и оказавшійся множественнымъ склерозомъ. Врачи, видѣвшіе больного послѣ меня, безъ труда замѣтили органическое пораженіе; я же врядъ ли могъ бы иначе дѣйствовать и судить; но впечатлѣніе у меня все-таки осталось, какъ о тягостной ошибкѣ; я обѣщалъ вылѣчить больного, и конечно не могъ сдержать этого обѣщанія. Такимъ образомъ ошибочное движеніе, которымъ я схватился за камертонъ вмѣсто молотка, могло быть переведено слѣдующимъ образомъ: идіотъ, оселъ ты этакій, возьми себя въ руки на этотъ разъ и не поставь опять діагноза истеріи, гдѣ дѣло идетъ о неизлѣчимой болѣзни, какъ это уже случилось разъ въ той же мѣстности съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ! Къ счастью для этого маленькаго анализа, если и къ несчастью для моего настроенія, этотъ самый человѣкъ, страдавшій тяжелымъ мастическимъ параличемъ, былъ у меня на пріемѣ всего нѣсколькими днями раньше, на слѣдующій день послѣ идіота-ребенка.

Нетрудно замѣтить, что на этотъ разъ въ ошибочномъ дѣйствіи далъ о себѣ знать голосъ самокритики. Для такого рода роли—упрека самому себѣ—ошибочныя дѣйствія особенно пригодны. Ошибка, совершенная здѣсь, изображаетъ собою ошибку, сдѣланную гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

в) Само собой разумѣется, что дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ, могутъ служить также и цѣлому ряду другихъ темныхъ намѣреній. Вотъ примѣръ этого. Мнѣ очень рѣдко случается разбивать что-нибудь. Я не особенно ловокъ, но въ силу анатомической нетронутости моихъ нервомускульныхъ аппаратовъ, у меня очевидно нѣтъ данныхъ для совершенія такихъ неловкихъ движеній, которыя при-

вели бы къ нежелательнымъ результатамъ. Такъ что я не могу припомнить въ моемъ домѣ ни одного предмета, который бы я разбилъ. Въ моемъ рабочемъ кабинетѣ тѣсно, и мнѣ часто приходилось въ самыхъ неудобныхъ положеніяхъ перебирать античныя вещи изъ глины и камня, которыхъ у меня имѣется маленькая коллекція, такъ что бывшія при этомъ лица выражали опасеніе, какъ бы я не уронилъ и не разбилъ чего-нибудь. Однако, этого никогда не случалось. Почему же я бросилъ на полъ и разбилъ мраморную крышку моей простой чернильницы?

Мой письменный приборъ состоитъ изъ мраморной подставки съ углубленіемъ, въ которое вставляется стеклянная чернильница; на чернильницѣ—крышка съ шишечкой, тоже изъ мрам ора. За письменнымъ приборомъ разставлены бронзовыя статуэтки и терракотовые фигурки. Я сажусь за столъ, чтобы писать, дѣлаю рукой, въ которой держу перо, замѣчательно неловкое движеніе по направленію отъ себя и сбрасываю на полъ уже лежавшую на столѣ крышку. Объясненіе найти не трудно. Нѣсколькими часами раньше въ комнатѣ была моя сестра, зашедшая посмотрѣть нѣкоторыя вновь пріобрѣтенныя мной вещи. Она нашла ихъ очень красивыми, и сказала затѣмъ: „Теперь твой письменный столъ имѣетъ дѣйствительно красивый видъ, только письменный приборъ не подходитъ къ нему. Тебѣ нуженъ другой, болѣе красивый. „Я проводилъ сестру и лишь нѣсколькими часами позже вернулся назадъ. И тогда я повидимому произвелъ экзекуцію надъ осужденнымъ приборомъ. Заключилъ ли я изъ словъ сестры, что она рѣшила къ ближайшему празднику подарить мнѣ болѣе красивый приборъ, и я разбилъ некрасивый старый, чтобы заставить ее исполнить намѣреніе, на которое она намекнула? Если это такъ, то движеніе, которымъ я швырнулъ крышку, было лишь мнимо неловкимъ; на самомъ дѣлѣ оно было въ высшей степени ловкимъ, било въ цѣль и сумѣло пощадить и обойти всѣ болѣе цѣнные объекты, находившіеся по близости.

Я думаю въ самомъ дѣлѣ, что именно такого взгляда и слѣдуетъ держаться по отношенію къ цѣлому ряду якобы случайныхъ, неловкихъ движеній. Вѣрно, что они несутъ на себѣ печать насилія, швыряніе, чего-то вродѣ спастической атаксіи, но они обнаруживаютъ

вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное намѣреніе и попадаютъ въ цѣль съ увѣренностью, которой не всегда могутъ похвастаться и завѣдомо произвольныя движенія. Обѣ эти отличительныя черты—характеръ насилія и мѣткость—онѣ, впрочемъ, раздѣляютъ съ моторными проявленіями истерическаго невроза, отчасти и съ моторными актами сомнамбулизма, что, надо полагать, указываетъ здѣсь, какъ и тамъ, на одну и ту же неизвѣстную модификацію иннерваціоннаго процесса.

Въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ собирать такого рода наблюденія, мнѣ случалось еще нѣсколько разъ разбивать или ломать предметы, имѣющіе извѣстную цѣну, но изслѣдованіе этихъ случаевъ убѣдило меня, что это ни разу не было дѣйствіемъ простого случая или ненамѣренной неловкости. Такъ, однажды утромъ, проходя по комнатѣ въ купальномъ костюмѣ, съ соломенными туфлями на ногахъ, я, повинуясь внезапному импульсу, швырнулъ одну изъ туфель объ стѣну такъ, что она свалила съ консоли красивую маленькую мраморную Венеру. Статуэтка разбилась вдребезги, я же въ это время преспокойнымъ образомъ сталъ цитировать стихи Буша:

„Ach! Die Venus ist perdü—
Klickeradoms!—Von Medici!“

Эта дикая выходка и спокойствіе, съ которымъ я отнесся къ тому, что натворилъ, объясняются тогдашнимъ положеніемъ вещей. У насъ въ семействѣ была тяжело больная, въ выздоровленіи которой я въ глубинѣ души уже отчаялся. Въ это утро я узналъ о крупномъ улучшеніи, и знаю, что я самъ сказалъ себѣ: значитъ она все-таки будетъ жить. Охватившая меня затѣмъ жажда разрушенія послужила мнѣ средствомъ выразить благодарность судьбѣ и произвести извѣстнаго рода *„жертвенное дѣйствіе“*, словно я далъ обѣтъ; если она выздоровѣетъ, я принесу въ жертву тотъ или иной предметъ! Если я для этой жертвы выбралъ какъ разъ Венеру Медицейскую, то въ этомъ долженъ заключаться, очевидно, галантный комплиментъ больной; но непонятнымъ остается мнѣ и на этотъ разъ, какъ это я такъ быстро рѣшился, такъ ловко мѣтилъ

и не попалъ ни въ одинъ изъ стоявшихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ предметовъ

Другой случай, когда я опять-таки воспользовался перомъ, выпавшимъ изъ моей руки, для того чтобы разбить одну вещицу, имѣлъ тоже значеніе жертвы, но на этотъ разъ *просительной жертвы*, стремившейся отвратить нѣчто грозящее. Я позволилъ себѣ разъ сдѣлать моему вѣрному и заслуженному другу упрекъ, основывавшійся исключительно на толкованіи извѣстныхъ симптомовъ его безсознательной жизни. Онъ обидѣлся и написалъ письмо, въ которомъ просилъ меня не подвергать моихъ друзей психоанализу Пришлось признать, что онъ правъ, и я написалъ ему успокоительный отвѣтъ. Въ то время, какъ я писалъ это письмо, предо мной стояло мое новѣйшее пріобрѣтеніе,—великолѣпно глазированная египетская фигурка. Я разбилъ ее, указаннымъ выше способомъ, и тотчасъ же понялъ, что я сдѣлалъ это, чтобы избѣжать другой, большей бѣды. Къ счастью, и статуэтку, и дружбу удалось вновь скрѣпить такъ, что трещина стала совершенно незамѣтной.

Третій случай находится въ менѣе серьезной связи; это была лишь, употребляя выраженіе Th. Vischer'a—замаскированная „экзекуція" надъ объектомъ, который мнѣ пересталъ нравиться. Я нѣкоторое время носилъ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ; какъ-то разъ, не по моей винѣ, тонкая серебряная пластинка была повреждена и плохо починена. Вскорѣ послѣ того, какъ палка вернулась ко мнѣ, я зацѣпилъ, играя съ дѣтьми, набалдашникъ за ногу одного изъ ребятъ; при этомъ онъ, конечно, сломался пополамъ, и я былъ отъ него избавленъ.

То равнодушіе, съ которымъ во всѣхъ этихъ случаяхъ относишься къ причиненному ущербу, можетъ служить доказательствомъ, что при совершеніи этого дѣйствія имѣлось налицо безсознательное намѣреніе.

Случаи, когда роняешь, опрокидываешь, разбиваешь что-либо служатъ, повидимому, очень часто проявленіемъ безсознательныхъ мыслей; иной разъ это можно доказать анализомъ, но чаще объ этомъ можно догадываться по тѣмъ суевѣрнымъ или шуточнымъ толкова-

ніямъ, которыя связываются съ подобнаго рода дѣйствіями въ устахъ народа. Извѣстно, какое толкованіе дается, напримѣръ, когда кто-нибудь просыплетъ соль или опрокинетъ стаканъ съ виномъ, или уронитъ ножъ такъ, чтобы онъ воткнулся стоймя и т. д. О томъ, въ какой мѣрѣ эти суевѣрныя толкованія могутъ претендовать на признаніе, я буду говорить ниже; здѣсь будетъ лишь умѣстно замѣтить, что отдѣльный неловкій актъ отнюдь не имѣетъ постояннаго значенія; смотря по обстоятельствамъ онъ употребляется, какъ средство выраженія того или иного намѣренія.

Когда прислуга роняетъ и уничтожаетъ такимъ образомъ хрупкіе предметы, то, навѣрное, никто не подумаетъ при этомъ прежде всего о психологическомъ объясненіи, и, однако, здѣсь тоже не лишена вѣроятности нѣкоторая доля участія темныхъ мотивовъ. Ничто такъ не чуждо необразованнымъ людямъ, какъ способность цѣнить искусство и художественныя произведенія. Наша прислуга охвачена чувствомъ глухой вражды по отношенію къ этимъ предметамъ, особенно тогда, когда вещи, цѣнности которыхъ она не видитъ, становятся для нея источникомъ труда. Люди того же происхожденія и стоящіе на той же ступени образованія, нерѣдко обнаруживаютъ въ научныхъ учрежденіяхъ большую ловкость и надежность въ обращеніи съ хрупкими предметами,—но это бываетъ тогда, когда они начинаютъ отождествлять себя съ хозяиномъ и причислять себя къ главному персоналу даннаго учрежденія.

Когда случается уронить самого себя, оступиться, поскользнуться,—это тоже не всегда нужно толковать непремѣнно, какъ случайный дефектъ моторнаго акта. Двусмысленность самихъ этихъ выраженій (einen Fehltritt machen—оступиться и сдѣлать ложный шагъ) указываетъ уже на то, какой характеръ могутъ имѣть скрытыя фантазіи, проявляющіяся въ этой потерѣ тѣлеснаго равновѣсія. Я вспоминаю цѣлый рядъ легкихъ нервныхъ заболѣваній у женщинъ и дѣвушекъ, которыя наступаютъ послѣ паденія безъ пораненія и разсматриваются, какъ травматическая истерія, вызванная испугомъ при паденіи. Я уже тогда выносилъ такое впечатлѣніе, что связь между событіями здѣсь иная, что само паденіе было какъ бы подстроено неврозомъ и служило выраженіемъ тѣхъ же безсознатель-

ныхъ фантазій съ сексуальнымъ содержаніемъ, которыя скрываются за симптомами и являются движущими силами ихъ. Не это ли имѣетъ въ виду и пословица: „когда дѣвица падаетъ, то падаетъ на спину“?

Къ числу ошибочныхъ движеній можно отнести также и тотъ случай, когда даешь нищему вмѣсто мѣди и серебра—золотую монету. Разрѣшеніе подобныхъ случаевъ легко; это жертвенныя дѣйствія, предназначенныя для того, чтобы умилостивить судьбу, отвратить бѣдствіе и т. д. Если этотъ случай произошелъ съ нѣжной матерью или теткой и если непосредственно предъ прогулкой, въ теченіе которой она проявила эту невольную щедрость, она высказала опасеніе о здоровьи ребенка, то можно не сомнѣваться насчетъ смысла этой якобы досадной случайности. Этимъ путемъ акты, совершаемые по ошибкѣ, даютъ намъ возможность выполнять всѣ тѣ благочестивые и суевѣрные обычаи, которые въ силу сопротивленія, которое оказываетъ имъ нашъ невѣрующій разумъ, вынуждены бояться свѣта сознанія.

д) Положеніе о томъ, что случайныя дѣйствія являются въ сущности преднамѣренными, вызоветъ меньше всего сомнѣній въ области сексуальныхъ проявленій, гдѣ граница между этими обѣими категоріями дѣйствительно стирается. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я испыталъ на самомъ себѣ прекрасный примѣръ того, какъ неловкое, на первый взглядъ, движеніе можетъ быть самымъ утонченнымъ образомъ использовано для сексуальныхъ цѣлей. Въ одномъ близко знакомомъ мнѣ домѣ я встрѣтился съ пріѣхавшей туда въ гости молодой дѣвушкой; когда-то я былъ къ ней несовсѣмъ равнодушенъ, и хотя я считалъ это дѣломъ давно минувшимъ, все же ея присутствіе сдѣлало меня веселымъ, разговорчивымъ и любезнымъ. Я тогда уже задумался надъ тѣмъ, какимъ образомъ это случилось; годомъ раньше я отнесся къ этой же дѣвушкѣ съ полнымъ равнодушіемъ. Въ это время въ комнату вошелъ ея дядя, очень старый человѣкъ, и мы оба вскочили, чтобы принести ему стоявшій въ углу стулъ. Она была быстрѣе меня,—и вѣроятно ближе къ объекту,—схватила кресло первая и понесла держа его передъ собою спинкой назадъ и положивъ обѣ руки на ручки кресла. Такъ какъ я подошелъ позже

и все же не оставилъ намѣренія отнести кресло, то оказался вдругъ вплотную позади нея и охватилъ ее сзади напередъ руками такъ, что на моментъ онѣ сошлись впереди, у ея бедеръ. Конечно, я прекратилъ это положеніе столь же быстро, какъ оно создалось. Повидимому, никто и не замѣтилъ, какъ ловко я использовалъ это неловкое движеніе.

При случаѣ мнѣ приходилось убѣдиться и въ томъ, что тѣ досадныя, неловкія движенія, которыя дѣлаешь, когда хочешь на улицѣ уступить дорогу и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ топчешься то вправо, то влѣво, но всегда въ томъ же направленіи, что и твой vis-à-vis, пока, наконецъ, не останавливаются оба, что и въ этихъ движеніяхъ, которыми „заступаешь дорогу", повторяются непристойныя, вызывающія дѣйствія раннихъ лѣтъ и подъ маской неловкости преслѣдуются сексуальныя цѣли. Изъ психоанализовъ, производимыхъ мной надъ невротиками я знаю, что такъ называемая наивность молодыхъ людей и дѣтей часто бываетъ лишь такого рода маской, для того чтобы имѣть возможность безъ стѣсненія говорить или дѣлать неприличныя вещи.

Совершенно аналогичныя наблюденія надъ самимъ собой сообщаетъ W. Stekel. „Я вхожу въ домъ и подаю хозяйкѣ руку. Удивительнымъ образомъ я при этомъ развязываю шарфъ, стягивающій ея свободное утреннее платье. Я не знаю за собой никакого нечестнаго намѣренія и все же совершаю это неловкое движеніе съ ловкостью карманщика".

e) Эффектъ, создающійся въ результатѣ ошибочныхъ дѣйствій нормальныхъ людей, носитъ обыкновенно безобидный характеръ. Тѣмъ большій интересъ вызываетъ вопросъ, можно ли въ какомъ-нибудь отношеніи распространить нашъ взглядъ на такіе случаи ошибочныхъ дѣйствій, которые имѣютъ болѣе важное значеніе и сопровождаются серьезнымъ послѣдствіемъ, какъ, напримѣръ, ошибки врача или аптекаря.

Такъ какъ мнѣ очень рѣдко случается подавать врачебную помощь, то я могу привести лишь одинъ примѣръ изъ собственной практики. У одной очень старой дамы, которую я въ теченіе ряда лѣтъ посѣщаю ежедневно дважды въ день, моя медицинская дѣятель-

ность ограничивается утромъ двумя актами: капаю ей въ глазъ нѣсколько капель глазной воды и дѣлаю впрыскиваніе морфія. Для этого всегда стоятъ на готовѣ двѣ бутылочки: синяя—для глазныхъ капель и бѣлая—съ растворомъ морфина. Во время обоихъ актовъ мои мысли обычно заняты чѣмъ-либо другимъ; я продѣлывалъ это столько разъ, что мое вниманіе чувствуетъ себя какъ бы свободнымъ. Однажды утромъ я замѣтилъ, что автоматъ работалъ неправильно. Пипетка вмѣсто синей бутылки погрузилась въ бѣлую и накапала въ глаза не глазныя капли, а морфинъ. Я сильно испугался, но затѣмъ разсудилъ, что нѣсколько капель двухпроцентнаго раствора морфина не могутъ повредить и конъюнктивальному мѣшку,—и успокоился. Очевидно, ощущеніе страха должно было исходить изъ какого-нибудь другого источника.

При попыткѣ подвергнуть анализу этотъ маленькій ошибочный актъ, мнѣ прежде всего пришла въ голову фраза, которая могла указать прямой путь къ рѣшенію: „sich an der Alten vergreifen" („поднять руку на старуху"; глаголъ „vergreifen" означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „совершить ошибочное дѣйствіе", буквально: „взять не то"). Я находился подъ впечатлѣніемъ сна, который мнѣ разсказалъ наканунѣ вечеромъ одинъ молодой человѣкъ и содержаніе котораго могло бы быть истолковано лишь въ смыслѣ полового сожительства съ собственной матерью *). То странное обстоятельство, что сказаніе не останавливается предъ возрастомъ царицы Іокасты, вполнѣ подтверждаетъ, думалось мнѣ, тотъ выводъ, что при влюбленности въ собственную мать дѣло никогда не идетъ о ея личности въ данный моментъ, а о юношескомъ образѣ, сохранившемся въ воспоминаніяхъ дѣтства. Подобнаго рода несообразности получаются всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда колеблющаяся между двумя періодами времени фантазія становится сознательной и въ силу этого прикрѣпляется къ

*) Это „сонъ Эдипа", какъ я его обыкновенно называю, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ ключъ къ пониманію сказанія о царѣ Эдипѣ. Въ текстѣ у Софокла ссылка на такого рода сонъ вложена въ уста Іокастѣ. (Ср. „Traumdeutung", p. 182).

опредѣленному времени. Погруженный въ такого рода мысли, я и пришелъ къ своей паціенткѣ, старухѣ за 90 лѣтъ, и очевидно былъ на пути къ тому, чтобы въ общечеловѣческомъ характерѣ сказанія объ Эдипѣ увидѣть коррелатъ судьбы, говорящей устами оракула; ибо я затѣмъ совершилъ ошибочное дѣйствіе у старухи или поднялъ руку на старуху (Vergriff mich „bei oder an der Alten“). Однако этотъ инцидентъ носилъ также безобидный характеръ; изъ двухъ возможныхъ ошибокъ—употребить растворъ морфина вмѣсто капель или впрыснуть глазныя капли—я избралъ несравненно болѣе безобидную. И вопросъ все же остается въ силѣ: позволительно ли въ случаяхъ такихъ ошибочныхъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собой большую бѣду, также предполагать безсознательное намѣреніе, подобно тому, какъ въ разсмотрѣнныхъ нами примѣрахъ?

Для рѣшенія этого вопроса у меня, какъ и слѣдуетъ ожидать, нѣтъ достаточнаго матеріала, и мнѣ приходится ограничиваться предположеніями и аналогіями. Извѣстно, что въ тяжелыхъ случаяхъ психоневроза въ качествѣ болѣзненныхъ симптомовъ выступаютъ иной разъ самоповрежденія, и что самоубійство, какъ исходъ психическаго конфликта, никогда не бываетъ при этомъ исключено. Я убѣдился,— и когда-нибудь возьмусь подтвердить это на вполнѣ выясненныхъ примѣрахъ,—что многія на видъ случайныя поврежденія, совершаемыя такими больными, въ сущности не что иное, какъ самоповрежденія: постоянно сторожащая тенденція самобичеванія, которая обычно проявляется въ упрекахъ, дѣлаемыхъ самому себѣ, или же играетъ ту или иную роль въ образованіи симптомовъ, — эта тенденція ловко утилизируетъ случайно создавшуюся внѣшнюю ситуацію или же помогаетъ ей создаться, пока не получится желаемый аффектъ — поврежденіе. Такія явленія наблюдаются весьма нерѣдко даже и въ неособенно тяжелыхъ случаяхъ, и роль, которую играетъ при этомъ безсознательное намѣреніе, сказывается въ нихъ въ цѣломъ рядѣ особенныхъ чертъ, какъ, напримѣръ, въ томъ поразительномъ спокойствіи, которое сохраняютъ больные при мнимомъ несчастіи. *)

---

*) При современномъ состояніи культуры, самоповрежденіе, не имѣющее цѣлью полнаго самоуничтоженія, вынуждено либо укры-

Изъ медицинской практики я хочу вмѣсто многихъ примѣровъ разсказать подробно одинъ случай. Одна молодая женщина упала изъ экипажа и сломала себѣ при этомъ ногу; ей приходится оставаться въ постели въ теченіе ряда недѣль, и при этомъ бросается въ глаза, какъ мало она жалуется на боль и съ какимъ спокойствіемъ переноситъ свою бѣду. Со времени этого несчастнаго случая начинается долгая и тяжкая нервная болѣзнь, отъ которой она въ концѣ концовъ излѣчивается при помощи психотерапіи. Во время лѣченія, я узнаю условія, въ которыхъ произошелъ этотъ несчастный случай, равно какъ и нѣкоторыя впечатлѣнія, предшествовавшія ему. Молодая женщина гостила вмѣстѣ со своимъ мужемъ, очень ревнивымъ человѣкомъ, въ имѣніи своей замужней сестры, въ многолюдномъ обществѣ сестеръ, братьевъ, ихъ мужей и женъ. Однажды вечеромъ она показала въ этомъ интимномъ кругу одинъ изъ своихъ талантовъ: протанцовала по всѣмъ правиламъ искусства канканъ—къ великому одобренію родныхъ, но къ неудовольствію мужа, который потомъ прошепталъ ей: ты вела себя опять, какъ дѣвка. Слово это попало въ цѣль; были ли тому виной именно танцы,—для насъ неважно. Ночь она спала неспокойно. На слѣдующее утро захотѣла ѣхать кататься. Лошадей она выбирала сама, забраковала одну пару, выбрала другую. Младшая сестра хотѣла взять съ собой своего грудного ребенка съ кормилицей; противъ этого она чрезвычайно энергично запротестовала. Во время поѣздки она нервничала, предупреждала кучера, какъ бы лошади не понесли, и когда безпокойные кони дѣйствительно закапризничали, выскочила въ испугѣ изъ коляски и сломала себѣ ногу, въ то время какъ оставшіеся въ коляскѣ вернулись цѣлыми и невредимыми. Зная эти подробности, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ несчастный случай былъ въ сущности подстроенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться той ловкости,

---

ваться за ширмой случайности, либо прибѣгать къ симулированію внезапнаго заболѣванія. Нѣкогда самоповрежденіе было обычнымъ выраженіемъ горя; въ иныя времена оно могло служить выраженіемъ набожности и отреченія отъ міра.

съ какой она заставила случай примѣнить наказаніе, столь соотвѣтствующее ея винѣ. Ибо теперь ей долгое время уже нельзя было танцовать канканъ.

У себя самого я врядъ ли могъ бы отмѣтить случаи самоповрежденія въ спокойномъ состояніи, но при исключительныхъ обстоятельствахъ они бываютъ и у меня. Когда кто-нибудь изъ моихъ домашнихъ жалуется, что прикусилъ себѣ языкъ, прищемилъ палецъ и т. д., то вмѣсто того, чтобы проявить ожидаемое участіе, я спрашиваю: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Однако, я самъ прищемилъ себѣ очень больно палецъ, когда нѣкій молодой паціентъ выразилъ у меня на пріемѣ намѣреніе (котораго, конечно, нельзя было взять въ серьезъ) жениться на моей старшей дочери, въ то время какъ я зналъ, что она какъ разъ находится въ санаторіи и ея жизни угрожаетъ величайшая опасность.

У одного изъ моихъ мальчиковъ очень живой темпераментъ, и это затрудняетъ уходъ за нимъ, когда онъ боленъ. Однажды утромъ съ нимъ случился припадокъ гнѣва изъ-за того, что ему было велѣно остаться до обѣда въ кровати, и онъ грозилъ покончить съ собой (онъ прочелъ о подобномъ случаѣ въ газетѣ). Вечеромъ онъ показалъ мнѣ шишку, которую получилъ, стукнувшись лѣвой стороной грудной клѣтки о дверную ручку. На мой ироническій вопросъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ и чего хотѣлъ этимъ добиться, одиннадцатилѣтній ребенокъ отвѣтилъ словно по наитію: это была попытка самоубійства, которымъ я грозилъ утромъ. Не думаю, чтобы мои взгляды на самоповрежденіе были тогда доступны моимъ дѣтямъ.

Кто вѣритъ въ возможность полу-намѣреннаго самоповрежденія — если будетъ позволено употребить это неуклюжее выраженіе — тотъ будетъ этимъ самымъ подготовленъ къ другому допущенію: что кромѣ сознательнаго, намѣреннаго самоубійства существуетъ еще и полунамѣренное самоуничтоженіе — съ безсознательнымъ намѣреніемъ, способнымъ ловко использовать угрожающую жизни опасность и замаскировать ее подъ видомъ случайнаго несчастья. Это отнюдь не рѣдкость, ибо число людей, у которыхъ дѣйствуетъ съ извѣстной силой тенденція къ самоуничтоженію, гораздо больше того числа, у которыхъ она одерживаетъ верхъ; самоповрежденія — это въ большинствѣ

случаевъ компромиссъ между этой тенденціей и противодѣйствующими ей силами; и тамъ, гдѣ дѣло дѣйствительно доходитъ до самоубійства, тамъ тоже склонность къ этому имѣется задолго раньше, но сказывается съ меньшей силой или въ видѣ безсознательной и подавленной тенденціи.

Сознательное намѣреніе самоубійства тоже выбираетъ себѣ время, средства и удобный случай; и это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, какъ безсознательное намѣреніе выжидаетъ какого-либо повода, который могъ бы сыграть извѣстную роль въ ряду причинъ самоубійства, отвести на себя силу отпора даннаго лица и тѣмъ высвободить его намѣреніе отъ связывающихъ его силъ. *). Это отнюдь не праздныя разсужденія; мнѣ извѣстенъ не одинъ примѣръ случайныхъ по виду несчастій (при верховой ѣздѣ или въ экипажѣ), ближайшія условія которыхъ оправдываютъ подозрѣніе безсознательно допущеннаго самоубійства. Такъ, напримѣръ, на офицерскихъ скачкахъ одинъ офицеръ падаетъ съ лошади и получаетъ столь тяжелыя пораженія, что нѣкоторое время спустя умираетъ. То, какъ онъ себя держалъ, когда пришелъ въ сознаніе, во многихъ отношеніяхъ странно. Еще болѣе заслуживаетъ вниманіе его поведеніе до этого. Онъ глубоко огорченъ

---

*) Это въ сущности то же самое, что происходитъ при покушеніяхъ сексуальнаго свойства, когда женщина не можетъ противопоставить нападенію мужчины всей своей мускульной силы, ибо нѣкоторая доля безсознательныхъ движеній ея идетъ навстрѣчу нападающему. Недаромъ говорятъ, что подобное положеніе *парализуетъ* силы женщины; остается къ этому прибавить лишь основанія, почему это происходитъ. Въ этомъ смыслѣ остроумный приговоръ Санхо Пансы, въ бытность его губернаторомъ на островѣ, психически несправедливъ. (Донъ Кихотъ, II ч., гл. XLV). Женщина привлекаетъ къ суду мужчину, который якобы насильно обезчестилъ ее. Санхо даетъ ей въ качествѣ возмѣщенія кошелекъ, взятый у подсудимаго, но послѣ того какъ женщина ушла, разрѣшаетъ ему догнать ее и отобрать кошелекъ. Оба возвращаются, борясь, обратно, и женщина хвастается, что злодѣй не въ силахъ былъ завладѣть кошелькомъ. На это Санхо отвѣчаетъ: если бы ты защищала свою честь такъ же серьезно, какъ кошелекъ, этотъ человѣкъ не могъ бы тебя лишить ея.

смертью любимой матери, начинаетъ въ обществѣ товарищей судорожно рыдать, говорить своимъ близкимъ друзьямъ, что жизнь ему надоѣла, хочетъ бросить службу и принять участіе въ африканской войнѣ, которая, вообще говоря, его ничуть не затрагиваетъ; *) блестящій ѣздокъ,—онъ теперь избѣгаетъ верховой ѣзды, гдѣ только возможно. Наконецъ, передъ скачками, отъ участія въ которыхъ онъ не могъ уклониться, онъ говоритъ о мрачномъ предчувствіи; что удивительнаго при такомъ состояніи, если предчувствіе это сбылось? Мнѣ скажутъ, что и безъ того понятно, что человѣкъ въ такой нервной депрессіи не можетъ такъ же справиться съ конемъ, какъ въ здоровомъ состояніи,—вполнѣ согласенъ; но механизмъ того моторнаго стѣсненія, которое вызывается нервозностью, я ищу въ подчеркнутомъ здѣсь намѣреніи самоубійства.

Если за случайной на первый взглядъ неловкостью и несовершенствомъ моторныхъ актовъ можетъ скрываться такое интенсивное посягательство на свое здоровье и жизнь, то остается сдѣлать еще только шагъ, чтобы найти возможнымъ распространеніе этого взгляда на такіе случаи ошибочныхъ дѣйствій, которые серьезно угрожаютъ жизни и здоровью другихъ людей. Примѣры, которые я могу привести въ подтвержденіе этого взгляда, заимствованы изъ наблюденій надъ невротиками, стало быть, не вполнѣ отвѣчаютъ нашему требованію. Сообщу здѣсь объ одномъ случаѣ, въ которомъ собственно не ошибочное дѣйствіе, а то, что можно бы скорѣе назвать симптоматическимъ или случайнымъ поступкомъ, навело меня на слѣдъ, давшій затѣмъ возможность разрѣшить конфликтъ больного. Я взялъ разъ на себя задачу улучшить супружескія отношенія въ семьѣ одного очень интеллигентнаго человѣка; недоразумѣнія между нимъ и нѣжно любящей его молодой женой, конечно, имѣли подъ собой извѣстныя реальныя основанія, но, какъ онъ самъ призпавалъ, не находили себѣ въ нихъ полнаго объясненія. Онъ неустанно носился

---

*) Что ситуація на полѣ сраженія идетъ навстрѣчу сознательному намѣренію самоубійства, все еще боящагося прямого пути, это ясно. Ср. въ „Валленштейнѣ“ слова шведскаго капитана о смерти Макса Пикколомини: „Говорятъ, онъ хотѣлъ умереть“.

съ мыслью о разводѣ, но затѣмъ опять отказался отъ нея, такъ какъ нѣжно любилъ своихъ двоихъ дѣтей. Все же онъ постоянно возвращался къ этому плану, при чемъ, однако, не испробовалъ ни единаго средства, чтобы сдѣлать свое положеніе сколько-нибудь сноснымъ. Подобнаго рода неспособность покончить съ конфликтомъ служитъ мнѣ доказательствомъ того, что въ дѣлѣ замѣшаны безсознательные и вытѣсненные мотивы, которые подкрѣпляютъ борющіеся между собою сознательные мотивы, и въ такихъ случаяхъ я берусь за ликвидацію конфликта путемъ психическаго анализа. Однажды, мужъ разсказалъ мнѣ про маленькій инцидентъ, донельзя испугавшій его. Онъ игралъ со своимъ старшимъ ребенкомъ,—котораго любитъ гораздо больше, чѣмъ второго,—поднималъ его кверху и затѣмъ опускалъ внизъ, при чемъ разъ поднялъ на такомъ мѣстѣ и такъ высоко, что ребенокъ почти что ударился теменемъ о висящую на потолкѣ тяжелую люстру. *Почти что*, но въ сущности не ударился, или чуть-чуть не ударился. Ребенку ничего не приключилось, но съ испугу у него закружилась голова. Отецъ въ ужасѣ остался на мѣстѣ съ ребенкомъ въ рукахъ,—съ матерью сдѣлался истерическій припадокъ. Та особенная ловкость, съ какой совершено было это неосторожное движеніе, интенсивность, съ какой реагировали на него родители, побудили меня усмотрѣть въ этой случайности симптоматическое дѣйствіе, въ которомъ должно было выразиться недоброе намѣреніе по отношенію къ любимому ребенку. Этому противорѣчила нѣжная любовь отца къ ребенку, но противорѣчіе устранялось, стоило лишь отнести импульсъ поврежденія къ тому времени. когда это былъ еще единственный ребенокъ и когда онъ былъ такъ малъ, что отецъ могъ и не относиться къ нему съ особенной нѣжностью. Мнѣ нетрудно было предположить, что неудовлетворенный своею женою мужъ имѣлъ такую мысль или намѣреніе: если это маленькое существо, для меня безразличное, умретъ, я буду свободенъ и смогу развестись съ женой. Желаніе смерти этого, теперь столь любимаго существа должно было такимъ образомъ безсознательно сохраниться. Отсюда нетрудно было найти путь къ безсознательной фиксаціи этого желанія. Наличность могущественнаго детерминированія дѣйствительно

выяснилось изъ дѣтскихъ воспоминаній паціента—о томъ, что смерть маленькаго брата, которую мать ставила на счетъ небрежности отца, привела къ рѣзкимъ столкновеніямъ, сопровождавшимся угрозою развода. Въ дальнѣйшей исторіи семейной жизни моего паціента, моя комбинація нашла себѣ подтвержденіе также и въ успѣшности терапіи.

IX.

Симптоматическія и случайныя дѣйствія.

Описанныя выше дѣйствія, въ которыхъ мы нашли выполненіе того или иного намѣренія, выступаютъ въ формѣ нарушенія другихъ— преднамѣренныхъ дѣйствій и совершаются подъ предлогомъ неловкости. Тѣ случайныя дѣйствія, о которыхъ мы будемъ говорить теперь, отличаются отъ ошибочныхъ дѣйствій лишь тѣмъ, что они не стремятся установить связь съ какимъ-либо сознательнымъ намѣреніемъ, и въ силу этого не нуждаются въ предлогахъ. Они выступаютъ сами по себѣ и не встрѣчаютъ сопротивленія, ибо въ нихъ никто не подозрѣваетъ цѣли и намѣренія. Ихъ совершаютъ, „ничего при этомъ не думая“, „чисто случайно“, „чтобы куда-нибудь руки дѣть“, и разсчитываютъ, что такой отвѣтъ положитъ конецъ разслѣдованію о значеніи этого поступка. Для того, чтобы оказаться въ такомъ исключительномъ положеніи, дѣйствія эти, не находящія себѣ оправданія въ неловкости, должны удовлетворять опредѣленнымъ условіямъ: не должны бросаться въ глаза, и эффектъ ихъ долженъ быть незначителенъ.

Я собралъ значительное количество такого рода случайныхъ дѣйствій у себя и у другихъ, и по тщательномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ примѣровъ полагаю, что они скорѣе заслуживаютъ названія *симптоматическихъ дѣйствій*. Они выражаютъ нѣчто, чего въ нихъ не подозрѣваетъ дѣйствующій субъектъ и что онъ обычно собирается не сообщать, а оставить при себѣ. Такимъ об-

разомъ, подобно всѣмъ остальнымъ разсмотрѣннымъ выше феноменамъ, они играютъ роль симптомовъ.

Конечно наиболѣе обильную жатву такого рода случайныхъ или симптоматическихъ дѣйствій мы собираемъ при психоаналитическомъ лѣченіи невротиковъ. Не могу удержаться, чтобы не показать на двухъ почерпнутыхъ отсюда примѣрахъ, какъ далеко идетъ и какъ тонко бываетъ проведено детерминированіе этихъ незамѣтныхъ явленій безсознательными мыслями. Грань, отдѣляющія симптоматическія дѣйствія отъ ошибочныхъ такъ не четка, что эти примѣры, я могъ бы отнести и къ предыдущей главѣ.

а) Молодая женщина разсказываетъ во время визита, что ей пришло въ голову: вчера, обрѣзывая ногти, она „порѣзала себѣ палецъ, въ то время когда хотѣла срѣзать тонкую кожицу у ногтя“. Это настолько неинтересно, что съ удивленіемъ спрашиваешь себя, зачѣмъ объ этомъ вспоминать и говорить,—и приходишь къ предположенію, что имѣешь дѣло съ симптоматическимъ дѣйствіемъ. И дѣйствительно, палецъ, съ которымъ произошло это маленькое несчастье, былъ тотъ самый, на которомъ носятъ обручальное кольцо. Кромѣ того это была годовщина дня ея свадьбы, и это обстоятельство сообщаетъ пораненію тонкой кожицы вполнѣ опредѣленный смыслъ, который не трудно разгадать. Одновременно съ этимъ она разсказываетъ также сонъ, содержащій указанія на неловкость ея мужа и на анестезію ея, какъ женщины. Однако, почему она поранила себѣ палецъ лѣвой руки, въ то время какъ обручальное кольцо носятъ вѣдь на правой? Ея мужъ юристъ—„докторъ правъ *)“, а когда она была дѣвушкой то втайнѣ была неравнодушна къ врачу (въ шутку: „докторъ лѣвой“). Бракъ съ лѣвой стороны (лѣвой руки) имѣетъ (на нѣмецкомъ языкѣ) тоже вполнѣ опредѣленное значеніе.

б) Молодая барышня разсказываетъ: „Вчера я совершенно ненарочно разорвала пополамъ билетъ въ сто гульденовъ и дала одну половинку дамѣ, бывшей у меня въ гостяхъ. Что, это тоже симпто-

*) По-нѣмецки игра словъ: „докторъ правъ“ и -докторъ правой“.

матическій поступокъ?“ Болѣе тщательное разслѣдованіе обнаруживаетъ слѣдующія детали. Билетъ въ сто гульденовъ: барышня посвящаетъ часть своего времени и состоянія дѣламъ благотворительности. Вмѣстѣ съ другой дамой она заботится о воспитаніи одного ребенка-сироты. Билетъ въ сто гульденовъ — это присланный ей взносъ той другой дамы, который она вложила въ конвертъ и пока оставила у себя на письменномъ столѣ.

Посѣтительница была уважаемая дама, оказывающая ей содѣйствіе въ другихъ благотворительныхъ дѣлахъ. Дама эта хотѣла записать себѣ имена лицъ, къ которымъ можно обратиться за пожертвованіями. Подъ рукой не было бумаги, и тогда моя паціентка схватила конвертъ, лежавшій на письменномъ столѣ и не думая о его содержимомъ разорвала его на двѣ части, изъ которыхъ одну оставила у себя, чтобы оставить у себя копію списка, а другой передала своей посѣтительницѣ. Замѣчателенъ безобидный характеръ этого нецѣлесообразнаго поступка. Какъ извѣстно ассигнація не теряетъ цѣны, будучи разорвана, если, только изъ остатковъ можно составить ее всю цѣликомъ. Что дама не выбросила бы этого куска бумаги, тому была порукой важность записанныхъ именъ; не могло быть также сомнѣнія и въ томъ, что она вернетъ цѣнное содержимое конверта, лишь только замѣтитъ.

Какое же безсознательное намѣреніе должно было выразиться въ этомъ случайномъ, совершенномъ по забывчивости дѣйствіи? Посѣтительница имѣла вполнѣ опредѣленное отношеніе къ нашему курсу лѣченія. Это она въ свое время отрекомендовала меня больной дѣвушкѣ, какъ врача, и если я не ошибаюсь, моя паціентка считаетъ себя въ долгу передъ ней за этотъ совѣтъ. Не должна ли была половинка ассигнаціи изображать нѣчто вродѣ гонорара за посредничество? Все же это было бы въ достаточной мѣрѣ странно.

Однако, къ этому присоединяется еще и матеріалъ иного рода. За нѣсколько дней до этого посредница совершенно иного свойства запросила у одной родственницы, не угодно ли будетъ барышнѣ познакомиться съ нѣкимъ господиномъ; и въ то же утро, о которомъ идетъ рѣчь, за нѣсколько часовъ до посѣщенія дамы, получилось

отъ этого господина письмо, въ которомъ онъ сдѣлалъ моей паціенткѣ предложеніе; по этому поводу много смѣялись. Когда затѣмъ дама начала разговоръ съ вопроса о здоровьѣ моей паціентки, эта последняя могла подумать: „подходящаго врача ты мнѣ отрекомендовала, но если бы ты могла помочь мнѣ найти подходящаго мужа (а за этимъ скрывалось: получить ребенка) я была бы тебѣ все же болѣе благодарна". Въ силу этой вытѣсненной мысли обѣ посредницы слились для нея воедино, и она вручила своей посѣтительницѣ гонораръ, предназначавшійся въ ея фантазіи для другой. Это рѣшеніе станетъ вполнѣ убѣдительнымъ, если добавить, что не далѣе, какъ наканунѣ вечеромъ, я ей разсказалъ про такого рода случайныя или симптоматическія дѣйствія. Она воспользовалась первымъ же случаемъ, чтобы сдѣлать нѣчто аналогичное.

Всѣ эти въ высшей степени распространенныя случайныя и симптоматическія дѣйствія можно было бы раздѣлить на двѣ группы, въ зависимости отъ того, происходятъ ли они въ силу привычки, регулярно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, или же являются актами единичными. Первыя (человѣкъ играетъ цѣпочкой отъ часовъ, щиплетъ бороду и т. п.), являющіяся едва ли не характерными для даннаго лица вообще, близко соприкасаются съ разнообразными формами тика и подлежатъ разсмотрѣнію въ связи съ ними. Ко второй группѣ я отношу такія явленія, какъ напримѣръ: человѣкъ играетъ палкой, оказавшейся у него въ рукахъ, мараетъ карандашомъ, подвернувшимся подъ руку, бренчитъ монетами въ карманѣ, лѣпитъ изъ тѣста или какого-либо другого пластическаго матеріала, теребитъ свое платье и т. д. За этими различными видами игры систематически обнаруживается при психическомъ анализѣ извѣстный смыслъ и значеніе, не находящіе себѣ иного пути. Обыкновенно данное лицо и не подозрѣваетъ о томъ, что оно нѣчто подобное дѣлаетъ, или что оно такъ или иначе видоизмѣняетъ свои обычные жесты; оно не слышитъ и не видитъ также и эффекта этихъ дѣйствій. Оно не слышитъ, напримѣръ, шума, который производитъ, побрякивая монетами въ карманѣ, и выражаетъ удивленіе и недовѣріе, когда на это обращаютъ его вниманіе. Полно значенія и заслуживаетъ вниманія врача также и все то, что человѣкъ, часто самъ того не замѣчая, про-

дѣлываетъ со своимъ платьемъ. Каждое видоизмѣненіе обычнаго костюма, мелкая неряшливость—скажемъ, незастегнутая пуговица,—каждый слѣдъ обнаженія, все это выражаетъ нѣчто, чего владѣлецъ платья не хочетъ сказать прямо или въ большинствѣ случаевъ даже и не можетъ выразить. Толкованіе этихъ мелкихъ случайныхъ дѣйствій, равно какъ и доказательства для этого толкованія, вытекаютъ каждый разъ съ достаточной убѣдительностью изъ сопутствующихъ условій, въ которыхъ происходилъ данный визитъ, изъ темы разговора, изъ тѣхъ мыслей, которыя приходятъ въ голову данному лицу, когда его вниманіе обращается на его якобы случайный поступокъ. Въ данной связи я воздержусь отъ того, чтобы подкрѣплять мои утвержденія примѣрами и анализомъ ихъ; упоминаю все же объ этихъ вещахъ потому, что полагаю, что и въ примѣненіи къ нормальнымъ людямъ они имѣютъ то же значеніе, что и для моихъ паціентовъ.

Изъ моего психотерапевтическаго опыта я могу привести случай, когда краснорѣчивое показаніе было дано рукой, игравшей хлѣбнымъ шарикомъ. Моимъ паціентомъ былъ мальчикъ, еще не достигшій 13 лѣтъ, но уже два года страдавшій истеріей въ тяжелой формѣ; продолжительное пребываніе въ водолѣчебницѣ оказалось безрезультатнымъ, и я взялъ его наконецъ къ себѣ для психоаналитическаго лѣченія. Я предполагалъ, что онъ долженъ былъ столкнуться съ тѣми или иными явленіями сексуальнаго характера, и что сообразно съ его возрастомъ его должны были мучить половые вопросы; я воздерживался, однако, отъ того, чтобы придти ему на помощь своими разъясненіями, такъ какъ хотѣлъ еще разъ провѣрить свои предпосылки. Меня интересовало, каковъ будетъ тотъ путь, которымъ обозначится у него искомое.

Мнѣ бросилось тогда въ глаза, что онъ однажды каталъ что-то пальцами правой руки, засунулъ затѣмъ въ карманъ, продолжалъ тамъ играть, потомъ опять вытащилъ и т. д. Я не спрашивалъ, что у него въ рукѣ; однако, онъ самъ показалъ мнѣ это, раскрывъ вдругъ руку. Это былъ хлѣбный мякишъ, смятый въ комокъ. Въ слѣдующій разъ онъ опять принесъ съ собой такой комокъ, и въ то время какъ мы бесѣдовали, онъ лѣпилъ изъ него съ невѣроятной

быстротой, закрывъ глаза, фигуры, которыя меня заинтересовали. Это были несомнѣнно человѣчки, съ головой, двумя руками, двумя ногами,—нѣчто вродѣ грубѣйшихъ доисторическихъ идоловъ; между ногами у нихъ онъ оставлялъ отростокъ, который онъ вытягивалъ въ видѣ длиннаго острія. Закончивъ отростокъ, мальчикъ тотчасъ же вновь комкалъ человѣчка; впослѣдствіи онъ его оставлялъ, но вытягивалъ такой же отростокъ на спинѣ и другихъ мѣстахъ, чтобы скрыть значеніе перваго. Я хотѣлъ ему показать, что понялъ его, но при этомъ устранить возможность отговорки насчетъ того, что онъ, молъ, при этой лѣпкѣ человѣчковъ ни о чемъ не думаетъ. Съ этой цѣлью я спросилъ его внезапно, помнитъ ли онъ исторію римскаго царя, который далъ посланнику своего сына отвѣтъ въ саду путемъ пантомимы. Мальчикъ не хотѣлъ этого припомнить, хотя долженъ былъ учить объ этомъ несравненно позднѣе меня. Онъ спросилъ, не исторія ли это съ рабомъ, у котораго написали отвѣтъ на гладко выбритомъ черепѣ. Нѣтъ, это относится къ греческой исторіи,—отвѣтилъ я и сталъ разсказывать. Царь Тарквиній Гордый велѣлъ своему сыну Сексту пробраться во враждебный латинскій городъ. Сынъ, успѣвшій завербовать себѣ сторонниковъ въ этомъ городѣ, послалъ къ царю гонца съ вопросомъ, что ему дѣлать дальше. Царь ничего не отвѣтилъ, пошелъ въ садъ, велѣлъ тамъ повторить вопросъ и молча сталъ сбивать самыя большія и красивыя головки мака. Гонцу не осталось ничего другого, какъ разсказать объ этомъ Сексту, который понялъ отца и нашелъ удобный случай, чтобы убить наиболѣе видныхъ гражданъ города.

Въ то время, какъ я говорилъ, мальчикъ пересталъ лѣпить, и когда я еще только началъ разсказывать о томъ, что сдѣлалъ царь въ своемъ саду, то уже при словахъ „молча сталъ сбивать", онъ съ молніеносно быстрымъ движеніемъ оторвалъ своему человѣчку голову. Стало быть онъ меня понялъ и замѣтилъ, что понятъ мною. Теперь я могъ прямо поставить ему вопросы, далъ нужныя ему разъясненія, и въ теченіе короткаго времени мы покончили съ неврозомъ.

Симптоматическія дѣйствія, которыя можно наблюдать въ неисчерпаемомъ изобиліи у здоровыхъ, какъ и у больныхъ людей, заслужи-

ваютъ нашего вниманія по многимъ причинамъ. Врачу они служатъ часто цѣнными указаніями для оріентировки въ новыхъ или недостаточно знакомыхъ ему условіяхъ; наблюдателю человѣческой жизни они говорятъ нерѣдко все, иной разъ даже больше, чѣмъ онъ самъ хотѣлъ бы знать. Кто умѣетъ ихъ цѣнить, долженъ иной разъ походить на царя Соломона, который, по словамъ восточнаго сказанія, понималъ языкъ звѣрей. Однажды, я долженъ былъ подвергнуть медицинскому осмотру незнакомаго мнѣ молодого человѣка въ домѣ его матери. Когда онъ вышелъ мнѣ навстрѣчу, мнѣ бросилось въ глаза на его брюкахъ большое пятно бѣлка, которое можно узнать по особымъ затвердѣлымъ краямъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ смущенія молодой человѣкъ сталъ оправдываться, что онъ охрипъ и выпилъ поэтому сырое яйцо, при чемъ нѣсколько капель жидкаго бѣлка, очевидно, и вылились на его брюки; въ подтвержденіе этого онъ могъ показать мнѣ яичную скорлупу, которая еще осталась на тарелкѣ въ той же комнатѣ. Такимъ образомъ, подозрительное пятно было объяснено самымъ безобиднымъ образомъ; однако, когда его мать оставила насъ однихъ, я поблагодарилъ его за то, что онъ такъ облегчилъ мнѣ діагнозъ, и безъ дальнѣйшихъ вопросовъ взялъ за основу нашего разговора его признаніе, что онъ страдаетъ мастурбаціей. Другой разъ, я посѣтилъ на дому нѣкую столь же богатую сколько скупую и глупую даму, ставившую обычно предъ врачемъ задачу прокладывать себѣ дорогу чрезъ цѣлое полчище жалобъ, пока не доберешься до самаго простого объясненія ея положенія. Когда я вошелъ, она сидѣла за небольшимъ столомъ и занималась тѣмъ, что раскладывала кучками серебряные гульдены; когда она поднялась, нѣсколько монетъ упали на полъ. Я помогъ ей подобрать ихъ и когда она стала разсказывать о своихъ бѣдствіяхъ, скоро перебилъ ее вопросомъ: стало быть вашъ знатный зять опять ввергъ васъ въ расходъ? Она съ озлобленіемъ отрицала это—съ тѣмъ, чтобы нѣсколькими минутами спустя разсказать мнѣ досадную исторію о томъ, какъ ее взволновала расточительность зятя. Съ тѣхъ поръ она меня уже больше не приглашала. Не могу сказать, чтобы съ тѣми, кому объясняешь значеніе ихъ симптоматическихъ дѣйствій, всегда устанавливались дружескія отношенія.

Случайныя и симптоматическія дѣйствія, относящіяся къ области супружескихъ отношеній, имѣютъ зачастую самое серьезное значеніе и могли бы заставить человѣка, не желающаго считаться съ психологіей безсознательнаго, — увѣровать въ примѣры. Когда молодая женщина во время свадебнаго путешествія теряетъ свое обручальное кольцо,—это дурное начало; впрочемъ, обыкновенно оказывается, что она куда-нибудь заложила его и потомъ находитъ. — Я знаю одну даму,—теперь она уже развелась съ мужемъ,—которая сплошь да рядомъ подписывала свои бумаги—по дѣламъ имущества—своей дѣвичьей фамиліей, и это за много лѣтъ до того, какъ она стала ее вновь носить на самомъ дѣлѣ.—Однажды, я былъ въ гостяхъ у молодоженовъ и слышалъ, какъ молодая женщина со смѣхомъ разсказывала, что съ ней недавно случилось. На слѣдующій день послѣ возвращенія изъ путешествія она пошла къ своей незамужней сестрѣ, чтобы, какъ въ прежнія времена, отправиться съ ней вмѣстѣ за покупками, въ то время какъ мужъ ея пошелъ по своимъ дѣламъ. Вдругъ ей бросился въ глаза какой-то господинъ, шедшій по другой сторонѣ улицы, она толкнула сестру и вскрикнула: смотри, вотъ господинъ Л. Она забыла, что этотъ господинъ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль—ея мужъ. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда я это услышалъ; все же я не рѣшился сдѣлать отсюда соотвѣтствующій выводъ. Мелкій инцидентъ этотъ вспомнился мнѣ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, когда бракъ этотъ закончился самымъ несчастнымъ образомъ.

О знаменитой артисткѣ Элеонорѣ Дузе одинъ мой другъ, научившійся внимательно присматриваться къ знакамъ, разсказываетъ, что въ одной изъ своихъ ролей она совершаетъ симптоматическое дѣйствіе, ясно показывающее, изъ какихъ глубокихъ источниковъ идетъ ея игра. Это драма супружеской невѣрности; героиня только что имѣла объясненіе съ мужемъ и стоитъ теперь въ сторонѣ, погруженная въ мысли, въ ожиданіи соблазнителя. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, она играетъ обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ, снимаетъ его, надѣваетъ вновь, и опять снимаетъ. Теперь она созрѣла уже для другого.

Мнѣ извѣстенъ также случай съ однимъ пожилымъ господиномъ, который взялъ себѣ въ жены очень юную дѣвушку и собирался провести свадебную ночь не въ дорогѣ, а въ одномъ изъ отелей того же города. Едва они успѣли пріѣхать въ отель, какъ онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что при немъ нѣтъ бумажника, въ которомъ лежали всѣ деньги, предназначенные для свадебной поѣздки; онъ сунулъ его куда-нибудь или потерялъ. Удалось еще разыскать при помощи телефона слугу, который нашелъ бумажникъ въ старомъ сюртукѣ молодожена и принесъ его въ отель своему господину, вступившему такимъ образомъ въ бракъ безъ состоянія. Благодаря этому онъ могъ на другое утро отправиться со своей молодой женой въ дорогу; но въ теченіе ночи онъ, какъ это и предусматривали его опасенія, остался „несостоятельнымъ".

Утѣшительно думать, что приключающіяся съ людьми „потери" являются чаще, чѣмъ мы полагаемъ, симптоматическими дѣйствіями и идутъ благодаря этому навстрѣчу хотя бы тайному намѣренію потерпѣвшаго лица. Потеря бываетъ часто лишь выраженіемъ того, что человѣкъ не дорожитъ утраченнымъ предметомъ, втайнѣ нерасположенъ къ этому предмету или къ лицу, отъ котораго онъ исходитъ, или, наконецъ, что готовность утраты была перенесена на этотъ предметъ съ другихъ, болѣе важныхъ объектовъ, путемъ символической ассоціаціи мыслей. Потеря болѣе цѣнныхъ вещей служитъ выраженіемъ для самыхъ разнообразныхъ импульсовъ, она должна либо символически представлять вытѣсненную мысль и, стало быть, повторять напоминаніе, которое охотнѣе всего хотѣлось бы пропустить мимо ушей, либо—и это скорѣе всего — она стремится принести жертву темнымъ силамъ судьбы, культъ которыхъ не исчезъ еще и въ нашей средѣ. *)

---

*) Вотъ маленькая коллекція различныхъ симптоматическихъ дѣйствій, наблюдавшихся у здоровыхъ и у больныхъ людей. Пожилой коллега, не любящій проигрывать въ карты, однажды вечеромъ, не жалуясь но въ какомъ-то странномъ, сдержанномъ настроеніи уплачиваетъ довольно значительную проигранную сумму. Послѣ его ухода оказывается, что онъ оставилъ на своемъ мѣстѣ

Изъ числа единичныхъ случайныхъ дѣйствій я приведу примѣръ, который и безъ анализа допускаетъ болѣе глубокое толкованіе и прекрасно выясняетъ условія, при которыхъ подобные симптомы продуцируются самымъ незамѣтнымъ образомъ; въ связи съ нимъ умѣстно будетъ также одно практически важное замѣчаніе. Лѣтомъ, во время путешествія мнѣ случилось въ одной мѣстности ждать нѣсколько дней своего спутника. Въ это время я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, который также чувствовалъ себя одинокимъ и охотно составилъ мнѣ компанію. Такъ какъ мы жили въ одномъ отелѣ, то естественно сложилось такъ, что мы рядомъ сидѣли за

едва ли не все, что имѣлъ при себѣ: очки, портсигаръ, носовой платокъ. Въ переводѣ это должно означать: Разбойники! Ловко вы меня ограбили.—Одинъ господинъ, страдающій отъ времени до времени импотенціей, коренящейся въ его искреннихъ отношеніяхъ къ матери въ дѣтствѣ, разсказываетъ о своей привычкѣ снабжать рукописи и записи буквой S., первой буквой имени его матери. Онъ не переноситъ, чтобы письма изъ дому соприкасались на его письменномъ столѣ съ другими, нечистыми письмами, и вынужденъ поэтому прятать ихъ отдѣльно.— Молодая дама вдругъ открываетъ дверь моей пріемной, въ которой еще находится предыдущая посѣтительница. Она оправдывается тѣмъ что „не подумала": вскорѣ однако обнаруживается, что она демонстрировала то же любопытство, которое въ свое время заставляло ее проникать въ спальню родителей. — Дѣвушки, гордящіяся своими красивыми волосами, умѣютъ такъ ловко обходиться съ гребнемъ и шпильками, что волосы разсыпаются у нихъ во время разговора.— Многіе мужчины, подвергаясь медицинскому изслѣдованію (въ лежачемъ положеніи) высыпаютъ деньги изъ кармана и такимъ образомъ вознаграждаютъ трудъ врача сообразно съ тѣмъ, какъ они его цѣнятъ.—Кто забываетъ у врача предметъ, принесенный съ собой, напр. пенснэ, платокъ, сумку,— показываетъ этимъ обыкновенно, что не можетъ вырваться и хотѣлъ бы скоро вернуться.—Кто возьметъ на себя трудъ, подобно Юнгу (Über die Psychologie der Dementia praecox, 1907, p. 62), прослѣдить тѣ мелодіи, которыя напѣваешь про себя ненарочно, часто самъ того не замѣчая, тотъ сможетъ установить, въ видѣ общаго правила, связь между текстомъ пѣсни и занимающимъ данное лицо комплексомъ.

столомъ и вмѣстѣ совершали прогулки. На третій день онъ вдругъ сообщилъ мнѣ послѣ обѣда, что ожидаетъ сегодня вечеромъ со скорымъ поѣздомъ свою жену. Это пробудило во мнѣ интересъ психолога, ибо я еще утромъ замѣтилъ, что мой знакомый отклонилъ предложеніе насчетъ болѣе крупной экскурсіи и во время той небольшой прогулки, которую мы совершили, не захотѣлъ итти по одной изъ дорожекъ,—слишкомъ крутой и опасной по его мнѣнію. Гуляя послѣ обѣда, онъ сталъ вдругъ говорить о томъ, что я вѣроятно голоденъ, просилъ, чтобы я не откладывалъ изъ-за него ужина, такъ какъ онъ самъ будетъ ужинать лишь, когда пріѣдетъ его жена, вмѣстѣ съ ней. Я понялъ намекъ и сѣлъ за столъ, когда онъ отправился на вокзалъ. На слѣдующее утро мы встрѣтились въ вестибюлѣ отеля. Онъ представилъ мнѣ жену и добавилъ затѣмъ: Вѣдь Вы позавтракаете съ нами? Мнѣ нужно было еще сходить койзачѣмъ въ ближайшую улицу, и я обѣщалъ скоро вернуться. Когда я вошелъ въ столовую, то увидѣлъ, что мои знакомые усѣлись за маленькимъ столикомъ у окна, занявъ мѣста по одну сторону его. По другую сторону стоялъ стулъ, на спинкѣ котораго висѣлъ большой тяжелый плащъ молодого человѣка, покрывая сидѣніе. Я прекрасно понялъ смыслъ этого размѣщенія, безсознательнаго, конечно, но тѣмъ болѣе выразительнаго. Это означало: тебѣ здѣсь не мѣсто, теперь ты лишній. Мужъ не замѣтилъ, что я остановился передъ стуломъ, не садясь; жена замѣтила это, тотчасъ же толкнула его и шепнула ему: Ты же занялъ мѣсто этого господина!

Въ этомъ, какъ и въ подобныхъ ему случаяхъ я говорю себѣ, что ненамѣренныя дѣйствія должны неминуемо служить источниками недоразумѣній въ общеніи между людьми. Совершающій ихъ, не подозрѣвая связаннаго съ ними намѣренія, не вмѣняетъ себѣ ихъ въ вину и не считаетъ себя за нихъ отвѣтственнымъ. Но тотъ, противъ кого они направляются, обыкновенно дѣлаетъ изъ подобныхъ дѣйствій своего партнера опредѣленные выводы о его намѣреніяхъ и настроеніяхъ и знаетъ о его переживаніяхъ больше, чѣмъ тотъ готовъ признать, больше, чѣмъ тотъ—на его собственный взглядъ—обнаружилъ. Партнеръ въ свою очередь возмущается, если ему ставятъ на видъ сдѣланные изъ его симптоматическихъ дѣйствій вы-

воды, считаетъ ихъ ни на чемъ не основанными,—ибо намѣреніе, руководившее имъ, не дошло до его сознанія,—и жалуется на недоразумѣніе. При ближайшемъ разсмотрѣніи такія недоразумѣнія основываются на томъ, что наблюдающее лицо понимаетъ слишкомъ тонко и слишкомъ много. Чѣмъ болѣе „нервны" оба дѣйствующихъ лица, тѣмъ скорѣе они оба подаютъ поводъ къ треніямъ, при чемъ каждый столь же рѣшительно отрицаетъ свою вину, сколько увѣренъ въ винѣ другого. Быть можетъ, въ этомъ и заключается наказаніе за внутреннюю неискренность, что люди подъ предлогомъ забвенія, ошибки, непреднамѣренности, даютъ проявиться такимъ импульсамъ, въ которыхъ лучше было бы признаться и себѣ самому и другимъ, если уже нельзя ихъ преодолѣть. Можно установить, какъ общее правило, что каждый человѣкъ непрестанно подвергаетъ другихъ людей психическому анализу и благодаря этому знаетъ ихъ лучше, чѣмъ самого себя. Путь къ осуществленію призыва γνῶθι σεαυτόν ведетъ чрезъ изученіе своихъ собственныхъ случайныхъ на видъ дѣйствій и упущеній.

X.

Ошибки.

Ошибки памяти отличаются отъ забыванія съ неправильнымъ припоминаніемъ лишь одной чертой; ошибка (неправильное припоминаніе) не воспринимается, какъ таковая, и находитъ себѣ вѣру. Употребленіе слова „ошибка“ связано однако съ другимъ условіемъ. Мы говоримъ объ „ошибкѣ“ вмѣсто того, чтобы говорить о „неправильномъ воспоминаніи“ тогда когда въ воспроизводимомъ психическомъ матеріалѣ долженъ быть подчеркнутъ характеръ объективной реальности, когда, стало быть, припоминанію подлежитъ не фактъ моей внутренней психической жизни, а нѣчто, поддающееся подтвержденію или опроверженію при помощи припоминанія другихъ людей. Противоположностью ошибкамъ памяти въ этомъ смыслѣ является незнаніе.

Въ моей книгѣ „Die Traumdeutung“ (1900 г.) я допустилъ цѣлый рядъ искаженій историческаго и вообще фактическаго матеріала, и былъ очень удивленъ, когда послѣ выхода книги въ свѣтъ на нихъ обратили мое вниманіе. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи я нашелъ, что причиной тому было не мое незнаніе, а ошибки памяти, которыя можно объяснить путемъ анализа.

а) На стр. 266 я говорю, что Шиллеръ родился въ Марбургѣ,— названіе города, встрѣчающееся также въ Штиріи. Ошибка сдѣлана въ изложеніи анализа одного сна, который я видѣлъ во время ночной поѣздки, когда кондукторъ разбудилъ меня, выкрикнувъ названіе *Марбургъ*. Въ этомъ снѣ былъ заданъ вопросъ объ одной книгѣ

Шиллера. Но Шиллеръ родился не въ университетскомъ городѣ *Марбургѣ*, а въ швабскомъ *Марбахѣ*. Я утверждаю, что всегда зналъ это.

б) На стр. 135 я назвалъ отца *Ганнибала—Гасдрубаломъ*. Эта ошибка была мнѣ особенно досадна, но зато и больше всего убѣдила меня въ правильности моего взгляда на такого рода ошибки. Въ исторіи Баркидовъ рѣдкій изъ читателей болѣе освѣдомленъ, чѣмъ авторъ, сдѣлавшій эту ошибку и проглядѣвшій ее при корректированіи книги. Отцомъ *Ганнибала* былъ *Гамилькаръ Барка*, *Гасдрубалъ*—имя брата Ганнибала, а также и его шурина и предшественника на посту полководца.

в) На стр. 177 и 370 я утверждаю, что *Зевсъ* оскопилъ и свергъ съ престола своего отца *Кроноса*. Злодѣяніе это я по ошибкѣ передвинулъ на цѣлое поколѣніе; въ греческой миѳологіи это сдѣлалъ *Кроносъ* со своимъ отцомъ *Ураномъ*.

Какъ же объяснить, что моя память измѣнила мнѣ здѣсь, въ то время какъ въ другихъ случаяхъ, какъ въ этомъ могутъ убѣдиться читатели моей книги, къ моимъ услугамъ оказывается самый отдаленный и малоупотребительный матеріалъ? И затѣмъ, какимъ образомъ, при трехъ тщательнѣйшихъ корректурахъ я проглядѣлъ эти ошибки, словно пораженный слѣпотой?

Гёте сказалъ про Лихтенберга: когда онъ шутитъ, то въ его шуткѣ таится проблема. По аналогіи съ этимъ можно было бы сказать про приведенныя здѣсь мѣста моей книги: гдѣ встрѣчается ошибка, тамъ за ней скрывается вытѣсненіе. Или вѣрнѣе: неискренность, искаженіе, въ послѣднемъ счетѣ основывающееся на вытѣсненіи. При анализѣ сновъ, приводимыхъ въ этой книгѣ я былъ вынужденъ по самой природѣ тѣхъ темъ, на которыя распространялось содержаніе сновъ, съ одной стороны обрывать анализъ, не доводя его до полнаго окончанія, съ другой же стороны, смягчать ту или иную нескромную частность, слегка искажая ее. Иначе нельзя было поступить, развѣ если отказаться вообще отъ приведенія примѣровъ; у меня не было выбора, это неизбѣжно вытекало изъ особенности, присущей снамъ: служить выраженіемъ для вытѣсненнаго, т.-е. не подлежащаго сознанію матеріала. Несмотря на это все же осталось

вѣроятно немало такого, что могло шокировать щепетильныхъ людей. Это-то искаженіе или ощущеніе извѣстнаго мнѣ продолженія мыслей не прошло безслѣдно. То, что я хотѣлъ подавить, нерѣдко прокладывало себѣ противъ моего желанія дорогу въ область того, что было мной включено въ изложеніе, и проявлялось тамъ въ формѣ ошибокъ, незамѣтныхъ для меня. Въ основѣ всѣхъ трехъ приведенныхъ мной выше примѣровъ лежитъ, впрочемъ, одна и та же тема: ошибки эти коренятся въ вытѣсненныхъ мысляхъ, касающихся моего покойнаго отца.

Примѣръ а): кто дастъ себѣ трудъ прочесть проанализированный на стр. 266 сонъ, тотъ замѣтитъ —частью прямо, частью изъ намековъ,—что я оборвалъ анализъ на мысляхъ, которыя должны были заключать въ себѣ недоброжелательную критику моего отца. Если продолжать этотъ рядъ мыслей и воспоминаній, то въ немъ можно найти одну непріятную исторію, въ которой замѣшаны книги и нѣкій господинъ, съ которымъ мой отецъ велъ дѣла, по фамиліи *Марбургъ*— то же имя, которое выкрикнулъ разбудившій меня кондукторъ. При анализѣ я хотѣлъ скрыть этого господина отъ себя и отъ читателей; онъ отомстилъ за себя, забравшись туда, гдѣ ему быть не слѣдовало, и превративъ названіе родины Шиллера изъ *Марбаха* въ *Марбургъ*.

Прим. б): ошибка, благодаря которой я написалъ *Гасдрубалъ* вмѣсто *Гамилькара*—имя брата вмѣсто имени отца, была сдѣлана какъ разъ въ такой связи, въ которой дѣло касалось моихъ гимназическихъ мечтаній о Ганнибалѣ и моего недовольства поведеніемъ отца по отношенію къ „врагамъ нашего народа". Я могъ бы продолжить изложеніе и разсказать, какъ мое отношеніе къ отцу измѣнилось послѣ поѣздки въ Англію, гдѣ я познакомился съ живущимъ тамъ сводным братомъ, сыномъ отца отъ перваго брака. У моего брата есть старшій сынъ, одного возраста со мной; такъ что поскольку дѣло шло о возрастѣ, ничто не нарушало моихъ мечтаній о томъ, какъ все было бы иначе, если бы я былъ сыномъ не своего отца, а брата. Эти подавленныя мной мечтанія и исказили текстъ моей книги въ томъ мѣстѣ, гдѣ я оборвалъ анализъ,—заставили меня поставить на мѣсто имени отца имя брата.

Примѣръ в): вліянію воспоминаній о томъ же братѣ я приписы-

ваю и третью ошибку,—когда я передвинулъ на цѣлое поколѣніе миѳическое злодѣяніе изъ міра греческихъ боговъ. Изъ числа того, въ чемъ меня убѣждалъ мой братъ, одно осталось у меня надолго въ памяти. „Что касается образа жизни,—сказалъ онъ мнѣ,—то не забывай одного: ты принадлежишь въ сущности не ко второму, а къ третьему поколѣнію, считая отъ отца". Нашъ отецъ женился впослѣдствіи вторично и былъ такимъ образомъ на много старше своихъ дѣтей отъ второго брака. Указанную ошибку я сдѣлалъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ книги, гдѣ говорю о чувствѣ почтенія, связывающемъ родителей и дѣтей.

Нѣсколько разъ случалось также, что мои друзья и паціенты, чьи сны я излагалъ или намекалъ на нихъ при анализѣ, обращали мое вниманіе на то, что я неточно передаю пережитое нами совмѣстно. Это были опять историческія ошибки. Послѣ исправленія я разсмотрѣлъ отдѣльные случаи и опять-таки убѣдился, что припоминалъ неправильно фактическую сторону дѣла лишь тамъ, гдѣ при анализѣ я что-либо намѣренно исказилъ или скрылъ. Здѣсь опять, стало быть, *незамѣченная ошибка играетъ роль реванша за намѣренное умолчаніе или вытѣсненіе.*

Отъ такого рода ошибокъ, коренящихся въ вытѣсненіи, рѣзко отличаются другія ошибки, основывающіяся на дѣйствительномъ незнаніи. Напримѣръ незнаніемъ объясняется, что я разъ на прогулкѣ въ Вахау думалъ, что посѣтилъ мѣсто пребываніе революціонера Фишгофа. Здѣсь имѣлось лишь совпаденіе именъ: Эммерсдорфъ Фишгофа лежитъ въ Каринтіи. Но я этого просто не зналъ.

Еще одна пристыдившая меня и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительная ошибка,—примѣръ временнаго невѣжества, если можно такъ выразиться. Одинъ паціентъ напомнилъ мнѣ какъ-то разъ о моемъ обѣщаніи дать ему двѣ книги о Венеціи, по которымъ онъ хотѣлъ подготовиться къ своему пасхальному путешествію. Я ихъ отложилъ уже—отвѣтилъ я и пошелъ за ними въ свою библіотеку. На самомъ дѣлѣ я забылъ отобрать ихъ, ибо былъ неособенно доволенъ поѣздкой моего паціента, въ которой видѣлъ ненужное нарушеніе курса лѣченія и матеріальный ущербъ для врача. Въ библіотекѣ я на скорую руку отыскиваю тѣ двѣ книги, которыя имѣлъ въ виду.

Одна изъ нихъ—„Венеція, какъ городъ искусства“; кромѣ этого у меня должно быть еще одно историческое сочиненіе изъ подобной же серіи. Вѣрно; вотъ оно: „Медичи“; беру его, несу къ ожидающему меня паціенту, съ тѣмъ. чтобы въ смущеніи признать свою ошибку. Вѣдь я же знаю, что Медичи ничего общаго не имѣютъ съ Венеціей, но въ данный моментъ я въ этомъ не увидѣлъ ничего неправильнаго. Пришлось быть справедливымъ; я такъ часто указывалъ моему паціенту на его собственныя симптоматическія дѣйствія, что спасти свой авторитетъ я могъ лишь честно признавъ скрытые мотивы моего предрасположенія противъ его поѣздки.

Въ общемъ удивляешься, насколько стремленіе къ правдѣ сильнѣе у людей, чѣмъ обыкновенно предполагаешь. Быть можетъ, это результатъ моихъ работъ надъ психическими анализами, но я не могу лгать. Стоитъ мнѣ сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, и я тотчасъ же совершаю какую-нибудь ошибку или другое дефектное дѣйствіе, которымъ моя неискренность выдастъ себя; такъ и было въ тѣхъ примѣрахъ, которые я уже привелъ, и которые приведу еще ниже.

Среди всѣхъ дефектныхъ актовъ механизмъ ошибки обнаруживаетъ наименьшую связанность; иными словами, наличность ошибки свидѣтельствуетъ лишь въ самой общей формѣ о томъ, что соотвѣтствующей душевной дѣятельности приходится выдерживать борьбу съ какой-либо помѣхой, причемъ самый характеръ ошибки не детерминируется свойствами скрытой разстраивающей идеи. Слѣдуетъ, однако, заднимъ числомъ замѣтить, что во многихъ несложныхъ случаяхъ обмолвокъ и описокъ надо предположить то же самое.

Каждый разъ, когда мы совершаемъ обмолвку или описку, мы имѣемъ право заключить о наличности помѣхи въ видѣ душевныхъ процессовъ, лежащихъ внѣ нашего намѣренія; надо, однако, допустить, что обмолвки и описки нерѣдко повинуются законамъ сходства, удобства или стремленія ускорить процессъ, причемъ фактору, играющему роль помѣхи, не удается наложить свою собственную печать на получающуюся въ результатѣ обмолвки или описки—ошибку. Лишь благопріятный словесный матеріалъ даетъ возможность детермини-

ровать ошибку, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ ей также и предѣлъ.

Чтобы не ограничиваться лишь своими собственными ошибками, приведу еще два примѣра; ихъ съ тѣмъ же основаніемъ можно было бы отнести въ разрядъ обмолвокъ и дѣйствій, совершаемыхъ по ошибкѣ, но при равноцѣнности всѣхъ этихъ явленій это не играетъ роли.

а) Я запретилъ своему паціенту вызывать по телефону женщину, съ которой онъ собирался порвать, такъ какъ всякій разговоръ вновь разжигаетъ борьбу, связанную съ отвыканіемъ. Предлагаю ему сообщить ей письменно свое послѣднее слово, хотя и есть нѣкоторыя трудности въ доставкѣ писемъ. Въ часъ дня онъ приходитъ ко мнѣ и сообщаетъ, что нашелъ путь, чтобы обойти эти трудности, и спрашиваетъ между прочимъ, можетъ ли онъ сослаться на мой авторитетъ, какъ врача. Два часа онъ занятъ составленіемъ письма, но вдругъ прерываетъ писаніе и говоритъ находящейся тутъ же матери: я позабылъ спросить профессора, можно ли упомянуть въ письмѣ его имя; спѣшитъ къ телефону, проситъ соединить себя съ такимъ-то номеромъ и спрашиваетъ въ трубку: г. профессоръ уже пообѣдалъ? можно его попросить къ телефону? Въ отвѣтъ на это раздается изумленное: „Адольфъ, ты съ ума сошелъ?“—тотъ именно голосъ, котораго онъ согласно моему предписанію, не долженъ былъ больше слышать. Онъ лишь „ошибся“ и вмѣсто номера врача сказалъ номеръ любимой женщины.

б) Въ одной дачной мѣстности нѣкій школьный учитель, бѣднякъ, но красивый молодой человѣкъ, до тѣхъ поръ ухаживалъ за дочерью нѣкоего столичнаго домовладѣльца, пока дѣвушка не влюбилась въ него страстно и не убѣдила свою семью согласиться на ихъ бракъ, несмотря на разницу въ положеніи и на расовыя различія. Однажды учитель пишетъ письмо брату, въ которомъ говорится: „дѣвчурка совершенно не красива, но она очень мила, и этого было бы достаточно. Но рѣшусь ли я жениться на еврейкѣ, не могу тебѣ еще сказать“. Письмо это попадаетъ въ руки невѣстѣ, и бракъ разстраивается; въ это же время братъ изумляется любовнымъ изліяніямъ, адресованнымъ ему. Лицо, сообщившее мнѣ объ этомъ,

увѣряло меня, что здѣсь была ошибка, а не ловко подстроенная комбинація. Извѣстенъ мнѣ еще одинъ случай, когда дама, недовольная своимъ прежнимъ врачемъ, но не хотѣвшая ему прямо отказать, тоже перепутала письма; въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, и я могу удостовѣрить, что этотъ обычный водевильный пріемъ былъ примѣненъ не въ силу сознательной хитрости, а въ результатѣ ошибки.

Быть можетъ, читатели будутъ склонны считать объясненную здѣсь группу ошибокъ мало распространенной и не особенно важной. Я хочу, однако, обратить ихъ вниманіе на то, не имѣемъ ли мы основанія разсматривать съ той же точки зрѣнія также и *ошибочныя сужденія* людей въ жизни и наукѣ. Быть можетъ, лишь избранные и наиболѣе уравновѣшенные умы способны уберечь картину воспринятой ими внѣшней дѣйствительности отъ того искаженія, которое она терпитъ, проходя чрезъ психическую индивидуальность воспринимающаго лица.

XI.

Комбинированныя дефектныя дѣйствія.

Два изъ приведенныхъ въ предыдущей главѣ примѣровъ — моя ошибка съ Медичи, перенесенными мной въ Венецію, и ошибка молодого человѣка, добившагося, несмотря на запретъ, возможности поговорить по телефону со своей возлюбленной,—описаны мной собственно неточно и при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи оказываются комбинаціей изъ забвенія и ошибки. Такая же комбинація можетъ быть еще яснѣе показана на другихъ примѣрахъ.

а) Одинъ мой другъ разсказываетъ мнѣ слѣдующій случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—говоритъ онъ—я согласился быть избраннымъ въ члены бюро одного литературнаго общества, предполагая, что общество поможетъ мнѣ добиться постановки моей драмы, и регулярно, хотя и безъ особаго интереса принималъ участіе въ засѣданіяхъ, происходившихъ каждую пятницу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ обѣщаніе, что моя пьеса будетъ поставлена въ ф-скомъ театрѣ, и съ тѣхъ поръ я сталъ регулярно *забывать* о засѣданіяхъ этого общества. Когда я прочелъ вашу книгу объ этихъ вещахъ, я самъ устыдился своей забывчивости, сталъ упрекать себя—некрасиво, молъ, манкировать теперь, когда я пересталъ нуждаться въ этихъ людяхъ,—и рѣшилъ въ слѣдующую пятницу непремѣнно не позабыть. Все время я вспоминалъ объ этомъ намѣреніи, пока, наконецъ, не выполнилъ его. Но когда я пришелъ въ помѣщеніе общества, то къ моему удивленію двери были закрыты, засѣданіе уже состоялось. Я ошибся днемъ: была уже суббота!

б) Слѣдующій примѣръ представляетъ собой комбинацію симптоматическаго дѣйствія и закладыванія предметовъ; онъ дошелъ до меня далекими окольными путями, но источникъ вполнѣ достовѣренъ.

Одна дама ѣдетъ со своимъ шуриномъ, знаменитымъ художникомъ, въ Римъ. Живущіе въ Римѣ нѣмцы горячо чествуютъ художника и между прочимъ подносятъ ему въ подарокъ античную золотую медаль. Дама недовольна тѣмъ, что ея шуринъ недостаточно цѣнитъ эту красивую вещь. Смѣненная своей сестрой и вернувшись домой, она, раскладывая свои вещи, замѣчаетъ, что неизвѣстно какимъ образомъ захватила съ собой медаль. Она тотчасъ же пишетъ объ этомъ шурину и увѣдомляетъ его, что на слѣдующій день отошлетъ завезенную ею вещь въ Римъ. Однако, на слѣдующій день, медаль такъ искусно запрятана куда-то, что нѣтъ возможности найти ее и отослать; и тогда дама начинаетъ смутно догадываться, что означала ея разсѣянность: желаніе оставить вещь у себя.

Не стану утверждать, чтобы подобные случаи комбинированныхъ погрѣшностей могли намъ дать что-либо новое, что не было бы намъ извѣстно уже изъ примѣровъ отдѣльныхъ погрѣшностей, но смѣны формъ, ведущихъ, однако, все къ тому же результату, создаетъ еще болѣе выпуклое впечатлѣніе наличности воли, направленной къ достиженію опредѣленной цѣли, и гораздо болѣе рѣзко противорѣчитъ взгляду, будто ошибочное дѣйствіе является чѣмъ-то случайнымъ и не нуждается въ истолкованіи. Обращаетъ на себя вниманіе также и то, что въ этихъ примѣрахъ сознательному намѣренію никакъ не удается помѣшать успѣху ошибочнаго дѣйствія. Моему другу такъ и не удается посѣтить засѣданіе общества, дама оказывается не въ состояніи разстаться съ медалью. Если одинъ путь оказывается прегражденнымъ, тогда то неизвѣстное, что противится нашимъ намѣреніямъ, находитъ себѣ другой выходъ. Для того, чтобы преодолѣть неизвѣстный мотивъ, требуется еще нѣчто другое, кромѣ сознательнаго встрѣчнаго намѣренія: нужна психическая работа, доводящая до сознанія неизвѣстное.

XII.

Детерминизмъ.—Вѣра въ случайности и суевѣріе.— Общія замѣчанія.

Въ качествѣ общаго вывода изъ всего сказаннаго выше объ отдѣльныхъ феноменахъ, можно установить слѣдующее положеніе. *Извѣстные недостатки нашихъ психическихъ функцій*— общій характеръ которыхъ будетъ ниже опредѣленъ болѣе точно— *и извѣстныя непреднамѣренныя на видъ отправленія оказываются, будучи подвергнуты психоаналитическому изслѣдованію, вполнѣ мотивированными и детерминированными, причемъ мотивы скрыты отъ сознанія.*

Для того чтобы быть отнесеннымъ къ разряду объясняемыхъ такимъ образомъ феноменовъ, психическое дефектное дѣйствіе должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ.

а) Оно не должно выходить за извѣстный предѣлъ, установленный нашимъ сужденіемъ и обозначенный словами „въ границахъ нормальнаго".

б) Оно должно носить характеръ временнаго и преходящаго разстройства. Нужно, чтобы то же дѣйствіе передъ этимъ выполнялось правильно или чтобы мы считали себя способными въ любой моментъ выполнить его. Если насъ поправилъ кто-либо другой, нужно, чтобы мы тотчасъ же увидѣли, что поправка вѣрна, нашъ же психическій актъ неправиленъ.

в) Если мы вообще и замѣчаемъ погрѣшность, мы не должны отдавать себѣ отчета ни въ какой мотивировкѣ; наоборотъ нужно, чтобы мы были склонны объяснять ее „невнимательностью“ или „случайностью“.

Такимъ образомъ, въ этой группѣ остаются случаи забыванія, ошибки въ такихъ вещахъ, которыя знаешь, обмолвки, описки, очитки, ошибочныя движенія и такъ наз. случайныя дѣйствія. Одинаково присущая большинству этихъ обозначеній въ нѣмецкомъ языкѣ частица ver (Vergessen, Versprechen, Verlesen, Verschreiben, Vergreifen) *) указываетъ уже въ самой терминологіи на ихъ внутреннее единообразіе. Выясняя опредѣленныя такимъ образомъ психическія явленія, мы приходимъ къ ряду указаній, которыя должны отчасти имѣть и болѣе широкій интересъ.

1. Отрицая преднамѣренность за нѣкоторой частью нашихъ психическихъ актовъ, мы преуменьшаемъ значеніе детерминированія въ душевной жизни. Это послѣднее здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, идетъ гораздо дальше, чѣмъ мы думаемъ. Въ 1900 году въ статьѣ въ „Zeit“ историкъ литературы R. M. Meyer показалъ и выяснилъ на примѣрахъ, что нѣтъ возможности сознательно и произвольно сочинить безсмыслицу. Мнѣ уже давно извѣстно, что нельзя вполнѣ произвольно вызвать въ своемъ воображеніи какое-либо число или имя. Если изслѣдовать любое произвольное на видъ, скажемъ, многозначное число, названное якобы въ шутку или отъ нечего дѣлать, то обнаружится столь строгое детерминированіе, которое дѣйствительно кажется невозможнымъ. Я хочу разобрать сперва вкратцѣ одинъ примѣръ произвольнаго выбора имени, а затѣмъ болѣе подробно проанализировать аналогичный примѣръ съ числомъ „сказаннымъ наугадъ“.

а) Подготовляя къ печати исторію болѣзни одной изъ моихъ паціентокъ, я раздумываю надъ тѣмъ, какое бы имя дать ей въ моей работѣ. Выборъ, казалось бы, очень великъ; конечно, нѣкоторыя

*) По-русски ей соотвѣтствуетъ частица „объ“ (обмолвки, описки) и отчасти „за“ (забываніе, закладываніе).

Примѣч. перев.

имена уже заранѣе исключаются,—прежде всего настоящее имя, затѣмъ имена членовъ моей семьи, которыя меня коробили бы, затѣмъ, быть можетъ, еще какія-нибудь женскія имена, особенно странно звучащія; но вообще мнѣ не приходится стѣсняться въ выборѣ именъ. Можно было бы ожидать, и я дѣйствительно ожидаю, что въ моемъ распоряженіи окажется цѣлое множество женскихъ именъ.

Вмѣсто этого всплываетъ только одно, и никакое другое не сопровождаетъ его: *Дора*. Задаюсь вопросомъ о его детерминированіи. Кто носитъ имя Доры? Первое, что мнѣ приходитъ въ голову, и что мнѣ хочется отбросить, какъ нѣчто безсмысленное: такъ зовутъ няньку моей сестры. Однако, я обладаю достаточной выдержкой или достаточной опытностью въ анализахъ, чтобы удержать пришедшую мнѣ въ голову мысль и продолжить нить. Тотчасъ же мнѣ вспоминается мелкій случай, происшедшій прошлымъ вечеромъ, случай, несущій съ собой искомое детерминированіе. Въ столовой у моей сестры я видѣлъ на столѣ письмо съ надписью: Г-жѣ Розѣ В. Я удивленъ и спрашиваю, кто это; мнѣ отвѣчаютъ, что мнимая Дора называется собственно Розой, но должна была при поступленіи къ моей сестрѣ перемѣнить имя, потому что такъ же звали и сестру. Я говорю съ соболѣзнованіемъ: бѣдные люди, даже имени своего они не могутъ сохранить за собой! Какъ я теперь припоминаю, я на минуту замолчалъ и сталъ размышлять о всякаго рода серьезныхъ вещахъ, которыя какъ-то расплылись тогда, но которыя теперь я могъ бы легко вызвать въ своемъ сознаніи. Когда я затѣмъ на слѣдующій день искалъ имя для лица, *которому нельзя было сохранить свое собственное имя*, мнѣ пришла въ голову именно „Дора". То обстоятельство, что мнѣ пришло на умъ только одно это имя, основывается здѣсь на прочной внутренней связи, ибо въ исторіи моей паціентки вліяніе, сыгравшее рѣшающую роль также и въ ходѣ ея лѣченія, исходило отъ лица служащаго въ чужомъ домѣ,—отъ гувернантки.

Этотъ мелкій случай имѣлъ, спустя нѣсколько лѣтъ, неожиданное продолженіе. Однажды, разбирая въ своей лекціи давно уже опубликованную исторію болѣзни дѣвушки, которую я такъ и назвалъ Дорой, я вспомнилъ, что одна изъ моихъ двухъ слушательницъ тоже носитъ

имя Доры, произносимое мною такъ часто въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ; я обратился къ этой студенткѣ, съ которой былъ знакомъ лично, съ извиненіемъ: Я право не подумалъ о томъ, что Васъ такъ зовутъ, охотно замѣню для лекцій это имя другимъ. Предо мной была такимъ образомъ задача быстро выбрать другое имя, причемъ я имѣлъ въ виду, какъ бы мнѣ не напасть на имя другой слушательницы и не дать такимъ образомъ дурного примѣра опытнымъ уже въ психоанализѣ студентамъ. Я былъ очень доволенъ, когда вмѣсто Доры мнѣ пришло въ голову имя Эрны, которымъ и воспользовался въ своей лекціи. По окончаніи лекціи,я спросилъ себя, откуда же могло взяться имя Эрны, и не могъ не разсмѣяться, ибо замѣтилъ, что какъ разъ то, чего я боялся, все же случилось при выборѣ новаго имени, хотя и частично. Фамилія второй студентки была—*Люцерна*; половина этого слова—Эрна.

в) Въ письмѣ къ другу я сообщаю ему, что покончилъ съ корректурой „Traumdeutung“ и не желаю больше ничего измѣнять въ этой работѣ, „будь въ ней даже *2467* ошибокъ“. Тотчасъ же я пытаюсь выяснить себѣ происхожденіе этого числа и присоединяю этотъ маленькій анализъ въ качествѣ post scriptum къ письму. Лучше всего будетъ, если я процитирую то, что написалъ тогда же, когда поймалъ себя на мѣстѣ преступленія.

„На скорую руку еще маленькое сообщеніе на тему о психопатологіи повседневной жизни. Ты найдешь въ письмѣ цифру 2467; ею я опредѣляю произвольно, въ шутку, число ошибокъ, которыя окажутся въ моей книгѣ о снахъ. Я хотѣлъ этимъ сказать любое большое число; и въ голову пришла эта цифра. Но такъ какъ въ области психическаго нѣтъ ничего произвольнаго, не-детерминированнаго, то ты съ полнымъ правомъ можешь ожидать, что здѣсь безсознательное поспѣшило детерминировать число, которое въ моемъ сознаніи не было связано ничѣмъ. Непосредственно передъ этимъ я прочиталъ въ газетѣ, что нѣкій генералъ Е. М. вышелъ въ отставку въ званіи фельдцейхмейстера. Надо тебѣ сказать, что этотъ человѣкъ интересуетъ меня. Когда я еще отбывалъ въ качествѣ медика военную службу, онъ — тогда еще полковникъ — пришелъ однажды въ пріемный покой и сказалъ врачу: „Вы должны меня

вылѣчить въ недѣлю, потому что мнѣ нужно выполнить работу, которой ждетъ императоръ". Я поставилъ себѣ тогда задачу прослѣдить карьеру этого человѣка, и вотъ теперь (въ 1899 г.) онъ ее закончилъ,—фельдцейхмейстеромъ и уже въ отставкѣ. Я хотѣлъ высчитать, во сколько лѣтъ онъ продѣлалъ этотъ путь, и исходилъ при этомъ изъ того, что видѣлъ его въ госпиталѣ въ 1882 г. Стало быть въ 17 лѣтъ. Я разсказалъ объ этомъ женѣ, и она замѣтила: „Стало быть, ты тоже долженъ уже быть въ отставкѣ?" Я запротестовалъ: Боже меня избави отъ этого. Послѣ этого разговора я сѣлъ за столъ, чтобы написать тебѣ письмо. Но прежній ходъ мыслей продолжался, и не безъ основанія. Я невѣрно сосчиталъ; о томъ свидѣтельствуетъ имѣющаяся у меня въ воспоминаніяхъ спорная точка. Мое совершеннолѣтіе—стало быть *24-й* годъ—я отпраздновалъ на гауптвахтѣ (за самовольную отлучку). Это было, значитъ, въ 1880 году—19 лѣтъ тому назадъ. Вотъ уже цифра *24*, заключающаяся въ числѣ 2467! Теперь возьми мой возрастъ—43 и прибавь къ нему 24 года, и ты получишь—*67*. То есть: на вопросъ, хочу ли я тоже выйти въ отставку, я мысленно прибавилъ себѣ еще 24 года работы. Очевидно, я огорченъ тѣмъ, что за тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго я слѣдилъ за полковникомъ М., я самъ не пошелъ такъ далеко, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытываю нѣчто вродѣ тріумфа по поводу того, что онъ уже конченный человѣкъ, въ то время какъ у меня еще все впереди. Не правда ли, можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что даже и ненамѣренно набросанное число 2467 не лишено своего детерминированія, идущаго изъ области безсознательнаго".

Со времени этого перваго объясненія якобы произвольно выбранныхъ чиселъ я неоднократно повторялъ этотъ опытъ съ тѣмъ же успѣхомъ; однако, большинство случаевъ настолько интимно по своему содержанію, что не поддается передачѣ.

Именно поэтому я и не хочу упустить случая привести здѣсь весьма интересный анализъ, который мой коллега д-ръ Альфредъ Адлеръ получилъ отъ знакомаго ему, „совершенно здороваго" коррес-

пондента *): А. пишетъ мнѣ: вчера вечеромъ я взялся за „Психопатологію обыденной жизни“ и прочелъ бы всю книгу до конца, если бы мнѣ не помѣшалъ замѣчательный случай. Когда я прочелъ о томъ, что всякое число, которое мы, казалось бы, совершенно произвольно вызываемъ въ своемъ сознаніи имѣетъ опредѣленный смыслъ, я рѣшилъ сдѣлать опытъ. Мнѣ пришло въ голову число 1734. Вслѣдъ за этимъ мнѣ приходитъ на мысль одно за другимъ слѣдующее: 1734 : 17 = 102; 102 : 17 = 6. Затѣмъ я расчленяю задуманное число на 17 и 34. Мнѣ 34 года. Какъ я уже самъ, кажется, сказалъ однажды, я смотрю на 34 годъ, какъ на послѣдній годъ молодости, и потому послѣдній разъ въ день моего рожденія чувствовалъ себя отвратительно. Къ концу 17-го года для меня начался очень отрадный и интересный періодъ развитія. Я дѣлю свою жизнь на отдѣлы, по 17 лѣтъ каждый. Что должны обозначать эти доли? По поводу 102 мнѣ приходитъ на мысль, что № 102 Рекламской Universalbibliothek содержитъ пьесу Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“.

Мое теперешнее психическое состояніе—это ненависть къ людямъ и раскаяніе. № 6 Реклавской библіотеки (я знаю наизусть множество номеровъ) это „Вина“ Müllner'a. Меня неустанно мучаетъ мысль, что я по своей винѣ не сталъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы стать въ силу своихъ способностей. Далѣе мнѣ приходитъ въ голову, что № 34 той же библіотеки содержитъ разсказъ Müllner'a же подъ названіемъ „Der Kaliber“. Раздѣляю это слово на „Ka-li-ber“; далѣе мнѣ приходитъ въ голову, что оно заключаетъ въ себѣ слова Ali и Kali. Это напоминаетъ мнѣ о томъ, что я однажды подыскивалъ съ моимъ (шестилѣтнимъ) сыномъ Али риѳмы. Я предложилъ ему найти риѳму къ Ali. Ему ничего не приходило на умъ и когда онъ попросилъ меня дать ему риѳму, я сказалъ: Али полощетъ ротъ гиперманганцевымъ кали. Мы много смѣялись и Али былъ

*) Alf. Adler. Drei Psycho-Analysen von Zahleneinfällen und obsedierenden Zahlen. Psych.-Neur. Wochenschrift. Nr. 28, 1905.

очень милъ. Въ послѣдніе дни мнѣ пришлось, однако, съ досадой констатировать, что онъ „не милый Али—dass er „ka (kein) lieber Ali sei“.

. Я спросилъ себя затѣмъ, что содержитъ въ себѣ № 17 Рекламской библіотеки, и не могъ этого доискаться. Но раньше я навѣрное зналъ это, стало быть надо допустить, что я хочу позабыть это число. Всѣ попытки вспомнить были напрасны. Я хотѣлъ читать дальше, но читалъ чисто механически, не понимая ни слова, такъ какъ меня мучило число 17. Я погасилъ лампу и продолжалъ искать. Наконецъ, мнѣ пришло на умъ, что № 17—это должно быть вещь Шекспира. Но какая? Мнѣ приходитъ въ голову: Геро и Леандръ. Очевидно—нелѣпая попытка моей воли сбить меня со слѣда. Наконецъ, я встаю и отыскиваю каталогъ. № 17 это „Макбетъ“. Къ моему смущенію я долженъ констатировать, что я изъ этой вещи почти ничего не помню, хотя она и занимала меня не меньше, чѣмъ другія драмы Шекспира. Мнѣ вспоминается только: убійца, лэди Макбетъ, вѣдьмы, „красивое уродливо“ и также еще и то что въ свое время мнѣ очень понравилась обработка Макбета Шиллеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, стало быть, что я хотѣлъ забыть эту вещь. Приходитъ мнѣ въ голову еще одно: 17 и 34, дѣленныя на 17, составляютъ 1 и 2. №№ 1 и 2 Рекламской библіотеки —это „Фаустъ“ Гёте. Въ прежнее время я находилъ въ себѣ очень много фаустовскаго“.

Приходится пожалѣть о томъ, что въ силу вынужденной скрытности врача мы не можемъ понять значенія этого ряда мыслей. *Адлеръ* замѣчаетъ, что синтезъ всѣхъ этихъ разсужденій не удался данному лицу. Впрочемъ ихъ и не стоило бы сообщать, если бы въ дальнѣйшемъ не выступило нѣчто, дающее намъ ключъ къ пониманію числа 1734 и всего ряда мыслей.

„Сегодня утромъ со мной дѣйствительно случилось нѣчто, говорящее много въ пользу правильности фрейдовскихъ взглядовъ. Жена моя, которую я разбудилъ, вставая ночью, спросила меня, зачѣмъ мнѣ понадобился каталогъ. Я разсказалъ ей всю исторію. Она нашла, что все это вздоръ, и (это очень интересно!) признала значеніе только за Макбетомъ, отъ котораго я такъ хотѣлъ отдѣлаться. Она сказала, что ей ничего не приходитъ въ голову, когда она задумы-

ваетъ какое-нибудь число. Я отвѣтилъ: „Сдѣлаемъ опытъ". Она называетъ число 117. Я тотчасъ же возражаю на это: „17—относится и къ тому, что я тебѣ разсказалъ. Далѣе, вчера я сказалъ тебѣ: если женѣ 82 года, а мужу 35, то это ужасное несоотвѣтствіе". Послѣдніе дни я дразню жену тѣмъ, что она, молъ, старая 82-лѣтняя бабушка. 82+35=117."

Такимъ образомъ, человѣкъ, который самъ не могъ детерминировать свое число, тотчасъ же нашелъ рѣшеніе, когда жена назвала ему якобы произвольно выбранное число. На самомъ дѣлѣ жена прекрасно поняла, изъ какого комплекса взялось число ея мужа, и выбрала свое число изъ того же комплекса, несомнѣнно общаго для обоихъ этихъ лицъ, такъ какъ рѣчь шла объ отношеніи между ихъ возрастами. Теперь намъ нетрудно истолковать число мужа. Оно выражаетъ, какъ на это и указываетъ д-ръ Адлеръ, подавленное желаніе мужа, которое, будучи вполнѣ развито, гласило бы: „человѣку 34-хъ лѣтъ, какъ я, подъ стать только семнадцатилѣтняя жена".

Во избѣжаніе пренебрежительнаго отношенія къ подобнаго рода „забавамъ", добавлю, что какъ я недавно узналъ отъ д-ра Адлера, человѣкъ этотъ черезъ годъ послѣ опубликованія этого анализа развелся съ женой *).

Подобнымъ же образомъ объясняетъ Адлеръ и происхожденіе навязчивыхъ чиселъ. Прекрасный примѣръ происхожденія навязчиваго, т. е. преслѣдующаго слова мы находимъ у Юнга (Diagnost. Assoziationsstudien IV, p. 215).

„Одна дама разсказала мнѣ, что въ послѣдніе дни у нея непрестанно вертится на языкѣ слово „Таганрогъ", и она не имѣетъ понятія о томъ, откуда оно взялось. Я спросилъ даму о связанныхъ съ

---

*) Для объясненія „Макбета", № 17 Рекламской библіотеки, Адлеръ сообщаетъ мнѣ, что данное лицо на 17-мъ году своей жизни вступило въ анархическое общество, поставившее себѣ цѣлью цареубійство. Очевидно, поэтому и было позабыто содержаніе Макбета. Въ то же время это же лицо изобрѣло шифрованное письмо, въ которомъ буквы замѣнялись числами.

аффектами событіяхъ и вытѣсненныхъ желаніяхъ послѣдняго времени. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній она разсказала мнѣ, что очень хотѣла бы имѣтье утреннее платье (Morgenrock), но что мужъ ея относится къ этому безъ достаточнаго вниманія. Morgen-rock—Tagan-rock (Tag—день, rock—платье),—здѣсь, очевидно, частичное родство по смыслу и созвучію. Детерминированіе въ формѣ русскаго слова объясняется тѣмъ, что приблизительно въ то же время дама эта познакомилась съ однимъ лицомъ изъ Таганрога".

Въ моихъ собственныхъ анализахъ изъ этой категоріи мнѣ особенно бросились въ глаза двѣ вещи. Во-первыхъ, та прямо-таки сомнамбулическая увѣренность, съ какой я иду къ незнакомой мнѣ цѣли, погружаюсь въ вычисляющій ходъ мыслей, который затѣмъ внезапно приводитъ меня къ искомому числу, и та быстрота, съ какой совершается вся послѣдующая работа. Во-вторыхъ, то обстоятельство, что числа съ такой готовностью оказываются въ распоряженіи моего безсознательнаго мышленія, въ то время, какъ я вообще говоря, я плохой счетчикъ и съ величайшимъ трудомъ запоминаю даты, номера домовъ и т. п. Въ этихъ безсознательныхъ операціяхъ моего мышленія съ числами я нахожу склонность къ суевѣрію, происхожденіе котораго мнѣ долгое время оставалось непонятнымъ.

II. Этотъ взглядъ на детерминированіе якобы произвольно выбранныхъ именъ и чиселъ способно, быть можетъ, послужить къ выясненію еще другой проблемы. Какъ извѣстно, многіе приводятъ въ качествѣ довода противъ послѣдовательно проведеннаго детерминизма особое чувство убѣжденности въ томъ, что существуетъ свободная воля. Это чувство убѣжденности существуетъ и не исчезаетъ даже тогда, когда вѣришь въ детерминизмъ. Какъ всякое нормальное чувство оно должно на чемъ-нибудь основываться. Но, насколько я могъ замѣтить, оно проявляется не въ крупныхъ и важныхъ актахъ нашей воли; въ подобнаго рода случаяхъ мы имѣемъ, напротивъ, чувство психическаго принужденія и охотно ссылаемся на него (Лютеровское: „это я дѣлаю и иначе не могу "). Зато тогда, когда мы принимаемъ неважныя безразличныя рѣшенія, мы склонны утверждать, что могли бы поступить и иначе, что мы дѣйствовали

свободно, не повинуясь никакимъ мотивамъ. Послѣ нашихъ анализовъ намъ нѣтъ надобности оспаривать правъ на существованіе чувства убѣжденности въ свободной волѣ. Если различать между тѣмъ, что мотивируется сознательно и тѣмъ, что имѣетъ свою мотивировку въ области безсознательнаго, то чувство убѣжденности свидѣтельствуетъ о томъ, что сознательная мотивировка не распространяется на всѣ наши моторныя рѣшенія. Minima non curat praetor. Но то, что осталось несвязаннымъ одной группой мотивовъ, получаетъ свою мотивировку съ другой стороны, изъ области безсознательнаго, и такимъ образомъ детерминированіе психическихъ феноменовъ происходитъ все же безъ пробѣловъ. *)

III. Если по всей совокупности условій сознательное мышленіе и не можетъ быть знакомо съ мотивами разсмотрѣнныхъ выше дефектныхъ дѣйствій, то было бы все же желательно имѣть психологическое доказательство существованія такихъ мотивовъ; при болѣе близкомъ изученіи безсознательнаго дѣйствительно находишь основанія полагать, что такія доказательства вѣроятно могутъ быть найдены. И въ самомъ дѣлѣ въ двухъ областяхъ можно наблюдать

---

*) Этотъ взглядъ на строгое детерминированіе кажущихся произвольными психическихъ актовъ принесъ уже обильные плоды для психолога—быть можетъ, и для судебной практики. Блейлеръ и Юнгъ выяснили въ этомъ смыслѣ тѣ реакціи, какія наблюдаются при такъ называемомъ ассоціативномъ экспериментѣ, когда изслѣдуемое лицо отвѣчаетъ на сказанное ему слово первымъ же словомъ, пришедшимъ ему на мысль (реакція на раздраженіе словомъ), и измѣряется протекшее при этомъ время (время реакціи). Юнгъ показалъ въ своихъ „Diagnostische Assoziationsstudien“ (1906 г.), какой тонкій реагирующій аппаратъ сказывается въ этомъ экспериментѣ. Ученики криминалиста H. Gross'a (Прага), Вертгеймеръ и Клейнъ развили на основѣ экспериментовъ особую технику „діагностицированія обстоятельствъ дѣла“ для уголовныхъ процессовъ, разсмотрѣніемъ которой заняты въ настоящее время психологи и юристы.

феномены, которые, судя по всему, отвѣчаютъ безсознательному и въ силу этого потерпѣвшему извѣстный сдвигъ знанію мотивировки.

a) Въ поведеніи параноиковъ бросается въ глаза та общеизвѣстная черта, что они придаютъ величайшее значеніе мелкимъ, обычно не замѣчаемымъ нами деталямъ въ поведеніи другихъ людей, истолковываютъ эти детали и строютъ на нихъ основѣ далеко идущіе выводы. Такъ напримѣръ, послѣдній параноикъ. котораго я видѣлъ, заключилъ, что люди, съ которыми онъ сталкивается, пришли къ какому-то соглашенію, потому, что отъѣзжая отъ вокзала онъ видѣлъ, какъ они дѣлали извѣстное движеніе рукой. Другой отмѣчалъ, какъ люди ходятъ по улицѣ, размахиваютъ палками и т. п. *) Такимъ образомъ, если нормальный человѣкъ признаетъ въ примѣненіи къ нѣкоторой части своихъ собственныхъ психическихъ функцій категорію случайнаго, не нуждающагося въ мотивировкѣ, то параноикъ отвергаетъ эту категорію въ примѣненіи къ психическимъ актамъ другихъ людей. Все, что онъ замѣчаетъ у другихъ, полно значенія, все подлежитъ истолкованію. Какимъ образомъ приходитъ къ этому? Очевидно, что здѣсь, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, онъ проицируетъ то, что безсознательно совершается въ его собственной психикѣ,—въ душевную жизнь другихъ людей. Ибо у параноика доходитъ до сознанія много такого, что у нормальнаго человѣка или у невротика можетъ быть обнаружено лишь путемъ психоанализа, какъ находящееся внѣ сознанія. **) Такимъ образомъ параноикъ здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ правъ, онъ

---

*) Наблюдатели, исходившіе изъ другихъ точекъ зрѣнія, причисляли эту оцѣнку несущественныхъ, случайныхъ проявленій у другихъ людей къ „маніи отношенія" („Beziehungswahn").

**) Такъ напр., фантазіи истериковъ о сексуальныхъ и жестокихъ истязаніяхъ, фантазіи, которыя при помощи анализа могутъ быть доведены до сознанія,—въ соотвѣтствующихъ случаяхъ до мелочей совпадаютъ съ жалобами преслѣдуемыхъ параноиковъ. Достойны вниманія—хотя и не непонятны—случаи, когда идентичное содержаніе выступаетъ такъ же и въ реальной формѣ—въ видѣ тѣхъ шаговъ, которые предпринимаютъ люди извращенные для удовлетворенія своей похоти.

познаетъ нѣчто ускользающее отъ нормальнаго человѣка, его взоръ острѣе нормальной мыслительной способности, и только перенесеніе того, что онъ познавъ такимъ образомъ, на другихъ людей лишаетъ его познаніе всякой цѣны. Надѣюсь, отъ меня теперь не будутъ ожидать защиты отдѣльныхъ параноическихъ истолкованій. Но та доля основательности, которую мы признаемъ за паранойей при этомъ взглядѣ на случайныя дѣйствія, облегчитъ намъ психологическое пониманіе той убѣжденности, съ которой связываются у параноика всѣ эти толкованія. *Въ нихъ есть доля правды*; и чувство убѣжденности, присущее нашимъ собственнымъ ошибкамъ сужденія, которыхъ нельзя было бы назвать болѣзненными, — создается тѣмъ же самымъ путемъ. Поскольку рѣчь идетъ о нѣкоторой части ошибочнаго хода мыслей или объ источникѣ его, это чувство вполнѣ оправдывается, и уже затѣмъ мы распространяемъ его на всю остальную связь мыслей.

б) Другое указаніе на безсознательное и „сдвинутое" знаніе мотивовъ случайныхъ и дефектныхъ дѣйствій мы находимъ въ феноменахъ суевѣрія. Чтобы выяснить свой взглядъ, я воспользуюсь обсужденіемъ одного мелкаго инцидента, послужившаго мнѣ исходнымъ пунктомъ въ моихъ разсужденіяхъ.

Послѣ того, какъ я возвратился съ каникулъ, мои мысли тотчасъ же обратились къ больнымъ, которыми мнѣ предстояло заняться въ начинавшемся рабочемъ году. Первый визитъ я долженъ былъ сдѣлать одной очень старой дамѣ, надъ которой я (см. выше) съ давнихъ поръ произвожу каждый день дважды однѣ и тѣ же врачебныя манипуляціи. Благодаря этому однообразію у меня очень часто на пути къ больной или въ то время, когда съ ней бывалъ занятъ, пробивались наружу безсознательныя мысли. Ей свыше 90 лѣтъ; было бы немудрено, если бы въ началѣ каждаго года я спрашивалъ себя, сколько ей еще осталось жить. Въ тотъ день, про который я разсказываю, я спѣшилъ, и потому взялъ извозчика, который и долженъ былъ отвезти меня къ ней. Каждый извозчикъ съ биржи противъ моего дома знаетъ адресъ старухи, ибо каждый изъ нихъ не разъ отвозилъ меня къ ней. Сегодня случилось такъ, что извозчикъ остановился не передъ ея домомъ, а передъ тѣмъ же но-

меромъ въ близлежащей параллельной улицѣ, дѣйствительно сходной. Я замѣчаю ошибку, ставлю ее извозчику на видъ, тотъ извиняется. Должно ли что-нибудь обозначать, что меня подвезли къ дому, въ которомъ моей старой паціентки не оказалось? Для меня, конечно ничего, но если бы я былъ *суевѣренъ*, я увидѣлъ бы въ этомъ обстоятельствѣ предзнаменованіе, знаменіе судьбы, что этотъ годъ будетъ послѣднимъ въ жизни старухи. Цѣлый рядъ предзнаменованій, сохранившихся въ исторіи, основывается на символикѣ, ничуть нелучшей, чѣмъ эта. Во всякомъ случаѣ я вижу въ этомъ инцидентѣ простую случайность, не имѣющую значенія.

Совершенно иначе обстояло бы дѣло, если бы я прошелъ этотъ конецъ пѣшкомъ и затѣмъ „задумавшись", „по разсѣянности" пришелъ бы къ дому на параллельной улицѣ. Это я счелъ бы уже не случаемъ, а поступкомъ, имѣющимъ безсознательное намѣреніе и требующимъ истолкованія. По всей вѣроятности я долженъ былъ бы истолковать его въ томъ смыслѣ, что я предполагаю въ скоромъ времени уже не застать болѣе этой старой дамы.

Я отличаюсь такимъ образомъ отъ суевѣрнаго человѣка въ слѣдующемъ.

Я не думаю, чтобы событіе, къ совершенію котораго моя душевная жизнь непричастна, могло мнѣ сказать что-либо о реальномъ будущемъ; но я думаю, что ненамѣренное проявленіе моей собственной душевной дѣятельности вполнѣ можетъ разоблачить что - либо скрытое, опять-таки относящихся лишь къ моей душевной жизни; если я и вѣрю во внѣшній (реальный) случай, то не вѣрю во внутреннюю (психическую) случайность. Суевѣрный же человѣкъ наоборотъ: не подозрѣваетъ о мотивировкѣ своихъ собственныхъ случайныхъ дѣйствій и погрѣшностей, вѣритъ въ психическія случайности, но зато склоненъ приписывать внѣшнему случаю значеніе, которое должно проявиться въ формѣ реальныхъ событій, склоненъ усматривать въ случаѣ средство выраженія чего-то внѣшняго, скрытаго отъ него. Различіе между мной и суевѣрнымъ человѣкомъ двоякое. Во-первыхъ, онъ проицируетъ наружу мотивировку, въ то время какъ я стараюсь найти ее внутри; во-вторыхъ, онъ истолковываетъ случай событіями, въ то время какъ я свожу его къ мысли. Однако,

скрытое у него отвѣчаетъ *безсознательному* у меня, и намъ обоимъ общее стремленіе не признавать случая случаемъ, а всегда истолковывать его.

Я и предполагаю, что это сознательное невѣдѣніе и безсознательное знаніе мотивировки психическихъ случайностей служитъ однимъ изъ психическихъ корней суевѣрія. Такъ какъ суевѣрный человѣкъ не подозрѣваетъ о мотивировкѣ своихъ собственныхъ случайныхъ дѣйствій, и такъ какъ фактъ наличности этой мотивировки требуетъ себѣ признанія, то онъ вынужденъ путемъ передвиженія отвести этой мотивировкѣ мѣсто во внѣшнемъ мірѣ. И если такая связь существуетъ, то ее врядъ ли можно ограничить этимъ единичнымъ случаемъ. Я и думаю, что значительная доля миѳологическаго міросозерцанія, простирающагося даже и на новѣйшія религіи, представляетъ собой *не что иное, какъ проецированную во внѣшній міръ психологію.* Смутное познаніе *) (такъ сказать эндопсихическое воспріятіе) психическихъ факторовъ и отношеній безсознательнаго отражается—трудно выразиться иначе, приходится воспользоваться аналогіей съ паранойіей — въ конструированіи *сверхчувственной реальности,* которую наука должна опять превратить въ *психологію безсознательнаго.* Можно было бы попытаться разрѣшить такимъ путемъ миѳы о раѣ и грѣхопаденіи, о Богѣ, добрѣ и злѣ, о безсмертіи и т. д., превратить *метафизику* въ *метапсихологію.* Различіе между сдвигами, происходящими у параноика и у суевѣрнаго человѣка, не такъ велико, какъ это кажется на первый взглядъ. Когда люди начали мыслить, они были вынуждены, какъ извѣстно, антропоморфически разложить внѣшній міръ на множество лицъ по своему собственному подобію; случайности, которыя они суевѣрно истолковывали, были, такимъ образомъ, дѣйствіями, поступками опредѣленныхъ лицъ; такъ что люди поступали тогда такъ же, какъ поступаютъ параноики, дѣлающіе выводы изъ незамѣтныхъ знаковъ, подаваемыхъ имъ другими людьми, или какъ здоровые люди, съ полнымъ основаніемъ опредѣляющіе характеръ своихъ ближнихъ на основаніи случайныхъ и непреднамѣренныхъ

*) Которое, конечно, не имѣетъ ни одного изъ свойствъ познанія.

поступковъ. Суевѣріе представляется столь неумѣстнымъ лишь въ нашемъ современномъ, естественно-научномъ, но все еще далеко не законченномъ міросозерцаніи; въ міросозерцаніи до-научныхъ временъ и народовъ оно было вполнѣ законно и послѣдовательно.

Римлянинъ, отказывавшійся отъ важнаго предпріятія изъ-за неблагопріятнаго полета птицъ, былъ, такимъ образомъ, относительно правъ; онъ дѣйствовалъ послѣдовательно, сообразно со своими предпосылками. Но когда онъ отмѣнялъ предпріятіе изъ - за того, что споткнулся на порогѣ своей двери („un romain retournerait), то онъ и абсолютно стоялъ выше насъ, невѣрующихъ, и лучше зналъ человѣческую душу, чѣмъ знаемъ ее, несмотря на всѣ старанія, мы. Ибо тотъ фактъ, что онъ споткнулся, могъ служить для него доказательствомъ существованія сомнѣнія, встрѣчнаго теченія въ его душѣ, которое могло въ моментъ исполненія ослабить силу его намѣренія. Между тѣмъ, быть увѣреннымъ въ полномъ успѣхѣ можно лишь тогда, когда всѣ душевныя силы дружно стремятся къ желанной цѣли. Какъ отвѣчаетъ шиллеровскій Вильгельмъ Телль, такъ долго колебавшійся сбить выстрѣломъ съ головы своего мальчика яблоко, на вопросъ фогта, зачѣмъ онъ приготовилъ вторую стрѣлу?

„Стрѣлою этой я тебя пронзилъ бы,
Когда-бъ случайно въ сына я попалъ.
И вѣрно я тогда-бъ не промахнулся". *)

IV. Кто имѣлъ случай изучать скрытыя душевныя движенія людей при посредствѣ психо анализа, тотъ можетъ сказать кое-что новаго также и о качествѣ безсознательныхъ мотивовъ, проявляющихся въ суевѣріи. Яснѣе всего видишь на примѣрѣ нервно-больныхъ—часто весьма интеллигентныхъ, страдающихъ навязчивыми идеями и неврозомъ навязчивыхъ состояній,—что суевѣріе беретъ свое начало изъ подавленныхъ враждебныхъ и жестокихъ импульсовъ. Суевѣріе это въ значительной мѣрѣ ожиданіе несчастія; кто часто желаетъ другимъ зла, но, будучи пріученъ воспитаніемъ къ добру, вытѣснилъ такого рода желанія за предѣлы сознанія, тотъ будетъ особенно скло-

*) Русск. перев. Миллера.

непъ ожидать наказанія за такое безсознательное зло въ видѣ несчастья, угрожающаго ему извнѣ.

Признавая, что этими замѣчаніями мы отнюдь не исчерпали психологіи суевѣрія, мы все же должны съ другой стороны хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ коснуться вопроса, можно ли утверждать навѣрняка, что не существуетъ предчувствій, вѣщихъ сновъ, телепатическихъ явленій, проявленій сверхчувственныхъ силъ и т. п. Я далекъ отъ того, чтобы во всѣхъ случаяхъ, не долго думая, порѣшать сплеча съ феноменами, по отношенію къ которымъ мы располагаемъ такимъ множествомъ обстоятельныхъ наблюденій, дѣлавшихся выдающимися въ интеллектуальномъ отношеніи людьми, и которые должны были бы послужить объектомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Можно даже надѣяться, что тогда часть этихъ наблюденій получитъ, благодаря начинающемуся уже пониманію безсознательныхъ душевныхъ процессовъ, объясненіе, которое не заставитъ насъ производить радикальную ломку нашихъ современныхъ воззрѣній. Если бы суждено было оказаться доказуемыми еще и другимъ феноменамъ, какъ напр., тѣмъ, о которыхъ утверждаютъ спириты, мы и произведемъ требуемую новыми познаніями модификацію нашихъ „законовъ", не теряя, однако, представленія объ общей связи вещей.

Въ рамкахъ этого изложенія я могу отвѣтить на поставленные вопросы лишь субъективно, т. е. на основаніи моего личнаго опыта. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что принадлежу къ числу тѣхъ недостойныхъ, въ чьемъ присутствіи духи прекращаютъ свою дѣятельность и сверхчувственное улетучивается, такъ что я никогда не имѣлъ случая пережить лично что-нибудь, могущее дать мнѣ поводъ къ вѣрѣ въ чудеса. Какъ и у всѣхъ людей, у меня бывали предчувствія и случались несчастія; однако, они избѣгали другъ друга, такъ что за предчувствіями не слѣдовало ничего, а несчастья приходили безъ предупрежденія. Когда я въ молодые годы жилъ одинъ въ чужомъ городѣ, я нерѣдко слышалъ, какъ дорогой мнѣ голосъ,— котораго я не могъ не узнать,—вдругъ называетъ меня по имени; я отмѣчалъ себѣ моментъ этой галлюцинаціи, чтобы затѣмъ, безпокоясь о родныхъ, спросить у нихъ, что случилось въ это время. Не случалось ничего. Зато впослѣдствіи мнѣ случилось самымъ спо-

койнымъ образомъ, ничего не чувствуя, работать съ моими больными, въ то время какъ мое любимое дитя едва не умерло отъ кровотеченія. Изъ числа тѣхъ предчувствій, о которыхъ мнѣ сообщали мои больные, также ни одно не могло быть признано мною за реальный феноменъ.

Вѣра въ вѣщіе сны насчитываетъ много приверженцевъ, ибо въ его пользу говоритъ то обстоятельство, что многое дѣйствительно происходитъ впослѣдствіи такъ, какъ его предварительно конструировало во снѣ желаніе. Однако, въ этомъ мало удивительнаго, и обыкновенно между сномъ и тѣмъ, что сбылось наяву, можно найти обычно еще глубокія различія, которыхъ охотно не замѣчаешь въ своемъ довѣріи ко сну. Прекрасный примѣръ дѣйствительно пророческаго сна дала мнѣ возможность подвергнуть точному анализу одна интеллигентная и правдивая паціентка. По ея словамъ, ей однажды снилось, что она встрѣтила своего бывшаго друга и домашняго врача около какой-то лавки на такой-то улицѣ. Когда она на слѣдующее утро пошла во внутреннюю часть города, она дѣйствительно встрѣтила его на томъ самомъ мѣстѣ, какое было указано во снѣ. Надо замѣтить, что за этимъ не произошло никакихъ событій, въ которыхъ могло бы обнаружиться значеніе этого удивительнаго совпаденія, такъ что ни въ чемъ позднѣйшемъ нельзя было найти для него достаточнаго основанія.

Путемъ тщательнаго разспроса я установилъ, что нѣтъ доказательствъ того, чтобы дама эта вспомнила о своемъ снѣ въ ближайшее послѣ этой ночи утро, стало быть, передъ своей прогулкой. Она ничего не могла возразить противъ такого изложенія дѣла, которое устраняетъ изъ него все чудесное и оставляетъ лишь интересную психологическую проблему: однажды утромъ она шла по извѣстной улицѣ, встрѣтила близъ одной лавки своего стараго домашняго врача, и при его видѣ у нея создалось убѣжденіе, что въ эту ночь ей снилась эта встрѣча на этомъ же самомъ мѣстѣ. При помощи анализа можно было съ большей или меньшей вѣроятностью установить, какимъ образомъ она пришла къ этому убѣжденію, которое, вообще говоря, нельзя не признать до извѣстной степени правдоподобнымъ. Встрѣча на опредѣленномъ мѣстѣ послѣ предварительнаго ожиданія,— носитъ на себѣ всѣ признаки свиданія. Старый домашній врачъ вос-

креснлъ въ ней воспоминанія о минувшихъ временахъ, когда встрѣчи съ третьимъ лицомъ, которое было дружно также и съ этимъ врачемъ, были для нея полны значенія. Съ этимъ господиномъ она съ тѣхъ поръ поддерживала сношенія и накапунѣ мнимаго сна тщетно ждала его. Если бы я могъ сообщить подробнѣе о связанныхъ съ этимъ дѣломъ отношеніяхъ, мнѣ было бы нетрудно показать, что иллюзія пророческаго сна при видѣ друга прежнихъ лѣтъ равносильна такого рода заявленію: „Ахъ, докторъ Вы напомнили мнѣ теперь о минувшихъ годахъ, когда мнѣ никогда не приходилось, назначивъ № свиданіе, ожидать его“.

Простой и легко объяснимый примѣръ того „удивительнаго совпаденія“, какое происходитъ, когда встрѣчаешь человѣка, о которомъ какъ разъ теперь думалъ, я наблюдалъ на самомъ *себѣ*, и вѣроятно этотъ примѣръ характеренъ для аналогичныхъ случаевъ. Нѣсколько дней послѣ того, какъ я получилъ званіе профессора,— въ монархическихъ странахъ придающее человѣку большой авторитетъ,--я гулялъ по внутренней части города, и мои мысли вдругъ сосредоточились на ребяческой фантазіи—мести нѣкоей парѣ родителей. Эти люди позвали меня нѣсколькими мѣсяцами раньше къ своей дѣвочкѣ, у которой въ связи съ однимъ сномъ начались интересныя явленія навязчивости. Я съ большимъ интересомъ отнесся къ этому случаю, генезисъ котораго мнѣ казался яснымъ; однако, мое пользованіе было отклонено родителями, которые мнѣ дали понять, что намѣрены обратиться къ заграничному авторитету, лѣчащему гипнотизмомъ. Теперь я фантазировалъ о томъ, какъ родители послѣ возможной неудачи этого опыта просятъ меня начать мой курсъ лѣченія; они, молъ, питаютъ ко мнѣ теперь полное довѣріе и пр. Я отвѣчаю имъ: да, теперь, когда я сталъ профессоромъ, вы довѣряете мнѣ. Но званіе ничего не измѣнило въ моихъ способностяхъ; если я вамъ былъ непригоденъ, будучи доцентомъ, вы можете обойтись безъ меня также и теперь, когда я сталъ профессоромъ.—Въ этотъ моментъ моя фантазія была прервана громкимъ привѣтствіемъ: „Честь имѣю кланяться, г. профессоръ“, и когда я взглянулъ на говорящаго, я увидѣлъ, что мимо меня проходила та же самая пара родителей, которымъ я только что отомстилъ, отклонивъ

ихъ предложеніе. Не требовалось долгихъ размышленій, чтобы разбить иллюзію чудеснаго. Я шелъ по большой и широкой, почти пустой улицѣ навстрѣчу этой парѣ; взглянувъ мелькомъ, быть можетъ, на разстояніи двадцати шаговъ, я замѣтилъ и узналъ ихъ видныя фигуры, но—по образцу отрицательной галлюцинаціи — устранилъ это воспріятіе, по тѣмъ же эмоціональнымъ мотивамъ, которые затѣмъ сказались въ якобы самопроизвольно всплывшей фантазія.

Къ категоріи чудеснаго и жуткаго относится также и то своеобразное ощущеніе, которое испытываешь въ извѣстные моменты и при извѣстныхъ ситуаціяхъ: будто уже разъ пережилъ то же самое, уже былъ разъ въ томъ же положеніи, причемъ ясно вспомнить то прежнее, дающее о себѣ такимъ образомъ знать, не удается. Я знаю, что лишь въ очень свободномъ словоупотребленіи можно назвать то, что испытываешь въ такіе моменты, ощущеніемъ; если дѣло и идетъ здѣсь о сужденіи и притомъ о познавательномъ сужденіи, то все же эти случаи имѣютъ совершенно своеобразный характеръ, и нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что искомаго не вспоминаешь никогда. Не знаю, былъ ли этотъ феноменъ „уже видѣннаго" („déjà vu") серьезно приводимъ для доказательства психическаго предсуществованія индивида; но психологи удѣляли ему немало вниманія и пытались разрѣшить загадку самыми разнообразными спекулятивными путями. Ни одна изъ этихъ попытокъ объясненія не представляется мнѣ правильной, ибо ни при одной изъ нихъ не принималось въ расчетъ ничего иного, кромѣ сопутствующихъ и благопріятствующихъ феномену обстоятельствъ Ибо тѣ психическія явленія, которыя по моимъ наблюденіямъ одни только могутъ быть отвѣтственными при объясненіи феномена „déjà ou",—именно—безсознательныя фантазіи, еще и теперь находятся въ общемъ загонѣ у психологовъ.

Я полагаю, что называть ощущеніе „уже видѣннаго" иллюзіей—несправедливо. Въ такіе моменты дѣйствительно затрагивается нѣчто, что уже было разъ пережито, только его нельзя сознательно вспомнить, потому, что оно и не было никогда сознательнымъ. Ощущеніе „уже видѣннаго" отвѣчаетъ, коротко говоря, воспоминанію о безсознательной фантазіи, Подобно сознательнымъ существуютъ и

безсознательныя фантазіи (или сны наяву); каждый знаетъ это по собственному опыту.

Я знаю, что тема эта заслуживала бы самаго обстоятельнаго разсмотрѣнія, но хочу привести здѣсь анализъ одного единственнаго случая „déjàvu“, въ которомъ ощущеніе отличается особенной интенсивностью и длительностью. Одна дама, которой теперь 37 лѣтъ отъ роду, утверждаетъ, что она самымъ отчетливымъ образомъ помнитъ, какъ она въ возрастѣ $12^1/_2$ лѣтъ впервые была въ гостяхъ у своихъ школьныхъ подругъ въ деревнѣ и, войдя въ садъ, тотчасъ же испытала такое ощущеніе, будто она уже здѣсь разъ была; ощущеніе это повторилось, когда она вошла въ комнаты, такъ что ей казалось, что она заранѣе знаетъ, какая будетъ слѣдующая комната, какой будетъ изъ нея видъ и т. д. На самомъ дѣлѣ совершенно исключена—и опровергнута справками у родителей—возможность того, чтобы это чувство знакомства имѣло своимъ источникомъ прежнее посѣщеніе дома и сада, хотя бы въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.— Дама, разсказывавшая мнѣ объ этомъ, не искала психологическаго объясненія; въ появленіи этого ощущенія она видѣла пророческое указаніе на то значеніе, которое впослѣдствіи должны были имѣть именно эти подруги для ея эмоціональной жизни. Однако, разсмотрѣніе обстоятельствъ, при которыхъ имѣлъ мѣсто этотъ феноменъ, указываетъ намъ путь къ другому объясненію. Отправляясь въ гости, она знала, что у этихъ дѣвочекъ есть тяжело-больной братъ. При посѣщеніи она видѣла его, нашла, что онъ очень плохо смотритъ, и подумала: онъ скоро умретъ. Теперь дальше: ея собственный, единственный братъ былъ нѣсколькими мѣсяцами раньше опасно боленъ дифтеритомъ; во время его болѣзни она была удалена изъ дому родителей и жила нѣсколько недѣль у одной родственницы. Ей кажется, что въ той поѣздкѣ въ деревню, о которой идетъ здѣсь рѣчь, участвовалъ также ея братъ, кажется даже, что это была его первая большая прогулка послѣ болѣзни; однако, здѣсь ея воспоминанія удивительно неопредѣленны, въ то время какъ всѣ прочія детали, особенно платье, которое было на ней въ этотъ день, стоятъ у нея передъ глазами съ неестественной яркостью. Освѣдомленному человѣку нетрудно заключить изъ этихъ показаній, что ожиданіе

смерти брата играло тогда большую роль у этой дѣвушки и либо не было никогда сознательнымъ, либо послѣ благополучнаго исхода болѣзни подверглось энергичному вытѣсненію. Въ случаѣ иного исхода она должна была бы носить другое платье—траурное. У подругъ она нашла аналогичную ситуацію: единственный братъ въ опасности; вскорѣ онъ дѣйствительно умеръ. Она должна была бы сознательно вспомнить, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сама пережила то же самое; вмѣсто того, чтобы вспомнить это—чему препятствовало вытѣсненіе—она перенесла свое чувство припоминанія на мѣстность, садъ и домъ, подверглась дѣйствію „fausse reconnaissance", и ей показалось, что она когда-то все это также видѣла. Изъ факта вытѣсненія мы имѣемъ основаніе заключить, что ея ожиданіе смерти брата было несовсѣмъ чуждо окраски желательности. Она осталась бы тогда единственнымъ ребенкомъ. Въ своемъ позднѣйшемъ неврозѣ она страдала самымъ интенсивнымъ образомъ отъ страха потерять своихъ родителей, и за этимъ страхомъ анализъ, какъ это бываетъ обычно, могъ вскрыть безсознательное желаніе аналогичнаго же содержанія.

Мои собственныя мимолетныя переживанія феномена „déjà'vu" я могъ подобнымъ же образомъ вывести изъ эмоціональной констелляціи момента. „Это былъ опять поводъ воскресить ту (безсознательную и неизвѣстную) фантазію, которая въ такой-то моментъ возникла во мнѣ, какъ желаніе улучшить мое положеніе.

V. Недавно, когда я имѣлъ случай изложить одному философски образованному коллегѣ нѣсколько примѣровъ забыванія именъ вмѣстѣ съ анализомъ ихъ, онъ поспѣшилъ возразить: все это прекрасно, но у меня забываніе именъ происходитъ иначе. Ясно, что такъ облегчать себѣ задачу нельзя; я не думаю, чтобы мой коллега когда-либо думалъ передъ этимъ объ анализѣ забыванія именъ; онъ и не могъ сказать мнѣ, какъ же собственно это у него происходитъ иначе.

Но его замѣчаніе все же затрагиваетъ проблему, которую многіе будутъ склонны поставить на первый планъ. Примѣнимо ли данное здѣсь разрѣшеніе дефектныхъ и случайныхъ дѣйствій во всѣхъ или лишь въ единичныхъ случаяхъ и если только въ единичныхъ, то

каковы тѣ условія, при которыхъ оно можетъ быть допущено для объясненія феноменовъ, имѣющихъ другое происхожденіе? То, что я знаю, не даетъ мнѣ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ. Я хочу лишь предостеречь отъ того, чтобы считать указанную здѣсь связь рѣдкой, ибо сколько разъ мнѣ ни случалось производить испытаніе надъ собой ли самимъ или надъ паціентами, ее можно было, какъ и въ приведенныхъ примѣрахъ, съ увѣренностью установить, или по крайней мѣрѣ найти вѣскія основанія, заставляющія предполагать ея наличность. Неудивительно, если не всегда удается найти скрытый смыслъ симптоматическаго дѣйствія, ибо рѣшающимъ факторомъ, который надо принять въ соображеніе, является сила внутренняго отпора, сопротивляющагося разрѣшенію. Нѣтъ также возможности истолковать каждый отдѣльный сонъ—у себя или у паціента; для того, чтобы подтвердить общепримѣнимость данной теоріи, достаточно, если намъ удастся хотя бы нѣсколько проникнуть вглубь скрытыхъ соотношенія. Сонъ, который въ ближайшій день, при первой попыткѣ рѣшенія оказывается неприступнымъ, нерѣдко раскрываетъ свою тайну черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ, когда какое-либо реальное измѣненіе, происшедшее за это время успѣло понизить значеніе борющихся одна съ другой психическихъ величинъ. То же можно сказать и о разрѣшеніе дефектныхъ и симптоматическихъ дѣйствій; примѣръ очитки „въ бочкѣ по Европѣ“ далъ мнѣ случай показать, какъ неразрѣшимый на первыхъ порахъ симптомъ поддается анализу, когда отпадаетъ *реальная заинтересованность* въ вытѣсненныхъ мысляхъ. До тѣхъ поръ, пока было возможно, что мой братъ получитъ завидный титулъ раньше, чѣмъ я, указанная выше ошибка въ чтеніи оказывала отпоръ всѣмъ неоднократно дѣлавшимся попыткамъ анализа; но когда выяснилась малая вѣроятность того, чтобы брату было оказано предпочтеніе, предо мной внезапно открылся путь, ведущій къ рѣшенію. Было бы, такимъ образомъ, ошибкой утверждать про всѣ случаи, не поддающіеся анализу, что они произошли на основѣ иного психическаго механизма, чѣмъ тотъ, который здѣсь былъ вскрытъ; для того, чтобы это допустить, недостаточно одних лишь отрицательныхъ доказательствъ. Совершенно недоказательна также и готовность,—вѣроятно присущая всѣмъ здоро-

вымъ людямъ,—съ какой мы вѣримъ въ то, что есть какое-либо другое объясненіе дефектныхъ и симптоматическихъ дѣйствій; само собой понятно, что она служитъ проявленіемъ тѣхъ же психическихъ силъ, которыя и создали тайну, которыя поэтому становятся на защиту послѣдней и сопротивляются ея выясненію.

Съ другой стороны, мы не должны упускать изъ виду, что вытѣсненныя мысли и импульсы не самостоятельно создаютъ себѣ выраженіе въ формѣ симптоматическихъ и дефектныхъ дѣйствій. Техническая возможность подобнаго рода промаховъ иннерваціи должна быть дана независимо отъ нихъ; и затѣмъ уже ею охотно пользуется вытѣсненный элементъ въ своемъ намѣреніи дать о себѣ знать. Установить картину тѣхъ структурныхъ и функціональныхъ отношеній, которыми располагаетъ такое намѣреніе, имѣли своей задачей, въ примѣненія къ словеснымъ дефектнымъ актамъ, (ср. гл. V) подробныя изслѣдованія философовъ и филологовъ. Если мы въ совокупности условій дефектныхъ и симптоматическихъ дѣйствій будемъ таким образомъ различать безсознательный мотивъ и идущія ему на встрѣчу физіологическія и психофизическія отношенія, то останется открытымъ вопросъ, имѣются ли въ предѣлахъ здоровой психики еще и другіе моменты, способные, подобно безсознательному мотиву и вмѣсто него, порождать на почвѣ этихъ отношеній дефектныя и симптоматическія дѣйствія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ не входитъ въ мои задачи.

VI. Послѣ разсмотрѣнія обмолвокъ мы ограничивались тѣмъ, что доказывали въ дефектныхъ дѣйствіяхъ наличность скрытой мотивировки и при помощи психоанализа прокладывали себѣ дорогу къ познанію этой мотивировки. Общую природу и особенности выражающихся въ дефектныхъ дѣйствіяхъ психическихъ факторовъ мы оставили пока почти безъ разсмотрѣнія и во всякомъ случаѣ не пытались еще опредѣлить ихъ точнѣе и вскрыть закономѣрность ихъ. Мы и теперь не возьмемся основательно исчерпать этотъ предметъ, ибо первые же шаги показали бы намъ, что въ эту область можно проникнуть скорѣе съ другой стороны. Здѣсь можно поставить себѣ цѣлый рядъ вопросовъ; я хотѣлъ бы ихъ по крайней мѣрѣ привести и намѣтить ихъ объемъ. 1. Каково содержаніе и происхожденіе тѣхъ

мыслей и импульсовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ дефектныя и симптоматическія дѣйствія? 2. Каковы должны быть условія, необходимыя для того, чтобы мысль или стимулъ были вынуждены и оказались въ состояніи воспользоваться этими явленіями, какъ средствомъ выраженія? 3. Возможно ли установить постоянное и единообразное соотношеніе между характеромъ дефектнаго дѣйствія и свойствами того переживанія, которое выразилось въ немъ?

Начну съ того, что сгруппирую нѣкоторый матеріалъ для отвѣта на послѣдній вопросъ. Разбирая примѣры обмолвокъ, мы нашли нужнымъ не связывать себя содержаніемъ задуманной рѣчи и вынуждены были искать причину разстройства рѣчи за предѣлами замысла. Въ рядѣ случаевъ эта причина была подъ рукой, и говорившій самъ отдавалъ себѣ въ ней отчетъ. Въ наиболѣе простыхъ и прозрачныхъ на видъ примѣрахъ факторомъ, разстраивающимъ проявленіе мысли, являлась другая формулировка—звучащая столь же пріемлемо — той же самой мысли, и не было возможности сказать, почему одна изъ этихъ формулировокъ должна была потерпѣть пораженіе, другая— пробить себѣ дорогу (контаминаціи у Meiringer'a и Mayer'a). Во второй группѣ случаевъ пораженіе одной формулировки мотивировалось наличностью соображеній, говорившихъ противъ нея, которыя, однако, оказывались не достаточно сильными, чтобы добиться полнаго воздержанія (напр.: „Zum Vorchwein gekommen"). Задержанная формулировка также сознается въ этихъ случаяхъ съ полной ясностью. Лишь о третьей группѣ можно утверждать безъ ограниченій, что здѣсь препятствующая мысль отлична отъ задуманной, и можно установить существенное, повидимому, разграниченіе. Препятствующая мысль либо связана здѣсь съ разстроенной мыслью ассоціаціей по содержанію (препятствіе въ силу внутренняго противорѣчія), либо по существу чужда ей, и лишь разстроенное слово связано съ разстраивающей мыслью часто безсознательной,—какой-либо странной *внѣшней* ассоціаціей. Въ примѣрахъ, которые я привелъ изъ моихъ психоанализовъ, вся рѣчь находится подъ вліяніемъ мыслей, ставшихъ одновременно дѣйственными, но совершенно безсознательныхъ; их ъвыдаетъ либо само же разстройство мыслей (Klapperschlange — Kleopatra), либо онѣ оказываютъ косвенное вліяніе

тѣмъ, что даютъ возможность отдѣльными частями сознательно задуманной рѣчи взаимно разстраивать одна другую (Ase natmen: за этимъ скрывается Hasenauerstrasse и воспоминанія о француженкѣ). Задержанныя или безсознательныя мысли, отъ которыхъ исходитъ разстройство рѣчи, могутъ имѣть самое разнообразное происхожденіе. Этотъ обзоръ не приводитъ насъ такимъ образомъ ни къ какому обобщенію, въ какомъ бы то ни было направленіи.

Сравнительное изученіе примѣровъ очитокъ и описокъ ведетъ къ тѣмъ же результатамъ. Отдѣльные случаи здѣсь, какъ и при обмолвкахъ, повидимому, обязаны своимъ происхожденіемъ не поддающемуся дальнѣйшей мотивировкѣ процессу „сгущенія“ (напр. der Apfe). Интересно было бы все же знать, не требуется ли наличности особыхъ условій для того, чтобы имѣло мѣсто подобнаго рода сгущеніе—правомѣрное во снѣ, но ненормальное наяву; примѣры наши сами по себѣ не даютъ на это отвѣта. Я не сдѣлалъ бы, однако, отсюда вывода о томъ, что такихъ условій—за вычетомъ развѣ лишь ослабленія сознательнаго вниманія—не существуетъ; ибо другія данныя показываютъ мнѣ, что какъ разъ автоматическія дѣйствія отличаются правильностью и надежностью. Я скорѣе подчеркнулъ бы что здѣсь, какъ это часто бываетъ въ біологіи, нормальное или близкое къ нормальному является менѣе благопріятнымъ объектомъ изслѣдованія, нежели патологическое. Я надѣюсь, что выясненіе болѣе тяжелыхъ разстройствъ прольетъ свѣтъ на то, что остается темнымъ при объясненіи этихъ, наиболѣе легкихъ случаевъ разстройства.

При очиткахъ и опискахъ также нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, обнаруживающихъ болѣе отдаленную и сложную мотивировку. „Im Fass durch Europa“—очитка, объясняющаяся вліяніемъ отдаленной, по существу чуждой мысли, порожденной подавленнымъ движеніемъ зависти и честолюбія и пользующейся словамъ Beförderung, чтобы установить связь съ безразличной и безобидной темой, заключавшейся въ прочитанномъ. Въ примѣрѣ „Burckhard“ связь устанавливается самимъ же именемъ „Burckhard“.

Нельзя не признать, что разстройства функцій рѣчи создаются

легче и требуютъ меньшаго напряженія со стороны разстраивающихъ силъ, чѣмъ разстройства другихъ психическихъ функцій.

На другой почвѣ стоимъ мы при изслѣдованіи забвенія въ собственномъ его смыслѣ, т. е. забвенія минувшихъ переживаній (отъ этого забвенія въ строгомъ смыслѣ можно было бы отдѣлить забвеніе собственныхъ именъ и иностранныхъ словъ, разсмотрѣнное въ главахъ I и II; его можно назвать „ускользаніемъ"; и затѣмъ забываніе намѣреній, которое можно обозначить, какъ „упущенія"). Основныя условія нормальнаго забыванія намъ неизвѣстны *). Не слѣ-

*) Относительно механизма забыванія въ собственномъ смыслѣ я могу сдѣлать слѣдующія указанія. Матеріалъ, которымъ располагаетъ память, подвергается, вообще говоря, двоякаго рода воздѣйствію: сгущенію и искаженію. Искаженіе—дѣло господствующихъ въ душевной жизни тенденцій, и направляется прежде всего противъ такихъ слѣдовъ воспоминаній, которые еще сохранили способность вызывать аффекты и съ большей устойчивостью сопротивляются сгущенію. Слѣды, ставшіе безразличными, подвергаются сгущенію безъ сопротивленія; однако, можно наблюдать, что тенденціи искаженія, оставшіяся неудовлетворенными въ той области, гдѣ онѣ хотѣли обнаружиться, пользуются для своего насыщенія кромѣ того и безразличнымъ матеріаломъ. Такъ какъ эти процессы сгущенія и искаженія тянутся долгое время, въ теченіе котораго на содержаніе нашихъ воспоминаній оказываютъ свое дѣйствіе всѣ послѣдующія событія, то намъ и кажется, что это время дѣлаетъ воспоминанія неувѣренными и неясными. Между тѣмъ весьма вѣроятно, что при забываніи вообще нѣтъ и рѣчи о прямомъ воздѣйствіи времени.—Относительно вытѣсненныхъ слѣдовъ воспоминаній можно констатировать, что на протяженіи длиннѣйшаго промежутка времени они не терпятъ никакихъ измѣненій. Безсознательное находится вообще внѣ времени. Наиболѣе важная и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе странная особенность психической фиксаціи заключается въ томъ, что съ одной стороны всѣ впечатлѣнія сохраняются въ томъ же видѣ, какъ они были восприняты, и вмѣстѣ съ тѣмъ—сохраняются всѣ тѣ формы, которыя они приняли въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія; сочетаніе, котораго нельзя пояснить никакой аналогіей изъ какой бы то ни было другой области. Такимъ образомъ, теоретически любое состояніе, въ которомъ когда-либо находился хранящійся въ памяти матеріалъ, могло бы быть вновь возстановлено и репродуцировано даже тогда, если бы всѣ тѣ соотношенія, въ которыхъ его элементы первоначально находились, были замѣнены новыми.

дуетъ также упускать изъ виду, что не все то забыто, что мы считаемъ забытымъ. Наше объясненіе относится здѣсь лишь къ тѣмъ случаямъ, когда забвеніе намъ бросается въ глаза, поскольку оно нарушаетъ правило, въ силу котораго забывается неважное, важное же удерживается въ памяти. Анализъ тѣхъ примѣровъ забыванія, которые на нашъ взглядъ нуждаются въ особомъ объясненіи, каждый разъ обнаруживаетъ въ качествѣ мотива забвенія неохоту вспомнить нѣчто, могущее вызвать тягостныя ощущенія. Мы приходимъ къ предположенію, что этотъ мотивъ стремится оказать свое дѣйствіе повсюду въ психической жизни, но что другія, встрѣчныя силы мѣшаютъ ему проявляться сколько-нибудь регулярно. Объемъ и значеніе этой неохоты вспоминать тягостныя ощущенія кажутся намъ заслуживающими тщательнѣйшаго психологическаго разсмотрѣнія; вопросъ о томъ, каковы тѣ особыя условія, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлаютъ возможнымъ это забываніе, являющееся общей и постоянной цѣлью,—также не можетъ быть выдѣленъ изъ этой болѣе обширной связи.

При забываніи намѣреній на первый планъ выступаетъ другой моментъ; конфликтъ, о которомъ при вытѣсненіи тягостныхъ для воспоминанія вещей можно лишь догадываться, становится здѣсь осязательнымъ, и при анализѣ соотвѣтствующихъ примѣровъ мы неизмѣнно находимъ встрѣчную волю, сопротивляющуюся данному намѣренію, не аннулируя его однако.

Какъ и при разсмотрѣнныхъ выше видахъ дефектныхъ дѣйствій, здѣсь наблюдаются два типа психическихъ процессовъ: встрѣчная воля либо непосредственно направляется противъ даннаго намѣренія (когда намѣреніе болѣе или менѣе значительно), или же по своему существу чуждо намѣренію и устанавливаетъ съ нимъ связь путемъ *внѣшней* ассоціаціи (когда намѣреніе почти безразлично).

Тотъ же конфликтъ является господствующимъ и въ феноменахъ ошибочныхъ дѣйствій. Импульсъ, обнаруживающійся въ формѣ разстройства дѣйствія, представляетъ собой сплошь да рядомъ импульсъ встрѣчный, но еще чаще это просто какой-либо посторонній импульсъ, пользующійся лишь удобнымъ случаемъ, чтобы при совершеніи дѣй-

ствія проявить себя въ формѣ разстройства его. Случаи, когда разстройство происходить въ силу внутренняго протеста, принадлежать къ числу болѣе значительныхъ и затрагиваютъ также болѣе важныя отправленія.

Далѣе, въ случайныхъ или симптоматическихъ дѣйствіяхъ внутренній конфликтъ отступаетъ все болѣе на задній планъ. Эти мало цѣнимыя или совершенно игнорируемыя сознаніемъ моторныя проявленія служатъ выраженіемъ для различныхъ безсознательныхъ или вытѣсненныхъ импульсовъ; по большей части они символически изображаютъ фантазіи или пожеланія.

По первому вопросу,—о томъ, каково происхожденіе мыслей и импульсовъ, выражающихся въ формѣ ошибокъ,—можно сказать, что въ рядѣ случаевъ происхожденіе разстраивающихъ мыслей отъ подавленныхъ импульсовъ душевной жизни можетъ быть легко показано. Эгоистическіе, завистливые, враждебные чувства и импульсы, испытывающіе на себѣ давленіе моральнаго воспитанія, нерѣдко утилизируютъ у здоровыхъ людей путь дефектныхъ дѣйствій, чтобы такъ или иначе проявить свою несомнѣнно существующую, но непризнанную высшими душевными инстанціями силу. Допущеніе этихъ дефектныхъ и случайныхъ дѣйствій въ немалой мѣрѣ отвѣчаетъ удобному способу терпѣть безнравственныя вещи. Среди этихъ подавленныхъ импульсовъ немалую роль играютъ различныя сексуальныя теченія. Если какъ разъ эти теченія такъ рѣдко встрѣчаются среди мыслей, вскрытыхъ анализомъ въ моихъ примѣрахъ, то виной тому—случайный подборъ матеріала. Такъ какъ я подвергалъ анализу преимущественно примѣры изъ моей собственной душевной жизни, то естественно, что выборъ носилъ предвзятый характеръ и стремился исключить все сексуальное. Въ иныхъ случаяхъ разстраивающія мысли берутъ свое начало изъ возраженій и соображеній, въ высшей степени безобидныхъ на видъ.

Мы подошли теперь ко второму вопросу: каковы психологическія условія, нужныя для того, чтобы та или иная мысль была вынуждена искать себѣ выраженія не въ полной формѣ, а въ формѣ такъ сказать паразитарной, въ видѣ модификаціи и разстройства другой мысли. На основаніи наиболѣе яркихъ примѣровъ дефектныхъ дѣй-

ствій скорѣе всего хочется искать этихъ условій въ томъ отношеніи, которое устанавливается къ функціи сознанія, въ опредѣленномъ болѣе или менѣе ясно выраженномъ характерѣ „вытѣсненнаго“. Однако, при разсмотрѣніи цѣлаго ряда примѣровъ, характеръ этотъ все болѣе и болѣе растворяется въ рядѣ расплывчатыхъ намековъ. Склонность отдѣлаться отъ чего-нибудь въ силу того, что данная вещь связана съ потерей времени, соображенія о томъ, что данная мысль собственно не относится къ задуманной вещи,—повидимому, играютъ въ качествѣ мотивовъ для вытѣсненія какой-либо мысли, вынужденной затѣмъ искать себѣ выраженія путемъ разстройства другой мысли,—ту же роль, что и моральное осужденіе предосудительнаго эмоціональнаго импульса или же происхожденіе отъ совершенно неизвѣстнаго хода мыслей. Уяснить себѣ этимъ путемъ общую природу условій, опредѣляющихъ собою дефектныя и случайныя дѣйствія,—нѣтъ возможности. Одно только можно установить при этихъ изслѣдованіяхъ: чѣмъ безобиднѣе мотивировка ошибки, чѣмъ менѣе избѣгаетъ сознанія мысль, сказывающаяся въ этой ошибкѣ, тѣмъ легче разрѣшить феноменъ, коль скоро на него обращено вниманіе; наиболѣе легкіе случаи обмолвокъ замѣчаются тотчасъ же и исправляются самопроизвольно. Тамъ, гдѣ мотивировка создается дѣйствительно вытѣсненными импульсами, тамъ для разрѣшенія требуется тщательный анализъ, могущій порою встрѣтиться съ трудностями, а иногда и не удаться.

Мы имѣемъ такимъ образомъ право вывести изъ этого послѣдняго разсмотрѣнія указаніе на то, что удовлетворительное выясненіе психическихъ условій, опредѣляющихъ собою дефектныя и случайныя дѣйствія, можно получить лишь подойдя къ вопросу инымъ путемъ и съ другой стороны. Мы хотѣли бы, чтобы снисходительный читатель усмотрѣлъ изъ этихъ разсужденій, что тема ихъ выдѣлена довольно искусственно изъ болѣе обширной связи.

VII. Намѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ хотя бы направленіе, ведущее къ этой болѣе обширной связи. Механизмъ ошибокъ и случайныхъ дѣйствій, поскольку мы познакомились съ нимъ при помощи анализа, въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ обнаруживаетъ совпаденіе съ механизмомъ образованія сновъ, который я разобралъ

въ моей книгѣ о толкованіи сновъ, въ главѣ о „работѣ сна". Сгущеніе и компромиссныя образованія (контаминаціи) мы находимъ и здѣсь и тамъ. Ситуація одна и та же: безсознательныя мысли находятъ себѣ выраженіе необычнымъ путемъ, посредствомъ внѣшнихъ ассоціацій, въ формѣ модификаціи другихъ мыслей. Несообразности, нелѣпости и погрѣшности содержанія нашихъ сновъ, въ силу которыхъ сонъ едва не исключается изъ числа продуктовъ психической работы образуются тѣмъ же путемъ (хотя и болѣе свободно обращаясь съ наличными средствами), что и обычныя ошибки нашей повседневной жизни; *здѣсь, какъ и тамъ, кажущаяся неправильность функціонированія разрѣшается въ видѣ своеобразной интерференціи двухъ или большаго числа правильныхъ актовъ.* Изъ этого совпаденія слѣдуетъ важный выводъ. Тотъ своеобразный видъ работы, наиболѣе яркій результатъ которой мы видимъ въ содержаніи сновъ, не долженъ быть относимъ всецѣло на счетъ соннаго состоянія психики, разъ мы въ феноменѣ дефектныхъ дѣйствій находимъ столь обильныя доказательства того, что она дѣйствуетъ также и на яву. Та же связь не позволяетъ намъ усматривать въ глубокомъ распадѣ душевной жизни, въ болѣзненномъ состояніи функцій необходимое условіе для осуществленія этихъ психическихъ процессовъ, кажущихся намъ ненормальными и странными.

Вѣрное сужденіе о той странной психической работѣ, которая порождаетъ и дефектныя дѣйствія и сонныя видѣнія, возможно лишь тогда, если мы убѣдимся, что симптомы психоневроза, спеціально— психическія образованія истеріи и навязчиваго невроза—повторяютъ въ своемъ механизмѣ всѣ существенныя черты этого вида работы. Съ этого должны были бы такимъ образомъ начаться наши дальнѣйшія изслѣдованія. Но разсмотрѣніе дефектныхъ, случайныхъ и симптоматическихъ дѣйствій въ свѣтѣ этой послѣдней аналогіи представляетъ для насъ еще и особый интересъ. Если мы поставимъ ихъ на одну доску съ дѣйствіями психоневроза, съ невротическими симптомами, то пріобрѣтутъ смыслъ и основаніе два весьма распространенныхъ утвержденія: что граница между нормальнымъ и ненормальнымъ въ области нервозности не прочна и что всѣ мы немного нер-

возны. Можно независимо отъ врачебнаго опыта конструировать различные типы такого рода едва намѣченной нервозности: то, что называется formes frustes невроза: случаи, когда симтомовъ мало, или когда они выступаютъ рѣдко или не рѣзко, когда такимъ образомъ ослабленіе сказывается въ числѣ, въ интенсивности, въ продолжительности болѣзненныхъ явленій; но, быть можетъ, при этомъ останется необнаруженнымъ какъ разъ тотъ типъ, который повидимому чаще всего стоитъ на границѣ между здоровьемъ и болѣзнью. Этотъ типъ, въ которомъ проявленіями болѣзни служатъ дефектныя и симптоматическія дѣйствія, отличается именно тѣмъ, что симптомы сосредоточиваются въ сферѣ наименѣе важныхъ психическихъ функцій, въ то время какъ все то, что можетъ претендовать на болѣе высокую психическую цѣнность, протекаетъ свободно. Обратное распредѣленіе симптомовъ, ихъ проявленіе въ наиболѣе важныхъ индивидуальныхъ и соціальныхъ функціяхъ,—благодаря чему они оказываются въ силахъ нарушить питаніе, сексуальныя отправленія, обычную работу, общеніе съ людьми,—свойственно тяжелымъ случаямъ невроза и характеризуетъ ихъ лучше, чѣмъ, скажемъ, множественность или интенсивность проявленій болѣзни. Общее же свойство самыхъ легкихъ и самыхъ тяжелыхъ случаевъ, присущее также и ошибкамъ и случайнымъ дѣйствіямъ, заключается въ томъ, что *феномены эти могутъ быть сведены къ дѣйствію не вполнѣ подавленнаго психическаго матеріала, который, будучи вытѣсненъ изъ области сознательнаго, все же не лишенъ окончательно способности проявлять себя.*

листъ.-- Эстетическая философія.— Искусство.— Художественная критика.—Отношеніе къ маркизу.—Первый процессъ.—Второй процессъ.—Тюрьма.—Берневаль.—Послѣдніе годы жизни и смерть.—Эпилогъ.

Предлагаемая книга стремится дать возможно болѣе полное изображеніе захватывающей по своей трагичности жизненной судьбы Оскара Уайльда. До сихъ поръ въ литературѣ нѣтъ всеобъемлющей картины личности поэта во всемъ его величіи и слабости, и эта книга вызоветъ, несомнѣнно, къ нему интересъ во всѣхъ слояхъ нашего общества.

Германъ Эссвейнъ. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. Ц. 40 к.

Михаилъ Тригоринъ. Проблема пола и „Санинъ" Арцыбашева. 2-ое изданіе. Цѣна 35 коп.

III. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Западные Сборники. Книга первая. Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая. Цѣна 1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Лучи солнца. Марго. Прощальный визитъ. Принцесса.

Томасъ Маннъ. Фіоренца. Цѣна 1 руб.

Томасъ Маннъ. Тристанъ. Цѣна 1 руб.

Типографія Т-го Дома М. В. Балдинъ и К°. Арбатъ, д. № 7.

Обложка отпечатана въ тип. „Печатное Дѣло“, ф. Я. Бурче, Тверск. бул., д. 60.